

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

12
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: dep_ktpl@rggu.ru.

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: dep_ktpl@rggu.ru.

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

L.L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковская, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Л.Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Коммуникация и текст: общетеоретические вопросы

- Елена В. Маркасова*
«Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства
(к постановке проблемы) 14
- Григорий Е. Крейдлин, Георгий Б. Шабат*
Проблемы номинации в повседневных и научных текстах 30
- Людмила Л. Федорова*
Коммуникация, общение, диалог: к уточнению основных понятий
теории речевой коммуникации 39
- Софья Ю. Семенова*
О филолого-педагогическом наследии Эразма Роттердамского 52
- Анастасия Д. Козеренко, Григорий Е. Крейдлин*
Фразеологические соматизмы со словом *язык*:
на границе речи и молчания 62

Исследования дискурса

- Елена Н. Геккина*
Коммуникативные аспекты *требования* в юридическом дискурсе 73
- Ирина В. Высоцкая*
Пунктуационный знак «точка» как механизм воздействия
на адресата личного сообщения 82
- Светлана И. Переверзева*
Вопросительные предложения с вводными словами неуверенности
как инструмент речевого воздействия в текстах
Telegram-каналов СМИ 93
- Ксения М. Шилихина*
Юмор и ирония в дискурсе здорового образа жизни 104
- Евгений В. Насильников*
Стилистическое измерение формальности в политическом дискурсе
(на материале корпуса речей президентов США) 119

<i>Антон А. Ниязов</i> Исследование фреймирования парламентской риторики методами машинного анализа	132
---	-----

Коммуникативные практики

<i>Наталья В. Максимова</i> Продуктивное слушание в коммуникативной культуре языковой личности	143
--	-----

<i>Елена В. Чистова</i> Мультимодальные субституты профессиональных речений устных переводчиков	153
---	-----

<i>Виталий Я. Парамонов</i> Совместная трапеза как основа коммуникации в китайской культуре	165
---	-----

<i>Виолетта М. Хаимова</i> Эпистолярный диалог М. Цветаевой и Р.М. Рильке как взаимное эмоциональное воздействие и как творческая предыстория поэмы М. Цветаевой «Новогоднее»	183
--	-----

<i>Анна И. Хлопова</i> Сопоставление ценности <i>Glaube</i> в немецкой и австрийской лингвокультурах	196
--	-----

Хроника

<i>Светлана И. Переверзева</i> Всероссийская научная конференция Института лингвистики РГГУ «Язык и методы его описания-2023. Аспекты коммуникативной деятельности и проблемы их лингвистического описания: теория, практика, преподавание»	207
---	-----

Рецензия

<i>Павел С. Дронов</i> Рецензия на книгу: <i>Федорова Л.Л.</i> Свет в окошке: слово как образ. М.: РГГУ, 2022. 431 с.	222
--	-----

CONTENTS

Communication and text. General theoretical issues

- Elena V. Markasova*
“I + adjectival predicate” and historical circumstances
(stating the issue) 14
- Grigorii E. Kreidlin, Georgii B. Shabat*
Nomination issues in everyday and scientific texts 30
- Liudmila L. Fedorova*
Communication, “*obshchenie*” (being in contact), dialogue.
To clarify the basic concepts of the theory of speech communication 39
- Sofia Yu. Semenova*
On Erasmus of Rotterdam philological and pedagogical heritage 52
- Anastasia D. Kozerenko, Grigorii E. Kreidlin*
Phraseological somatic units with the word *yazyk* (tongue).
On the border of speech and silence 62

Discourse studies

- Elena N. Gekkina*
Communication aspects of the *demand* in the legal discourse 73
- Irina V. Vysotskaya*
Punctuation mark “dot (period)” as an influence mechanism
on the personal message addressee 82
- Svetlana I. Pereverzeva*
Questions with parentheses expressing uncertainty
in the Telegram media channels. An instrument of manipulation 93
- Ksenia M. Shilikhina*
Humour and irony in the discourse of healthy lifestyle 104
- Evgenii V. Nasilnikov*
The stylistic dimension of formality in political discourse
(based on the corpus of speeches by U.S. presidents) 119

<i>Anton A. Niyazov</i> Study of framing of parliamentary rhetoric using machine analysis methods	132
---	-----

Communicative practices

<i>Natalia V. Maksimova</i> Productive listening in the communicative culture of a language personality	143
---	-----

<i>Elena V. Chistova</i> Multimodal substitutes for interpreters' professional utterances	153
--	-----

<i>Vitalii Ya. Paramonov</i> Eating together as the basis of communication in Chinese culture	165
--	-----

<i>Violetta M. Khaimova</i> The epistolary dialogue between M. Tsvetaeva and R.M. Rilke as a mutual emotional impact and as a creative prehistory to M. Tsvetaeva's poem "Novogodnee"	183
--	-----

<i>Anna I. Khlopova</i> Comparison of <i>Glaube</i> value in German and Austrian linguocultures	196
--	-----

Chronicle

<i>Svetlana I. Pereverzeva</i> The all-Russian scientific conference of the Institute of Linguistics, RSUH, "Language and methods of its description-2023. Aspects of the communication activity and issues of their linguistic description. Theory, practice, teaching"	207
--	-----

Review

<i>Pavel S. Dronov</i> Book review: <i>Fedorova L.L.</i> Svet v okoshke: slovo kak obraz [Light in the window. The word as an image]. M.: RGGU, 2022. 431 p.	222
--	-----

Коммуникация и текст: общетеоретические вопросы

УДК 811.161.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-14-29

«Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства (к постановке проблемы)

Елена В. Маркасова
Пекинский университет, Пекин, КНР,
markasovaelena@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается цикличность конструкции «Я + адъективный предикат» в русском языке XIX–XX вв. Корпусные данные позволяют увидеть периоды увеличения и сокращения количества случаев использования фреймов как средства самопрезентации. Динамика каждого варианта наполнения фрейма представляет собой сложную кривую. Анализ выявленных циклов с опорой на знания об исторических событиях соответствующего периода показывает, что потребность в автохарактеристике усиливается в периоды реформ и сокращается в периоды социальных потрясений. Обнаруженная цикличность в использовании конструкции «Я + адъективный предикат» отражает связь общественно-политических обстоятельств с поиском характеристик «Я». Наполнение фрейма имеет следствием образование новых субстантивов, которые отражают появление новых социальных групп.

Ключевые слова: местоимение «я», имя прилагательное, идентичность, самопрезентация, диахроническая психология, социальная психология

Для цитирования: Маркасова Е.В. «Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства (к постановке проблемы) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 14–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-14-29

© Маркасова Е.В., 2024

“I + adjectival predicate”
and historical circumstances
(stating the issue)

Elena V. Markasova
Peking University, Beijing, China,
markasovaelena@yandex.ru

Abstract. The article describes the cyclical nature of the construction “I + adjectival predicate” in the Russian language of the 19th – 20th centuries. Corpus data allows to see periods of increase and decrease in the number of the frames use cases as a means of self-presentation. The dynamics of each frame filling option is a complex curve. An analysis of the identified cycles based on knowledge about the historical events of the corresponding period shows that the need for autocharacteristics increases during periods of reform and decreases during periods of social upheaval. The discovered cyclicity in the use of the “I + adjectival predicate” construction reflects the connection of socio-political circumstances with the search for characteristics of the “I”. The filling of the frame has the consequence of the formation of new substantives that reflect the emergence of new social groups.

Keywords: pronoun “I”, adjective, identity, self-presentation, diachronic psychology, social psychology

For citation: Markasova, E.V. (2024), “‘I + adjectival predicate’ and historical circumstances (stating the issue)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 14–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-14-29

Введение

Интерес к «Я», местоимению, непосредственно связанному с понятием персональной и социальной идентичности¹, объединяет лингвистику с философией и литературоведением, индивидуальной, социальной и диахронической психологией, которые также занимаются проблематикой «Я-концепции», субъектности, «двойного присутствия» [Shoemaker 1963; Billing 1985; Glover 1988; Doise 1998; Сидорова, Липгарт 2018; и др.].

¹ *Olson E.T.* Personal identity // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2019 / ed. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (дата обращения 09.07.2020).

В русской грамматике конструкции, связанные с «я-сферой», интенсивно развиваются с середины 1820-х гг. К концу 1840-х гг. как проявление поиска человеком равенства самому себе появляются ранние тавтологические конструкции с местоимением «я» (*я есть я, я это я, я не я*) [Лю, Маркасова 2021]. Распространение адъективных предикатов при местоимении первого лица единственного числа начинается с середины 20-х гг. XIX в.: «Я» постепенно освобождается от квалификатива-существительного (*Я хороший / Я хороший хозяин, Я хороший врач* и др.) [Маркасова 2023б]. Теперь прилагательное характеризует личность вне связи с ее типом деятельности или социальной сферой. В конце первой трети XIX в. в русском языке сформировалось понятие «личность» [Виноградов 1999, с. 273]. Это был «сложный процесс, в котором объективное (пространственное и социальное) обособление индивида и рост его социальной самостоятельности сочетались с повышением психологической ценности «Я» [Кон 1984, с. 97]. Эти наблюдения коррелируют с выводами специалистов в области диахронической психологии, отмечавших изменения в самосознании личности в этот период, и опровергают мнение о возникновении таких конструкций в XXI в. [Шамсутдинова 2022]

Методология, исходные данные и терминология

Методология нашего исследования не является авторской: это распространенный в различных областях гуманитарного знания синтез элементов критического дискурс-анализа (КДА) и комбинированной стратегии (*mixed methods*) [Методология 2014, с. 55–59, 243–250]. Новизна нашего подхода заключается лишь в том, что эта методология применена к анализу отдельной конструкции, которую прежде таким образом не анализировали.

Наша ориентация на КДА обусловлена темой работы: мы исследуем связь между функционированием отдельной конструкции и социально-историческими процессами, т. е. шире – связь между языком и социумом. КДА «представляет собой совокупность теорий и методов эмпирического исследования, изучающих отношения между дискурсом и социально-культурными процессами в разных областях. <...> изучает не столько языковые практики как таковые, сколько лингвистические характеристики социальных и культурных процессов и структур. <...> КДА рассматривает дискурс как форму социального поведения...» [Методология 2014, с. 243–244].

Комбинирующая стратегия (Mixed methods) соединяет качественный и количественный анализ: «Поскольку любой научный метод обеспечивает взгляд на исследуемую реальность с определенной точки зрения, то условием получения более или менее достоверного знания становится принцип дополнительности методов познания. <...> Поскольку все методы имеют свои ограничения, комбинирование методов может содействовать преодолению ограниченности как качественных, так и количественных методов» [Методология 2014, с. 56]. Применение комбинированной стратегии правомерно, если «одного вида данных недостаточно — например, стоит задача объяснить и обобщить полученные данные, верифицировать (проверить) данные, полученные одним методом, посредством применения другого метода» [Методология 2014, с. 56].

Из процедур, характерных для комбинированной стратегии, в нашей работе применялись последовательные процедуры (Sequential procedures). Факты, полученные в другом (не лингвистическом!) дисциплинарном поле (история, философия, диахроническая психология, социология), верифицируются на основе количественных характеристик единиц, изучением которых занимается лингвистика. Для объяснения количественных данных и установления связей между разными факторами используются результаты, достигнутые представителями других научных областей.

В этой работе мы будем опираться на материал, описанный в [Маркасова 2023а; Маркасова 2023б]. Хронологические рамки исследования – 1800–2000 гг. В результате поиска в НКРЯ по формуле: «я (SPRO, nom, sg, 1p) + _ (A,nom,sg,(m|f))» создана выборка из 4198 контекстов².

В нашей работе далее будут использоваться следующие термины.

Фрейм – конструкция «Я + адъективный предикат», характеризующая состояние Я по определенному параметру: эмоциональное состояние (*веселый*), принадлежность к группе (*беспартийный*), связь с географическим пространством (*здешний*), самооценка (*гаджик*) и др. Кратные фреймы – фреймы, содержащие одинаковые прилагательные. Например, фрейм *Я безумный* пред-

² Из первичной выборки (20 тыс.) были исключены фразеологизмы и ряд конструкций (подлежащее (Я) + предикат (прилагательное + существительное) типа *Я дворянская дочь*; подлежащее (Я) + определение (прилагательное) + предикат; (Я) + прилагательное или причастие, перешедшее в существительное; (Я) + притяжательное прилагательное», (Я) + сравнительная/превосходная степень прилагательного», (Я) + фамилия»).

ставлен 14 контекстами с прилагательными «безумный/безумная», выделенными нами из корпуса; фрейм *Я хороший* представлен 125 контекстами с прилагательными *хороший/хорошая* и т. д. Среди кратных фреймов выделяется список «топовых» (*Я живой, Я добрый, Я глупый, Я старый, Я бедный* и др.). Кроме кратных фреймов, существуют около 600 единичных фреймов, каждый из которых представлен в двухсотлетней выборке только одним прилагательным (например, *Я взверенный, Я безмундирный*).

Базовый график (График 1) – график, включающий данные обо всех случаях употребления конструкции. По оси X откладываются годы, по оси Y – количество контекстов. Были отдельно составлены два графика: первый – из 22 наиболее часто употребляемых, второй – из некратных, встретившихся по 1 разу за все 200 лет. Базовый график получился в результате их соединения. Метка –2 на оси Y была поставлена, чтобы начало графика с малыми величинами не сливалась с осью X.

Некратные фреймы не образуют циклов по определению, однако их суммарный график имеет корреляцию 0,92 с графиком 22-х топовых кратных фреймов (по Пирсону).

Циклом считается интервал между парой смежных локальных минимумов. Поскольку в целом количество случаев употребления кратных фреймов растет, следующий локальный минимум может быть выше предыдущего.

Говорить о цикличности можно с 1850-х гг. (см. График 1). Цикличность базового графика фреймов и цикличность конкретного фрейма можно рассматривать по отдельности. Дата первого случая использования конкретного прилагательного индивидуальна. Например, кратные фреймы «я хороший» и «я плохой» возникли в разные периоды, но при этом их циклы могут совпадать в некоторые промежутки времени [Маркасова 2023б].

Количество адъективных предикатов при местоимении «Я» на протяжении последних двухсот лет росло. Известно, что в НКРЯ периоды могут быть представлены неравномерно, поэтому может возникать ощущение, что искомой единицы стало больше только по той причине, что современные тексты загружаются быстрее, чем старые. Чтобы убедиться в достоверности нашего наблюдения, мы использовали метод интервальной оценки употребления конструкции, что важно для описания цикличности, и произвели следующие вычисления.

В последний период (с 1951 по 2000 г.) в подкорпусе фиксируется 97 562 254 словоупотребления в 21 234 документах, при этом в этом подкорпусе зарегистрировано 1800 исследуемых конструкций. Назовем интенсивностью употребления конструкции *I* отно-

шение объема корпуса N к количеству найденных конструкций n : $I = N / n$. В нашем случае $I = 97\,562\,254 / 1800 = 54\,201,25$. Значит, в среднем одна конструкция приходится на 54 201,25 слова, или же (при условии ее равномерного распределения в корпусе) интервал между употреблениями в среднем должен быть 54 201,25 слова. Увеличение значения данного коэффициента указывает на снижение употребительности конструкции, а уменьшение – наоборот, на повышение употребительности. Сравним эти данные с аналогичными данными первого из исследуемых периодов. В промежутке времени с 1800 по 1825 г. 1 пример приходится на 600 301 слово. Таким образом, рост интенсивности употребления конструкции очевиден.

Цель работы – описать цикличность, обнаруженную в истории существования конструкции «Я + адъективный предикат».

Гипотеза. Изменения в использовании фреймов связаны с историческими событиями, затрагивающими (а иногда разрушающими) повседневность социума, внутренний мир человека. В наши задачи не входит исследование связи цикличности фрейма с циклами в экономике, как и вопрос о происхождении каждого случая (исконного или заимствованного).

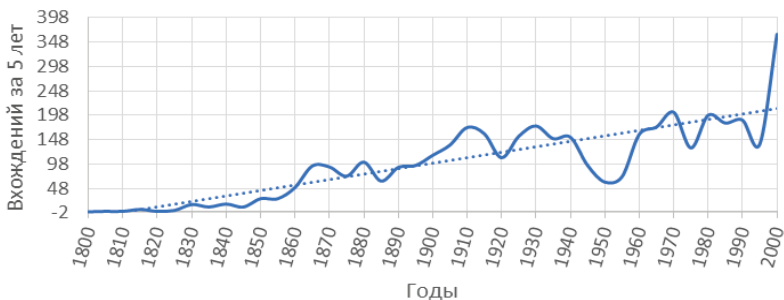

График 1. Базовый график

Общая характеристика циклов

До середины XIX в. говорить о цикличности вряд ли целесообразно. Рост использования конструкции намечается после 1825 г., но она малочисленна: с 1826 по 1850 г. обнаружено около 90 примеров, тогда как в 1851–1900 гг. – около 800. Базовый график показывает, что в истории конструкции можно различить границу между дореволюционным и послереволюционным периодом. Для обоих периодов

характерны количественное увеличение фреймов и рост разнообразия адъективов, но для дореволюционного периода (в отличие от послереволюционного) не характерны частые и резкие спады и подъемы.

Складыванию цикличности предшествовали события, изменившие внутреннюю политику Российской империи: восстание декабристов (1825), восшествие на престол Николая I, при котором Россия участвует в русско-персидской (1826–1828) и в русско-турецкой (1828–1829) войнах, затем в подавлении Польского восстания (1830), в подавлении революции в Венгрии (1849), в Крымской войне (1853–1856).

Увеличение начинается с середины XIX в., поэтому далее мы сосредоточим внимание на характеристиках циклов, ведущих отсчет с 1855 г., т. е. с воцарения Александра II (1855–1881). График показывает, что фазы подъема приходятся на 1855–1865, 1875–1880, 1885–1914, 1921–1929, 1935–1940, 1950–1969, 1975–1980 гг.

1-й цикл	1855–(1865)–1875:	20 лет
2-й цикл	1875–(1880)–1885:	10 лет
3-й цикл	1885–(1914)–1921:	36 лет
4-й цикл	1921–(1929)–1935:	15 лет
5-й цикл	1935–(1940)–1953:	18 лет
6-й цикл	1953–(1969)–1975:	22 года
7-й цикл	1975–(1980)–1985:	10 лет
8-й цикл	1985–(1990)–1995:	10 лет
9-й цикл	1995(?) –	

В послереволюционный период новый подъем наблюдается с 1921 по 1929 г. (подъему предшествуют Первая мировая война, революция, Гражданская война, смена власти и государственного строя). Подъему с 1935 по 1940 г. предшествуют коллективизация, голод, начало индустриализации, обострение борьбы с партийной оппозицией. С 1950 по 1969 г. (подъему предшествуют Хасан и Халхин-Гол, Финская и Вторая мировая войны и сопутствующие им события, интенсивное восстановление экономики, репрессии и т. д.). Можно предположить, что подъемы происходят после социальных потрясений. Под термином «социальное потрясение» мы понимаем изменение в жизни общества, которое разрушает существовавшие социальные структуры, межличностные связи и отношения, нарушает иерархические связи между властью и гражданином, а также внутри сложившихся групп и сообществ, приводит к глобальным изменениям в организации пространства (внешнего – на уровне территориальных границ) и внутреннего

(на уровне включения цензуры и самоцензуры по отношению к допустимости поведения в прежде привычных формах).

Описание последнего цикла не завершено, но известно начало последнего подъема (1995). Начало и конец цикла не может точно совпадать с приходом к власти определенного лица или со сменой властных структур. Так, период правления Александра II включает в себя два цикла и, соответственно, два подъема. Правление Александра III – один цикл, Николая II – один цикл, а советский период состоит из четырех циклов.

Исторический контекст (на примере двух циклов)

Опираясь на график, мы можем говорить о том, что первому подъему (с 1855 по 1865 г.) предшествует Крымская война. Александр II (Освободитель, Реформатор) – фигура дискуссионная, вызывающая разные оценки [Александр II 2012]. Однако невозможно отрицать, что при нем происходили изменения, приведшие к росту социальной мобильности, причем как в географическом смысле (смена места жительства), так и в социальном (изменение принадлежности к классам или стратам, профессиональным группам). С 1857 г. в России начинается «оттепель». В 1861 г. крестьяне освобождаются от крепостной зависимости. Открываются крупные заводы (например, Невский судостроительный и Обуховский [1862]), нуждающиеся в рабочей силе. Интенсивно развивается строительство железных дорог. Империя расширяется за счет завоеваний в Средней Азии и на Северном Кавказе, присоединения Приамурья и Приморья и других территорий. Принято положение о заселении ряда новых территорий переселенцами из России. С 1863 г. отменяются телесные наказания. Судебная реформа 1864 г. упраздняет сословный суд, сглаживаются сословные различия и меняется сословный состав лиц, задействованных в системе судейства [Уортман 2004]. В результате реформы образовательные учреждения разделены на классические гимназии (с правом поступления в университет) и реальные училища. Благодаря военной реформе сокращается срок службы. Внутренняя политика дает импульс к созданию новых социальных групп, ломает старые представления о возможностях человека, приводит к разрыву с привычным пространством и окружением.

Все это проявляется в изменении фреймов: таким образом, можно объяснить и автохарактеристики по географической привязке и большое количество характеристик по уровню бедности, необразованности, слабого здоровья и прочим параметрам, активно

дискутируемым в демократической прессе в рамках обсуждения страданий русского народа.

Изменение внутренней политики в сторону ужесточения контроля начинается в 1866 г. (после подавления Польского восстания 1863–1864 гг. и покушения Д. Каракозова).

Именно при Александре II в разных социальных слоях ширится общественное недовольство (чего не было при Николае I): происходят крестьянские бунты, среди интеллигенции и рабочих возникают антиправительственные группы и кружки, в том числе организация «Земля и Воля». Формируются различные концепции борьбы с властью (пропагандистская и террористическая) [Литвак 1967; Зайончковский 1968; Миронов 2019].

Первый подъем совпадает с периодом правления Александра II (до покушения на него Д. Каракозова). Второй подъем продолжается с 1875 до 1880 г. на фоне борьбы государства с народниками и русско-турецкой войны (1877–1878). В 1873–1874 гг. начинается «хождение в народ», с 1875 г. ведется следствие по делу «хождениев», которое завершается «Процессом 193-х» (1877–1878).

После 1880 г., с началом царствования Александра III (1881–1894), волна употребления конструкции «Я + адъективный предикат» идет на спад до 1885 г. Следующий цикл начинается с 1885 г. и охватывает часть правления Александра III (1881–1894) и Николая II (1894–1917). Изменение (ужесточение) внутренней политики при Александре III и впоследствии при Николае II сопровождается формированием новых социальных групп. Спад начинается в 1914 г. и продолжается весь период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны.

Состав адъективов (на примере двух циклов)

Всего первый (двадцатилетний) цикл дает около 300 конструкций, второй (десятилетний) – около 200. Однако в сумме это не 500 разных прилагательных, а всего около 230 лексем. У этого периода три основные особенности.

Во-первых, рост прилагательных с приставками «без/бес», *бездушный, безногий, безобразная, безумная (7) беспаспортный, беспокойная, бесчестная (2), беспамятная, бесприходный, беспутный, бессовестный, бесстыжая, бесталанная, бестолковая, бесхарактерный.* (От предшествующего периода сохранилось прилагательное *безумный.*)

Во-вторых, большое количество прилагательных, означающих отрицательные качества и характеризующих неудовлетворенность

собой. Приведем неполный список, не включив в него перечисленные выше прилагательные: *бедный/ая* (14), *бледная* (3), *божеви́льная* (2), *большой* (3), *недобрая*, *ветреная/ый* (2), *виноватая/ый* (4), *вялая*, *гадка/ий* (4), *глупая/ый* (21), *глупенькая* (5), *голый*, *грешная/ый* (5), *грустная* (2), *грязный*, *ревнивая*, *злая* (2), *дикая/ий* (2), *дурная/ой* (10), *жадная*, *жалкая*, *жалостливая*, *злая* (13), *злой* (15), *злостный*, *злосчастная*, *злющая-презлющая*, *испорченная*, *капризная* (1), *ленивая*, *лишний/ая* (17), *лукавый*, *мерзкая* (2), *мертвая* (5), *опростелый*, *нахмуренный*, *неблагодарная/ый* (4), *невнимательная*, *негодная*, *неграмотный* (3), *недолговечный*, *недостойный*, *неимущая*, *нелюбимый*, *непорядочная*, *неразвитая*, *необразованная*, *неподходящий*, *нервная*, *несмелый*, *неспособная*, *несчастливая/ый* (36), *нэщастный*, *разнесчастная*, *неученая* (2), *нехорошая*, *низкая*, *ничтожная/ый* (2), *нищая/ий* (23), *одинокая*, *окаянная* (5), *отпетая*, *отсталая*, *отчаянный*, *погибшая*, *поганая*, *последний* (3), *посторонний*, *праздная*, *презлая*, *прескверная*, *престранная*, *продажная*, *простая/ой* (3), *простоголовая*, *пустая*, *пьяная/ый* (8), *развратная*, *разнесчастная*, *рассеянный*, *растрепанная*, *редкостный*, *растрепанная* (2), *разнесчастная*, *ручной* (2), *сварливая*, *злая*, *неугодливая*, *своевольная*, *сердитый*, *скверная* (4) *слабая/ый* (4), *слабенький*, *слабоногий*, *слепая/ой* (4), *смешная/ой* (7), *смирный* (6), *смирненький*, *средняя*, *старый* (3), *старенький*, *странная*, *тощая*, *тяжелая*, *убогий*, *удобный*, *хворый*, *хитрый* (2), *хмельной*, *худенький*, *тоненький*, *хиленький*, *черноватый*, *чижолая*, *чувствительный*, *чужая/ой* (9) и др.

Характеристик, содержащих положительную оценку, меньше по количеству (110 конструкций, т. е. примерно одна треть): *благородный/ая* (5), *благочинный*, *блаженный* (3), *богатая* (2), *бойкая*, *большая/ой* (4), *веселая* (4), *главная*, *горячая* (2), *грамотный* (5) *гуманная*, *добрая/ый* (18), *живая/ой* (4), *знатная* (2), *красивая*, *крепкая*, *бодрая*, *молодая/ой* (6), *молоденькая* (2), *мудрая/ый* (2), *мягкая*, *набожный*, *славная*, *смирный*, *сочная*, *настоящая/ий* (3), *неистовая*, *необыкновенная*, *нетленная*, *особая*, *почтенный*, *правый*, *равная/ый* (2), *развитой*, *святая*, *сильная*, *смелая*, *смирный* (6), *смирненький*, *спокойная*, *счастливая/ый* (4), *умный* (4), *хорошая/ий* (2), *хорошенькая*, *храбрый*, *честная/ый* (4), *чистая*.

В-третьих, распространяются относительные прилагательные, которые характеризуют лицо по географической или социальной принадлежности: *бесприходный*, *вдовый*, *воробьевский*, *дальная/ий* (2), *заезжий*, *здешний/ая* (5), *петербургский*, *горемыкинская*, *куракинский*, *княжеская*, *московский*, *независимый*, *нездешний* (3), *первостатейный*, *посторонний*, *почетный*, *самовольная*, *сбеглый*,

сиятельная, смоленский, совершеннолетний/я (З), фабричный, царский (З), церковный, чернолесский.

Намечается тенденция более широкого использования диминутивов как средства провоцирования сочувствия: *худенький, тоненький, хиленький.*

Адъективы амбивалентного типа (их можно интерпретировать и как положительные, и как отрицательные) немногочисленны и заслуживают отдельного исследования (например: *естественная, застенчивая, странная, чувствительный, яростная, средняя* и др.).

Можно предположить, что основные тенденции в развитии фреймов формируются как следствие определенного внутривнутриполитического и внешнеполитического курса. По крайней мере, автохарактеристики через указание географической привязки или социальной принадлежности весьма актуальны в условиях социальной мобильности и замены старых социальных связей новыми. Что касается абсолютного преобладания отрицательных автохарактеристик в речи героев, тут тоже нет ничего удивительного: это не только дань литературной моде употребления конструкции, но и отражение доминирующей в литературе тематики народных страданий. Отметим, что восприятие современным читателем характеристики «Я + адъектив» как отрицательной или положительной на основе словарного значения может быть заблуждением. Очень часто оценочные прилагательные (типа «плохой», «скверный») используются в манипулятивных целях, и за ними скрывается положительная оценка говорящим своего «Я» [Маркасова 2023а, с. 104–105]. «Самоидентификация (что такое «я» для себя) оборачивается своей второй стороной – самопрезентацией (что такое «я» для других)»³.

Адъективы и социальная психология

Реформы, как правило, создают ощущение нестабильности среди социальных групп, чувствовавших себя относительно стабильными при прежней власти. Новые группы, организуемые как сверху, так и снизу, возникают вследствие потребности человека устоять в меняющемся мире с помощью обретения опоры в виде новой социальной группы или микрогруппы. Утрата прежних социальных связей на уровне мезогрупп (неперспективные деревни, нерентабельные предприятия) или мини-групп (разрушение

³ *Норман Б.Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): Курс лекций. Мн.: Изд-во БГУ, 2017. С. 29.

семей и родственных связей во время войн и революций) интенсифицирует поиск новой идентичности и болезненное желание сохранить прежнюю персональную идентичность. Усиление интереса к собственной идентичности психологи связывают с «потребностью в позитивном самоуважении» [Иванова 2004].

Изменения в моделях самопрезентации обусловлены изменениями в психологии индивида и социума (на уровне макрогрупп, мезогрупп и микрогрупп) и не могут быть привязаны к точной дате. Дело не только в том, что психологические изменения не происходят одновременно. Анализируя данные XIX–XX вв., мы можем опираться только на письменные источники, а новая самоидентификация и способы самопрезентации должны найти отражение в текстах, которые проходят издательский цикл.

Заключение

Обнаруженная нами цикличность в употреблении конструкции нуждается в дальнейшем изучении. Колебания количества и изменение состава адъективов во фреймах обнаруживают связь с переменами курса внутренней и внешней политики. С уходом каждого очередного «кабинета» следует ожидать начала очередного цикла. Мы предполагаем, что формирование спадов и подъемов в каждом цикле связано с обновлением восприятия человеком своего места в обществе [Хесле 1994; Павленко, Корж 1998]. В употреблении описанной конструкции отражаются кризисы идентичности, возникающие после определенных событий или перед ними, а также изменения в структурах социальных групп.

В обновлении лексического состава предикатов нет ничего неожиданного: лексика всегда быстро реагирует на общественные перемены. Но мы можем говорить о возникновении нового грамматического способа самопрезентации, реагирующего на общественные настроения и отражающего новое мироощущение. На основе наших данных можно увидеть, как расходятся пути прилагательных в истории самопрезентации: одна часть остается прилагательными, другая часть переходит в существительные. Процесс субстантивации переживают те прилагательные, которые закрепляются в статусе наименования новых социальных групп (например, *рабочий*, *беспризорный*) или как востребованные новой реальностью псевдонимы (имена собственные типа *Одинокий*, *Беспощадный*, *Бездомный*). Эта тема требует отдельного освещения.

Благодарности

Я благодарю независимого исследователя В.И. Бескровных за статистическую обработку данных и О.А. Митрофанову (СПбГУ) за ценные советы в области интерпретации корпусных данных.

Acknowledgments

I thank independent researcher V.I. Beskrovnykh for statistical processing of data and O.A. Mitrofanova (St. Petersburg State University) for valuable advice in interpreting corpus data.

Литература

- Александр II 2012 – Александр II: Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей / отв. ред. В.В. Лапин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 282 с.
- Виноградов 1999 – *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. 1142 с.
- Методология 2014 – Методология и методы социологического исследования / под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 388 с.
- Зайончковский 1968 – *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. 368 с.
- Иванова 2004 – *Иванова Н.Л.* Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Психологический журнал. 2004. № 1 (25). С. 52–60.
- Кон 1984 – *Кон И.С.* В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Литвак 1967 – *Литвак Б.Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. 127 с.
- Лю, Маркасова 2021 – *Лю Г., Маркасова Е.В.* Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. 2021. № 4 (8). С. 701–716.
- Мионов 2019 – *Мионов Б.Н.* Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 817–842.
- Маркасова 2023а – *Маркасова Е.В.* «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «я» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 103–117.
- Маркасова 2023б – *Маркасова Е.В.* Адъективный предикат «плохой/хороший» при местоимении «я» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 23–35.

- Павленко, Корж 1998 – Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. № 1 (19). С. 75–89.
- Сидорова, Лингарт 2018 – Сидорова М.Ю., Лингарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки. Ч. 1 // Филология и человек. 2018. № 3. С. 21–38.
- Уортман 2004 – Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / авторизов. перевод с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: НЛО, 2004. 515 с. (Historia Rossica)
- Хесле 1994 – Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
- Шамсутдинова 2022 – Шамсутдинова Р.Р. Субстантивация местоимений: отражение меняющихся ценностных установок в современной речи // Общая и русская лингвоаксиология / отв. ред. М.С. Милованова; ИЯз РАН; Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. С. 195–205.
- Billing 1985 – Billing M. Social representation, objectification and anchoring. A theoretical analysis // Social behavior. 1985. № 3. P. 1–16.
- Doise 1998 – Doise W. Social representations in personal identity // Social identity (international perspectives). L.; New Delhi, 1998. P. 13–24.
- Glover 1988 – Glover J. I: The philosophy and psychology of personal identity. L.: Penguin, 1988. 212 p.
- Shoemaker 1963 – Shoemaker S. Self-knowledge and self-identity. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 276 p.

References

- Billing, M. (1985), “Social representation, objectification and anchoring. A theoretical analysis”, *Social behavior*, no. 3, pp. 1–16.
- Doise, W. (1998), “Social representations in personal identity”, in *Social identity (international perspectives)*, London, UK, New Delhi, India, pp. 13–24.
- Dudina, V.I. and Smirnova, E.E., eds. (2014), *Metodologiya i metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of sociological research], Izdatel'stvo SPBGU, Saint Petersburg, Russia.
- Glover, J. (1988), *I: The philosophy and psychology of personal identity*, Penguin, London, UK.
- Ivanova, N.L. (2004), “Social identity in various socio-cultural conditions”, *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 25, no. 1, pp. 52–60.
- Khesle, V. (1994), “Individual and collective identity crisis”, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 112–123.
- Kon, I.S. (1984), *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie* [In search of oneself. Personality and its self-awareness], Politizdat, Moscow, USSR.

- Lapin V.V., ed. (2012), *Aleksandr II: Tragediya reformatora: lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudei: sbornik statei* [Alexander II. The tragedy of a reformer. People in the fates of reforms, reforms in the fates of people. Collected articles], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Litvak, B.G. (1967), *Opyt statisticheskogo izucheniya krest'yanskogo dvizheniya v Rossii XIX v.* [Experience of a statistical study of the peasant movement in Russia in the 19th century], Moscow, USSR.
- Liu, G. and Markasova, E.V. (2021), "I am I (identity and communication)", *Kommunikativnye issledovaniya*, vol. 8, no. 4, pp. 701–716.
- Markasova, E.V. (2023), " 'I am unhappy, but alive'. An adjectival predicate with the pronoun 'I' ", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 82, pp. 103–117.
- Markasova, E.V. (2023), "The adjectival predicate 'bad/good' with the pronoun 'I' ", *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, vol. 9, no. 4 (36), pp. 23–35.
- Mironov, B.N. (2019), "The peasant movement in Russia on the eve of emancipation as a moment of truth", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 64, iss. 3, pp. 817–842.
- Norman, B.Yu. (2017), *Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov): Kurs lektsii* [Linguistic pragmatics (based on Russian and other Slavic languages): Course of lectures]. Izdatel'stvo BGU, Minsk, Belorussia.
- Pavlenko, V.N. and Korzh, N.N. (1998), "Transformation of social identity in a post-totalitarian society", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 19, no. 1, pp. 75–89.
- Shamsutdinova, R.R. (2022), "Substantivization of pronouns. Reflection of changing value attitudes in modern speech", in Milovanova-Ilyaz, M.S., ed., *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya* [General and Russian linguaxiology], Kantsler, Moscow, Yaroslavl, Russia, pp. 195–205.
- Shoemaker, S. (1963), *Self-knowledge and self-identity*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Sidorova, M.Yu. and Lipgart, A.A. (2018), "The grammar of modern Russian poetry. Subjective perspective, predicative categories, modal frames. Part 1", *Filologiya i chelovek*, no. 3, pp. 21–38.
- Uortman, R. (2004). *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [Rulers and judges. The development of legal consciousness in imperial Russia], NLO, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1999), *Istoriya slov* [History of words], Moscow, Russia.
- Zaionchkovskii, P.A. (1968), *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of serfdom in Russia], Moscow, USSR.

Информация об авторе

Елена В. Маркасова, доктор филологических наук, Пекинский университет, Пекин, Китай; 100871, Китай, Пекин, р-н Хайдянь, Ихэюань, д. 5; markasovaelena@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Markasova, Dr. of Sci. (Philology), Peking University, Beijing, China; 5, Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing, P.R. China, 100871; markasovaelena@yandex.ru

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-30-38

Проблемы номинации в повседневных и научных текстах

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Георгий Б. Шабат

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, george.shabat@gmail.com*

Аннотация. Целью работы является сопоставительный анализ номинаций в устных и письменных текстах повседневного русского языка и языков науки. В качестве языка науки выбран язык математики, где проблемы номинации возникают с первых шагов овладения этим языком. Показаны трудности, с которыми сталкиваются студенты-гуманитарии при обозначении математических объектов. Сопоставляются проблемы номинации, возникающие при описании объектов внеязыковой действительности, и близкие к ним проблемы соотнесения математических объектов с их языковыми описаниями.

Ключевые слова: номинация, повседневный текст, математический текст, референция, нулевое кванторное слово, отождествление и различение

Для цитирования: Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Проблемы номинации в повседневных и научных текстах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 30–38. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-30-38

© Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б., 2024

Nomination issues in everyday and scientific texts

Grigorii E. Kreidlin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gekr@iitp.ru*

Georgii B. Shabat

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
george.shabat@gmail.com*

Abstract. The paper aims at the comparative analysis of nominations in oral and written texts of everyday Russian and languages of science. The language of mathematics is chosen as an example, where the issues of nominations arise from the first steps of mastering that language. The article demonstrates difficulties in nominations of mathematical objects, with which humanitarian students are usually confronted. The issues of nominations while describing the objects of outer reality are compared with those of references in mathematical texts.

Keywords: nomination, everyday text, mathematical text, reference, null quantifier word, identification and distinguishing

For citation: Kreydlin, G.E. and Shabat, G.B. (2024), "Nomination issues in everyday and scientific texts", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, vol. 12, pp. 30–38, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-30-38

Введение

В настоящей работе рассматриваются проблемы номинации в повседневном русском языке и в языке науки.

В разного типа текстах объекты и предикаты, референтами которых служат предметы или ситуации того мира, которые они описывают, получают естественно-языковое обозначение. Вместе с тем в научных текстах наряду с такими обозначениями встречаются знаки, которые не принадлежат естественному языку и которые функционально сходны с языковыми именными и глагольными группами. Примерами таких знаков являются *наклонная плоскость* (физика), *серная кислота* (химия), *взять интеграл* (математика).

Далее мы остановимся, по необходимости кратко, на проблемах референции, под которой принято понимать способ соотношения языковой единицы с неязыковым объектом или ситуацией. Мы продемонстрируем некоторые из проблем референции, которые встают при синтезе и анализе бытовых и научных текстов.

Номинации в повседневных текстах. Референции

В работах Е.В. Падучевой и некоторых других лингвистов (см., например [Падучева 1974; Крылов 1984]) было выделено несколько способов соотнесения языковых единиц с неязыковыми объектами или ситуациями. Эти способы называют *типами референции*.

Основными типами референции (по Е.В. Падучевой) являются:

- конкретная (*мне нравится этот стол*);
- родовая (*я хочу купить такой стол*);
- экзистенциальная (*у нее есть кое-какие недостатки*);
- универсальная (*это знает каждый мальчик из нашего класса*);
- автонимная (*Итак, она звалась Татьяной*).

Для каждого типа референции существуют определенные языковые маркеры, то есть языковые единицы, которые помогают эксплицировать данный тип референции. Для конкретной референции это некоторые местоимения, местоименные прилагательные, а в языках с артиклями – определенные артикли.

В информационно-логическом языке (ИЛЯ), который был предметом многолетних исследований группы лингвистов под руководством Е.В. Падучевой, для различения и отождествления конкретных объектов использовались так называемые *индексы*, которые не принадлежат естественному языку (русскому). ИЛЯ служил языком-посредником при переводе русских текстов формулировок теорем элементарной геометрии на некоторый формальный язык. Так, в формулировках признаков равенства треугольников всегда присутствуют два треугольника, и, чтобы их различить, в ИЛЯ вводятся обозначения *треугольник α* и *треугольник β* , где α и β – индексы.

Примерами языковых маркеров родовой референции являются прилагательные *такой, такие, похожий*; существительное *типа*, предлог *вроде*.

Маркеры экзистенциальной референции – это слова *некоторый, существует, найдется, один, какой-то* и др. Маркеры универсальной референции – это слова *всякий, любой, каждый*, фразеологический оборот *каков бы ни был*, а также так называемые *нулевые кванторные слова*, а маркеры автонимной референции – это, прежде всего, глаголы *называется, зовется, быть* (в одном из значений).

Из проблем номинации, характерных для повседневных текстов, выделим две:

- 1) наличие в русском языке обобщающих предметных имен типа *яд, кляп, протез* и др., каждое из которых «вбирает» в себя конкретные обозначения разнообразных ядов, кляпов, протезов и т. д.;

- 2) «расшифровка» нулевых кванторных слов и определение контекстов, когда нулевому кванторному слову соответствует в языке математики квантор общности, а когда – квантор существования.

Приведем примеры формулировок теорем на естественно-подобном математическом языке (об этом языке см. в работах [Kreydlin, Shabat 2020]), в которых встречаются нулевые кванторные слова, соответствующие разным кванторам.

- (1) В равнобедренной трапеции два острых угла равны (имеется в виду: во всякой).
- (2) Во всяком равнобедренном треугольнике два угла острые (имеются в виду: некоторые).

Номинации в математических текстах

В письменных математических текстах, помимо единиц, принадлежащих естественно-подобному языку, используются разнообразные обозначения объектов, в том числе нелинейные.

Под нелинейным обозначением математического объекта мы понимаем его запись, которая не является последовательностью символов.

Примерами нелинейных обозначений являются обозначения дробей $\frac{1}{2}$, $\frac{5}{4}$, многочленов $ax^2 + bx + c$, x^3 , степеней 2^n , e^x , определенных интегралов $\int_a^b f(x) dx$. Примеры линейных обозначений – это обозначения многочлена $kx + b$, производной $f'(x)$, неопределенных интегралов $\int f(x) dx$. Линейное обозначение математического объекта может быть набрано на клавиатуре компьютера последовательным нажатием клавиш (для некоторых текстов требуются специальные редакторы, содержащие, например, символ \int).

В устной коммуникации математики (в разговорах между собой или в процессе преподавания математики нематематикам), как правило, стараются обходиться без обозначений. Иными словами, они пытаются формулировать свои утверждения и вопросы исключительно на естественно-подобном языке, хотя это не всегда возможно (см. об этом ниже).

По меньшей мере, в трех случаях, а именно при преподавании математики, при произнесении научных докладов и в профессиональном устном общении математиков письменная и устная коммуникации сочетаются, или комбинируются. Опыт одного из авторов, профессионального математика, приобретенный им

в процессе преподавания математики лингвистам, убеждает в том, что одна из основных трудностей при понимании математики гуманитариями состоит в том, что преподаватель часто говорит студентам одно, а пишет другое. Так, преподаватель произносит утверждение *квадратный трехчлен имеет корни тогда и только тогда, когда его дискриминант неотрицателен* и одновременно с этим пишет на доске:

$$[\exists x[x^2 + px + q = 0]] \iff \left[\frac{p^2}{4} - q \geq 0 \right].$$

В этой записи подразумевается, что фразеологическое сочетание *квадратный трехчлен* переводится на алгебраический язык выражением $x^2 + px + q$, а дискриминант этого квадратного трехчлена есть выражение $\frac{p^2}{4} - q$.

Поскольку в письменном языке математики много формул, возникает важный вопрос об их переводимости на естественно-подобный язык.

Есть случаи, когда при попытке перевода формул на естественно-подобный язык этого языка не хватает. Между тем хороший перевод с языка формул на естественно-подобный язык, по мнению многих студентов-лингвистов, облегчает им понимание. Другими словами, путь к пониманию текстов лежит через переводимость и перевод.

При обратном переводе, т. е. при переводе с естественно-подобного языка на язык формул, возникают различные проблемы номинаций. Так, на естественно-подобном языке *теорема Пифагора* формулируется следующим образом: «Квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов его катетов».

При переводе так сформулированной теоремы на язык формул требуется введение обозначений: нужны номинации длин катетов и гипотенузы. В данном случае они настолько традиционны, что многие школьники и даже студенты полагают, что выражение $a^2 + b^2 = c^2$ и есть теорема Пифагора. По-видимому, они не понимают, что за этой, как и за всеми прочими номинациями, скрывается глубокое содержание.

Известно, что не все переводимо с любого языка на любой другой. В частности, можно привести примеры формул, которые переводятся на естественно-подобный язык либо с большим трудом, либо вообще не переводятся.

Фразу *квадрат суммы равен сумме квадратов, сложенной с удвоенным произведением*, можно считать хорошим переводом формулы $(x + y)^2 = x^2 + 2xy + y^2$ – хорошим потому, что речь здесь идет

о нескольких бинарных симметричных операциях (сумма, произведение, сумма квадратов), и без номинаций операндов здесь можно обойтись. Отметим, что алгебраическая традиция диктует именно такой порядок слагаемых в правой части формулы, тогда как во фразе на естественно-подобном языке удобнее порядок именных групп, который приводил бы при буквальном переводе к формуле $(x + y)^2 = x^2 + y^2 + 2xy$, некрасивой и не используемой в школе.

На наш взгляд, перевод формулы $(x + y)^3 = x^3 + 3x^2y + 3xy^2 + y^3$ на естественно-подобный язык практически невозможен, поскольку в ее правой части содержатся одночлены с несимметричным вхождением переменных, и отказ от номинации переменных приводит к затруднениям для переводчика.

Еще одним примером невыразимой на естественно-подобном языке формулы является *формула Ньютона–Лейбница*

$$\int_a^b F'(x)dx = F(b) - F(a).$$

Ее невыразимость вызвана, прежде всего, тем, что в эту формулу входит несколько «действующих лиц» разной природы (например, функция, переменная, пределы интегрирования), и без номинаций этих действующих лиц трудно обойтись.

Так, более привычная читателю формулировка теоремы Ньютона–Лейбница, а именно

$$\int_a^b f(x)dx = F(b) - F(a),$$

где F – первообразная функции f , включает в себя не только математическое выражение, но и дополнительную номинацию подынтегральной функции, требующей включения единиц естественно-подобного языка. Этот и ряд других примеров подробно рассматриваются в статье [Kreydlin, Shabat 2020].

Особые проблемы доставляет коммуникация преподавателя математики со студентами-лингвистами. Дело в том, что у студентов-лингвистов, привыкших к общению на естественном языке, обращение к языку формул вызывает сопротивление. Они просят преподавателя перевести формулы, написанные на доске или на слайде, на естественно-подобный язык. По сути, студенты боятся обозначений, изучаемых в курсах математики объектов, в частности обозначений высказываний, событий или отображений.

Особую роль играют общепринятые в современной математике собственные имена так называемых *мировых констант*. К таким именам относятся, например, обозначения множеств натуральных и целых чисел

$$\mathbb{N} := \{1, 2, 3, \dots\},$$

$$\mathbb{Z} := \{0, \pm 1, \pm 2, \pm 3, \dots\},$$

имена некоторых действительных чисел, например $\sqrt{2}$, $\sqrt[3]{3}$, π . Эти обозначения отличаются от локальных имен объектов, например натурального числа n в формуле $n \in \mathbb{N}$.

У математиков разных специальностей и поколений существуют традиции некоторых локальных обозначений. В определенных контекстах использование одних обозначений чисел и функций удачно, а в других – нет. Например, в выражении $|f(x) - f(x_0)| < \varepsilon$ имена действующих лиц удачные, а в том же выражении смена имен объектов $|n(A) - n(B)| < u$ оценивается как неудачная.

Один из способов проверки понимания математического текста как студентом, так и профессионалом связан с когнитивной операцией специализации¹, т. е. снятия квантора общности и перехода от общего суждения к частному. Примером применения операции специализации является подстановка значения $\varepsilon = \frac{1}{100}$ в формулу²

$$\forall \varepsilon \exists N: [n > N] \Rightarrow \left[\left| \left(1 + \frac{1}{n}\right)^n - e \right| < \varepsilon \right].$$

В результате применения этой операции возникнет формула

$$\exists N: [n > N] \Rightarrow \left[\left| \left(1 + \frac{1}{n}\right)^n - e \right| < \frac{1}{100} \right].$$

Нахождение соответствующего натурального числа N представляет собой задачу хотя и нетривиальную, но не требующую особых когнитивных усилий. Ее решение, впрочем, практически невозможно без использования специальных технических средств, но с их применением оно легко находится.

Заключение

В настоящей работе мы в некоторый момент осознанно отошли от собственно проблем номинации с тем, чтобы связать их как с проблемами переводимости, так и с проблемами понимания бытовых и математических текстов.

¹ О когнитивных операциях над формулировками мы подробно писали в работе [Крейдлин, Шабат 2011].

² Обратим внимание читателя на различие в обозначении множества натуральных чисел \mathbb{N} и натурального числа $N \in \mathbb{N}$. Здесь $e \approx 2.718281828$ обозначает основание натурального логарифма.

Номинации объектов в повседневных текстах напрямую связаны со способами соотнесения языковых выражений с внеязыковой действительностью. В работе были выделены основные типы референции и указаны некоторые их маркеры.

Особое внимание мы уделили универсальной референции и таким ее маркерам, как прилагательные *любой, каждый, всякий*, а также нулевым кванторным словам. Было установлено соответствие именных групп *любой x, каждый x, всякий x*, а также именной группы, составленной из имени объекта *x* и предваряющего его нулевого кванторного слова, кванторам в формальных языках. Показано, в частности, что в случае именной группы с нулевым кванторным словом она в одних контекстах соответствует группе с квантором существования, а в других – группе с квантором общности.

В работе обсуждались также проблемы отождествления и различения объектов. В русском языке для этого есть особые средства, в частности лексические: местоимения *один и тот же; один – другой, первый – второй – третий, друг друга* и др., между тем как в языках математики для различения объектов используются преимущественно имена.

Письменные математические тексты содержат нелинейные фрагменты, такие как обозначения дробей, интегралов или систем уравнений, а в устных текстах математики стараются обходиться без каких бы то ни было обозначений. Помимо единиц, принадлежащих естественно-подобному языку, в математике используются разнообразные неязыковые обозначения рассматриваемых объектов. Показано, что значительные трудности вызывает сочетание устной и письменной форм языков при преподавании математики студентам-гуманитариям.

Поскольку в письменном математическом языке много формул, приходится прибегать к особым методическим приемам, часть из которых рассмотрена в работе.

Сопоставление проблем номинации, возникающих в повседневном языке и языках науки, а также установление глубоких связей между этими проблемами и проблемами понимания текстов позволяет выявить общее и различное в этих языках.

Литература

- Крейдлин, Шабат 2011 – Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Теорема как вид текста: II. Когнитивные операции над формулировками теорем // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2011. № 11 (73). С. 241–270.

- Kreydlin, Shabat 2020 – *Kreydlin G.E., Shabat G.B. Mathematical theorems in natural languages // Advances in mathematics research. 2020. Vol. 28. P. 181–194.*
- Крылов 1984 – *Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. 1984. Вып. 23. С. 124–154.*
- Падучева 1974 – *Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974. 292 с.*

References

- Kreidlin, G. and Shabat, G. (2011), “A theorem as a kind of text. II. Cognitive operations over theorem wording”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philological Sciences. Linguistic” Series*, vol. 73, no. 11, pp. 241–270.
- Kreidlin, G.E. and Shabat, G.B. (2020), “Mathematical theorems in natural languages”, *Advances in mathematics research*, vol. 28, pp. 181–194.
- Krylov, S.A. (1984), “Determination of nouns in Russian. Theoretical issues”, *Semiotics and Informatics*, iss. 23, pp. 124–154.
- Paducheva, E.V. (1974), *O semantike sintaksisa* [On the semantics of syntax], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Георгий Б. Шабат, доктор физико-математических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; george.shabat@gmail.com

Information about the authors

Grigori E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru

Georgii B. Shabat, Dr. of Sci. (Physics and Mathematics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; george.shabat@gmail.com

Коммуникация, общение, диалог:
к уточнению основных понятий
теории речевой коммуникации

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfvoix@yandex.ru*

Аннотация. Цель работы – уточнить содержание терминов *коммуникация*, *общение* и *диалог*, часто используемых как синонимы. Анализ происхождения терминов прослеживает историю понятий, вошедших в язык через заимствованные лексемы; описание опирается на лексикографические материалы и на данные Национального корпуса русского языка. Были рассмотрены частотность, основные сферы использования, степень терминологичности этих слов; выяснено, что по частотности лексема *общение* вдвое превосходит лексему *диалог*, частотность которой, в свою очередь, оказывается вдвое выше, чем у лексемы *коммуникация*; степень терминологичности связана обратным соотношением с частотностью. Лексема *общение* приобрела общеупотребительный характер, термины *коммуникация* и *диалог* расширили сферы профессионального использования. В результате исследования понятие «коммуникативная деятельность» было оценено как более представительное для обозначения различных коммуникативных практик, чем терминологически более строгое понятие «деятельность общения».

Ключевые слова: коммуникация, общение, диалог, коммуникативная деятельность, информационное и фатическое общение

Для цитирования: Федорова Л.Л. Коммуникация, общение, диалог: к уточнению основных понятий теории речевой коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 39–51. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-39-51

Communication, “*obshchenie*” (being in contact), dialogue.
To clarify the basic concepts
of the theory of speech communication

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lfvoux@yandex.ru*

Abstract. The work aims to clarify the content of the terms *communication*, “*obshchenie*” (being in contact), and *dialogue*, which are often used as synonyms. The analysis of the origin of terms traces the history of concepts that entered the language through borrowed lexemes. The investigation is based on lexicographic materials and data from the National Corpus of the Russian language. The frequency, the main areas of use, and the terminological grade of these words are considered; it was found that the frequency of the lexeme *obshchenie* surpasses that of *dialogue*, the frequency of which turns out to be twice as high as that of the *communication*. The terminological grade is related inversely to the frequency. The lexeme *obshchenie* has acquired a common character, the terms *communication* and *dialogue* have expanded the scope of professional use. As a result of the study, the concept of “communicative activity” was assessed as more representative of the designation of various communicative practices than the terminologically stricter concept of “the activity ‘in contact’ (*obshchenie*)”.

Keywords: communication, “*obshchenie*” (being in contact), dialogue, communicative activity, informational and phatic communication

For citation: Fedorova, L.L. (2024), “Communication, ‘*obshchenie*’ (being in contact), dialogue. To clarify the basic concepts of the theory of speech communication”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 38–51, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-39-51

Введение

В настоящей работе мы попытаемся уточнить содержание основных терминов, широко используемых в современной лингвистике и теории речевой коммуникации, – *коммуникация, общение, диалог*.

Исходный вопрос, который возник в ходе обсуждения выражения «аспекты коммуникативной деятельности», – можно ли считать коммуникацию деятельностью?

В психологии деятельность определяется своей внутренней целью (ср. *познавательная деятельность, педагогическая деятельность*), а «речевая деятельность» считается неточным термином,

поскольку речевые действия обычно подчинены неречевой цели («...речь включается как составная часть в деятельность более высокого порядка» [Леонтьев 1974, с. 25]). Тем не менее традиционно говорят о теории *речевой деятельности*, признавая нестрогость термина.

Аналогично можно рассуждать и о коммуникации. Психологическим содержанием коммуникации принято считать передачу информации; но она должна расцениваться как действие, а не деятельность, поскольку служит внешней цели (например, передача информации о непогоде служит цели предотвращения аварий на дорогах; сбор информации может считаться целью деятельности определенных организаций и тогда может расцениваться как деятельность).

Наряду с термином *коммуникация* в диалогической лингвистике (см. [Федорова 1991; Федорова 2007; Диалогическая лингвистика 2019]) используются термины *общение*, *диалог* в близких значениях, однако их содержательные отличия представляется важным исследовать. В самых общих чертах они могут быть охарактеризованы по своему происхождению и области применения.

1. Общая характеристика терминов

Термин *коммуникация* пришел в лингвистику из семиотики и информатики, где его первоначальное значение (communication – ‘связь’) было распространено на сам процесс передачи сообщения. Модель коммуникации Шеннона – Уивера, разработанная в 1949 г., представляет процесс передачи сообщения, закодированного в цепочку сигналов, от источника информации к ее приемнику. Таким образом, в рамках этой модели коммуникация однонаправленна, имеет инструментальную природу, включает ряд последовательных операций и служит цели сообщения информации – и может рассматриваться как действие отправителя и как система средств, обеспечивающих эту связь. *Коммуникацию обеспечивают* – это ключевое использование термина.

Общение как научный термин используется в основном в современной отечественной психологии, исследующей как вербальное, так и невербальное взаимодействие людей. Кажется, что *общение* – это просто русский эквивалент *коммуникации* (можно лишь приблизительно: *being in contact*), однако это не совсем так. Общение не однонаправленно, а взаимонаправленно; его субъекты – (со)участники, его цель может лежать внутри него самого: это случай «общения ради общения», фатика, – она-то и может рассматриваться как деятельность. Участников может быть много (ср. *круг общения*). *Наладить общение* – то же, что *установить контакт*.

Термин *диалог* имеет риторическую природу, восходящую к рассуждениям античных философов; его цель – не информирование, но поиск истины в общении с собеседниками, путь познания и самопознания. Первая его модель, включающая оратора, предмет речи и слушателя/ей – конечную цель речи (т. е. воздействие, убеждение), – принадлежит Аристотелю. *Вести диалог, диалог состоялся* – это характерные использования слова. Диалог – одно из центральных понятий в концепции М.М. Бахтина. Диалог отражает «социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов 1929, с. 118]. В настоящее время термин *диалог* все более широко используется в политическом дискурсе, где он понимается как путь к налаживанию отношений, от конфронтации к соглашению сторон: такое употребление соотносится с английским и с французским употреблением термина *dialogue*, которое исследует А. Вежбицкая [Wierzbicka 2008]. Но часто термины *коммуникация* и *общение, общение* и *диалог* используются как синонимы, а термину *диалог* приписывается широкий метафорический смысл (*диалог культур, диалог цивилизаций, диалог поколений* и др.).

2. Словарные толкования и примеры по корпусу НКРЯ

Чтобы проследить историю этих терминов и понятий в русском языке, обратимся к словарным толкованиям и примерам.

Прежде всего интересно отметить, что все три слова в русском языке – заимствования.

2.1. *Коммуникация*. По Фасмеру, коммуникация – «связь, сообщение», впервые отмечено у Ф. Прокоповича и Петра I; заимствовано «через польск. komunikacja из лат. communication» (Фасмер 1967, т. 2, с. 303). Это слово еще отсутствует в словаре Академии Российской (1789–1793). Оно отмечается впервые в словаре Даля.

Даль соотносит это слово с французским: «*Комуникация* <коммуникация> ж., франц. сообщение, пути, дороги, средства связи мест <лат. Communication>» (Даль 1994).

Панхронический корпус НКРЯ позволяет найти примеры:

(1) *Июня в 16 день оныя новыя апроши начаты, чтоб зделать с городом комуникацию* (А.М. Макаров, ред. Гистория Свейской войны: <Поденная записка Петра Великого, 1698–1721>).

(2) *Но понеже не возможно было людем иметь комуникацию земным путем от конец до конец мира сего, того ради великий промысл божий пролиял промеж селения человеческая водное естество, взаимному всех стран сообществу послужити могущее* (архиепископ Фео-

фан <Прокопович>. Слово похвальное о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими иулиа 27 дня полу-ченной <1720>).

Можно заметить, что «сообщение» присутствует в толкованиях, но не как 'информация', что видно из примеров. Это значение появляется в словаре Ушакова с пометой «научное», наряду с первым, специальным:

КОМУНИКАЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ¹, коммуникации, ж. (латин. communicatio). 1. Сообщение, связь одного места с другим (спец.). *Коммуникация передовых позиций. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга.* Гоголь. 2. Сообщение, передача мыслей (преимуц. словесная; науч.). *Слово есть средство коммуникации* (Ушаков).

Словари XXI в. сохраняют первое «техническое» значение, но развивают второе, уточняя его стилистические пометы: у Шведовой – «2. Сообщение, общение, книжн. (Шведова 2007), в БТС – «2. Лингв. Сообщение или передача средствами языка содержания высказывания» (БТС 2014). Словарь Шведовой отмечает различные производные для разных значений: *коммуникационный* – к 1-му значению, *коммуникативный* – ко 2-му значению.

Толково-словообразовательный словарь Ефремовой (Ефремова 2000) дает разветвленную структуру значений, выделяя уже два омонима:

коммуникация¹ ж.

1. Путь сообщения. // Линия энерго-, тепло-, газо- и водоснабжения.
2. Сообщение, связь.

коммуникация² ж. Общение, контакт.

Наконец, Тезаурус русской деловой лексики (ТРДЛ 2004) выдвигает лингвистическое значение на первое место, с толкованиями через синонимы:

Коммуникация

1. Сун: диалог, общение;
2. Сун: связь, средство сообщения.

Таким образом, лексикографические источники помогают проследить происхождение интересующего нас лингвистического термина от технического понятия и возможное разделение на омонимы.

¹ У Даля и Ушакова основной орфографический вариант – с одной *н*. Далее толковый словарь Шведовой вслед словарю Ожегова уже дает единственную орфографическую форму.

Обратимся к корпусу, чтобы проверить, насколько подтверждается намеченное в словарях разделение омонимов.

Основной корпус НКРЯ дает 4078 примеров в 1815 текстах. В корпусе Социальных сетей близкие цифры: 3927 примеров в 2867 текстах.

Современные тексты дают примеры на оба значения; при этом «техническое» становится более обыденным и встречается не только в специальных текстах; для него характерны формы множественного числа:

(3) *Появляются наледь и сосульки, которые наносят вред кровле зданий и коммуникациям* (Н. Теплова. Снег – не на голову // Поиск, 2020).

Сочетаемость дает основания для разделения двух омонимов: с одной стороны: *морские, воздушные, инженерные, промышленные, газо-, водо-, теле- коммуникации, электрические, подземные, транспортные коммуникации; средства, системы коммуникации*; с другой стороны: *социальная, политическая, массовая коммуникация; визуальная, речевая, межкультурная, межличностная коммуникация*. В первом случае речь идет о технических средствах и системах жизнеобеспечения, во втором – о взаимодействии между людьми. При этом новые примеры *беспроводная, цифровая коммуникация* иллюстрируют исходное значение – ‘сообщение, связь’. Употребления слова принадлежат преимущественно профессиональному дискурсу.

2.2. Общение. Это понятие обычно представляется лишенным терминологических коннотаций, слово кажется вполне «своим», оно используется в разговорной речи (ср. *прост в общении, легкий в общении, недостаток общения, дружеское общение*), наряду с *общаться, общительный*. Однако и оно исторически является заимствованием – из церковнославянского, естественно восходящим к *общий*.

Фасмер отмечает: **«общий** – Заимств. из цслав., вместо исконнорусск. общий... Праслав. *obytio – “то, что вокруг”» (Фасмер 1971, т. 3, с. 110).

Слово *общение* зафиксировано в Словаре Академии Российской (САР 1793) в гнезде *Общий*:

Общение 1. участие, участвование с другим в чем. – *Да и вы общение имате с нами*. 2. Инде берется за подавание, снабдевание кого потребным – *Общение некое сотворити нищим святым*. 3. Причащение, причастие – *Даде ему с пресвитеры своими святое общение*. ...

Общаюся – делаюсь участником в чем; или имею сообщение. ...

Сообщение – соединение двух вещей, 2) доставление кому чего-л: *Сообщение из одного места в другое новостей, происшествий*.

Эти же значения для *общенье* приводит и Даль в статье **Общать** (Даль 1994).

Основу значения слова составляет идея общего, общности, объединения и приобщения.

В.В. Виноградов прослеживает переход слова от церковнославянского к общеупотребительному и изменение стилистической окраски в XIX в. (у Даля) [Виноградов 1994, с. 399–401]. Но еще Ушаков помечает его как книжное; только у Ожегова и далее нет стилистических помет и уходят церковные значения: «**Общение ...** Взаимные сношения, деловая или дружеская связь» (Шведова 2007).

По данным НКРЯ, лексема *общение* встречается в текстах с XI в.; рост ее употреблений наблюдается с 40-х гг. XIX в.; затем с конца XX в. частота стремительно возрастает и продолжает расти в XXI в., что говорит об утрате книжной стилистики, о возросшей ценности общения как такового и о технической обеспеченности контактов.

В НКРЯ отмечено в основном корпусе 16 924 примера на *общение* в 6578 текстах. Общеупотребительность его подтверждается не только числом примеров, но и разнообразием стилей. В корпусе Социальных сетей – 18 004 примера в 12 959 текстах; есть примеры и в поэтическом корпусе: 25 на *общение* и 41 на *общенье* (но всего 3 примера на *коммуникация*).

(4) «*Теперь война – как стиль общенья, Как дух эпохи Просвещения, Как свет, не знающий границ, Как Божий дар, как цвет культуры, Чьи бомбы умные – не дуры, А просто ангелы больниц*» (Ю.П. Мориц. «Одна война сменить другую...», 2008).

Есть примеры профессионального употребления термина (в психологическом контексте):

(5) *Все это позволило авторам книги выделить как особый вид деятельности подростка деятельность общения, в процессе которой осуществляется поиск близкого друга и установление с ним доверительных отношений* (М.Э. Боцманова, Р.Д. Триггер. Изучение психологии подростка в лаборатории Д.Б. Эльконина // Вопросы психологии, 2004).

Среди наиболее частых коллокаций – *общение с людьми, живое общение, круг общения, опыт общения, радость общения, деятельность общения, общение с Богом*.

Итак, *общение* прошло путь от церковнославянизма к актуальному и общеупотребительному слову, расширив сферы употребления.

2.3. *Диалог*. Диалог иногда понимают как разговор двоих; традиционно закрепилось его противопоставление в этом значении

монологу – речи одного лица – и *полилогу*, в котором участвуют несколько человек. Однако на самом деле *диалог* происходит от греческого *διάλογος*, где *δια-* – ‘через’, *λογος* – ‘слово’, т. е. буквально может означать ‘*через-слобие*’. Внутренняя форма выделяет признак очередности, «разделенной речи», но не задает число участников. В словаре И.Х. Дворецкого греч. *διάλογος* отмечено в значениях 1) разговор, беседа, 2) рассуждение (Дворецкий 1958, т. 1, с. 376]; т. е. здесь у приставки *δια-* реализуются и значения ‘через’ (ср. приставку *пере-*: *пере-говоры*), и близкие значения – распределенного действия, разделения, взаимности (там же, с. 363), подразумевающие множественность, разнообразие субъектов и объектов, что и передается в русском языке приставкой *раз-* (*раз-говор, рас-суждение*).

Словарные определения обычно говорят о двух или нескольких участниках разговора, однако совсем не отмечают очередности участия.

В словаре Даля *диалог* появляется лишь в 3-м издании под редакцией Бодуэна де Куртенэ: «**Диалог** м., франц. dialogue от греч. *διάλογος*, разговор между двумя или несколькими лицами» (Даль 1994).

Словарь Ушакова (Ушаков) добавляет литературоведческие значения:

ДИАЛОГ... (греч. dialogos). 1. Разговор между двумя или несколькими лицами. || Часть литературного произведения, состоящая из разговоров. *Артисты хорошо провели заключительный диалог.* 2. Литературное произведение, написанное в форме разговора (лит.). *Диалоги Платона.*

Современный словарь БТС, сохранив первое основное значение, добавляет новые, уже с упоминанием только двух участников процесса:

2. Часть литературного произведения, представляющая собой **разговор двух лиц**... // Литературное произведение, написанное в форме беседы. *Диалоги Дидро.* 3. Публиц. переговоры, контакты **между двумя партиями**, странами, блоками и т. п., ведущиеся с какими-л. целями... 4. Проф. о технически грамотной постановке человеком заданий для компьютера и получении от нее нужных результатов (БТС 2000).

Таким образом, постепенно укрепляется суженное представление о диалоге как двустороннем процессе, противопоставленном не только монологу, но и полилогу. (По сути, термин *полилог* покрывается термином *диалог*, однако и он имеет право на существование как маркированный для взаимодействия многих участников,

см. [Диалогическая лингвистика 2019, с. 153–169].) Важным оказывается появление новых профессиональных сфер: политической, технологической.

В основном корпусе НКРЯ отмечено 8620 примеров лексемы *диалог* в 3889 текстах (в Социальных сетях 7497 примеров в 5668 текстах); это примерно вдвое меньше по сравнению с лексемой *общение* и вдвое больше по сравнению с лексемой *коммуникация*. Наиболее ранние примеры относятся к XVIII в.

(6) *Диалогъ же всегда такъ натураленъ, что и Актеръ и зритель можетъ забыть – одинъ, что онъ на Театръ, а другой, что онъ въ Театръ* (Театръ // Московской журналъ, 1791).

(7) *После преобразования исходного запроса с использованием онтологии пользователю в режиме диалога предлагается уточнить поисковое предписание* (С.Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // Информационные технологии, 2004).

(8) *Мы придаем важное значение диалогу религий и культур, воспитанию молодежи в духе толерантности и уважения к духовным и культурным традициям других народов* (С.В. Лавров. Выступление на сессии ОИК // Дипломатический вестник, 2004).

Среди наиболее частых коллокаций – *вести диалог, внутренний диалог, конструктивный диалог, политический диалог*. Встречаются сочетания *двусторонний диалог, трехсторонний диалог* и даже *многосторонний диалог*, особенно в дипломатическом контексте. Выражения *незавершенный/неоконченный диалог* имплицитно имеют такие свойства диалога, как ограниченная продолжительность во времени и завершенность, конечность; *налаживать диалог, конструктивный/продуктивный диалог, диалог состоялся* актуализируют представления о направленности на положительный результат. Сочетания *диалог и сотрудничество, диалог и взаимопонимание* ассоциируются с идеями укрепления связей и отношений между равноправными сторонами-участниками. Диалог выступает как языковая материя, текст, и как форма, создаваемая в процессе взаимодействия его субъектов, в том числе с компьютером (ср. *в режиме диалога, диалоговые системы*); и, кроме того, как само положительное содержание, ведущее к соглашению в результате взаимных усилий. Сама лексема характерна для литературоведческого, философского, политического дискурсов.

Итак, при всей близости рассмотренных понятий все же можно заметить определенную разницу в сферах их использования и градацию в их распространенности – по-видимому, в обратном со-

ответствии со степенью их терминологичности: *общение – диалог – коммуникация*.

Различной является их изначальная понятийная суть: *коммуникация* – техническое средство, *общение* – контакт и взаимодействие, *диалог* – форма взаимодействия и текст.

3. Обобщение понятий в теории речевой коммуникации

Если теперь обобщить основные признаки сопоставляемых понятий, можно отметить для коммуникации – информативность, однонаправленность, для общения – взаимонаправленность и неоконечность, неограниченность, для диалога – очередность и конечность.

Наиболее широким оказывается понятие общения, это процесс взаимодействия между людьми с целью установления и поддержания контакта; оно подразумевает круг «своих», сформировавшийся на основе того общего, что их объединяет. Оно может быть информационным, но может быть и фатическим, т. е. выступать как собственно деятельность по поддержанию контакта, регулирующая социальные и межличностные отношения. Оба эти типа реализуются в диалогах, которые можно представить на схемах как интеракции – «информатику» и «фатику»: «информатика» представляет речевые действия участников диалога, направленные на общий объект (предмет речи), «фатика» – действия субъектов, направленные друг на друга. Схемы показывают упрощенные ситуации интеракции для двух участников. В психолингвистическом аспекте «информатика» соответствует *общению-действию*, «фатика» – *общению-деятельности*, или общению ради общения (рис. 1, 2).

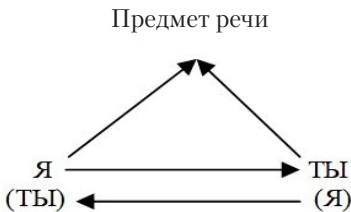

Рис. 1. Информатика

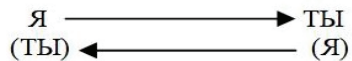

Рис. 2. Фатика

Иллюстрацией «информатики» может служить метафора толкания телеги, иллюстрацией «фатики» – метафора драки (но более

типичная ситуация фатического общения – обмен любезностями, ритуальное социальное взаимодействие). В драке объектами действий оказываются сами дерущиеся, а в ситуации толкания телеги их действия направлены на «телегу» (т. е. на развитие общей темы), но при этом они должны быть согласованы, иначе телега не сдвинется с места. Стрелки, направленные на собеседников, подразумевают речевое воздействие, стрелки на Предмет речи – собственно информационные действия, *коммуникацию*. В общении-деятельности могут использоваться и информационные действия, но они важны не в отношении предмета обсуждения, а как средство поддержания контакта, на внешнем (ритуально-коммуникативном) и на психологическом уровне. При этом тактики могут быть различны: от разделения мнения, согласия, поддакивания, формально имитирующего возражение (ср. контактоподдерживающие реплики «И не говори!», «Не то слово!» [Федорова 2024]) до пикировки.

4. Краткие выводы

Анализ терминов *коммуникация*, *общение*, *диалог* показал, что это пересекающиеся по содержанию термины, акцентирующие разные стороны взаимодействия. Есть основания считать, что к деятельности в психологическом смысле слова может быть отнесен термин *общение* в случаях фатического речевого взаимодействия; *коммуникация* более сосредоточена на сообщении и его средствах, *диалог* – на форме.

Историческое развитие терминов показывает их изначальную стилистическую разнородность: исходно *коммуникация* – технический термин в военном и инженерном деле, *общение* – церковнославянизм в религиозных текстах, *диалог* – риторический и литературоведческий термин. Со временем они изменяют сферы использования, и *общение* делается общеупотребительным и широкоупотребимым словом, в то время как *коммуникация* и *диалог* сохраняют терминологический характер и используются в профессиональном дискурсе.

Если же вернуться к исходному вопросу исследования – правомерно ли говорить об аспектах *коммуникативной деятельности*, – можно ответить, что различные виды деятельности, обеспечиваемые средствами коммуникации (вербальными, невербальными, техническими), могут быть условно и обобщенно обозначены как коммуникативные. Сам термин «коммуникативная деятельность» оказывается более емким для обозначения различных коммуникативных практик, чем терминологически более строгое, но и узкое

понятие «деятельность общения». Этому способствует и развитие технических средств коммуникации, расширяющее ее границы. К этому располагают и лингвистические особенности терминов: устоявшаяся форма прилагательного *коммуникативный* и интернациональный характер лексемы *коммуникация* как наиболее терминологичной и наиболее нейтральной в своих коннотациях. Термин же «деятельность общения» показывает лишь одну из сторон вербального и невербального взаимодействия – фатическое общение – и остается необходимым в этом понимании.

Источники

- БТС 2000 – Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт. URL: Gramota.ru (дата обращения 10.09.2023).
- Даль 1994 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909. 560 с.
- Дворецкий 1958 – *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М., 1958.
- Ефремова 2000 – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 10.09.2023).
- САР 1793 – Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794.
- ТРДЛ 2004 – Тезаурус русской деловой лексики, АБВУУ, 2004. URL: <http://rusyaz.niv.ru/doc/dictionary/business-vocabulary/index.htm?ysclid=m349wwhz5z490104719> (дата обращения 10.09.2023).
- Ушаков – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.
- Фасмер 1967 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 2007. 1175 с.

Литература

- Виноградов 1994 – *Виноградов В.В.* История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.
- Волошинов 1929 – *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929. 188 с.
- Диалогическая лингвистика 2019 – Диалогическая лингвистика / под ред. Н.Н. Шпильной. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 321 с.
- Леонтьев 1974 – Основы теории речевой деятельности / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. 368 с.

- Федорова 1991 – Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50.
- Федорова 2007 – Федорова Л.Л. Теория речевой коммуникации и грамматика диалога // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии. СПб., 2007. С. 103–135.
- Федорова 2024 – Федорова Л.Л. *Не то слово!* – подтверждение или опровержение? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 100–113.
- Wierzbicka 2006 – Wierzbicka A. The concept of “dialogue” in cross-linguistic and cross-cultural perspective // *Discourse Studies*. 2006. No. 8. P. 675–703.

References

- Fedorova, L.L. (1991), “Typology of speech influence and its place in the structure of communication, *Voprosy jazykoznaveniya*, no. 6, pp. 46–50.
- Fedorova, L.L. (2007), “Speech communication theory and grammar of the dialogue”, in *Kommunikativnye strategii kul'tury i gumanitarnye tekhnologii* [Communicative strategies of culture and technologies of humanities], Saint Petersburg, Russia.
- Fedorova, L.L. (2024), “*Ne to slovo! (Wrong word!) – confirmation or refutation?*”, *RSUH/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 100–113.
- Leontiev, A.A., ed. (1974), *Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity], Nauka, Moscow, USSR.
- Shpil'naya, N.N., ed. (2019), *Dialogicheskaya lingvistika* [Dialogic linguistics], AltGPU, Barnaul, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1994), *Istoriya slov* [History of words], Tolk, Moscow, Russia.
- Voloshinov, V.N. (1929), *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and philosophy of language], Leningrad, USSR.
- Wierzbicka, A. (2006), “The concept of ‘dialogue’ in cross-linguistic and cross-cultural perspective”, *Discourse Studies*, no. 8, pp. 675–703.

Информация об авторе

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lfvoux@yandex.ru

Information about the author

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq. Moscow, Russia, 125047; lfvoux@yandex.ru

О филолого-педагогическом наследии Эразма Роттердамского

Софья Ю. Семенова

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН) РАН, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, sonya_set@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос об отражении творчества Эразма Роттердамского в литературе по истории языкознания. Интригующим моментом для исследования стало упоминание в книге Дж. Лайонза «Введение в теоретическую лингвистику» синтаксического сочинения Эразма 1513 г., опирающегося на грамматику Доната. Других сведений об этом сочинении (как и самого сочинения) автору пока обнаружить не удалось. В отечественной учебной литературе по истории языкознания упоминаний Эразма почти нет. Можно предположить, что Лайонз имел в виду некую другую работу Эразма – возможно, созданную в английский период творчества гуманиста. Кратко обсуждаются два трактата Эразма, написанные в Англии: «Об избытке слов и предметов» и «О способе обучения». Во втором трактате, филолого-педагогическом, Эразм рекомендует читателю в числе античных источников грамматику Доната. Нельзя исключать, что Лайонз подразумевал именно этот трактат.

Ключевые слова: Эразм Роттердамский, история языкознания, преподавание истории языкознания

Для цитирования: Семенова С.Ю. О филолого-педагогическом наследии Эразма Роттердамского // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 52–61. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-52-61

On Erasmus of Rotterdam philological and pedagogical heritage

Sofia Yu. Semenova

Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION),

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia,

sonya_sem@mail.ru

Abstract. Reflection of Erasmus of Rotterdam heritage in the literature on history of linguistics is under consideration. Mentioning Erasmus's 1513 syntactic work based on Donatus's grammar in the book "Introduction to theoretical linguistics" by John Lyons has made the starting point for the present study. The author has not yet been able to find any other information about that essay (as well as the essay itself). In the Russian academic literature on the history of linguistics, there are almost no references to Erasmus. One might assume that Lyons was referring to some other work by Erasmus – perhaps created during the English period of the humanist's work. The author briefly discusses two treatises by Erasmus written in England, namely, "De copia verborum ac rerum" and "De ratione studii". In the second treatise that is on teaching of philology Erasmus recommends to the reader among the ancient sources the grammar of Donatus. It cannot be precluded that Lyons meant that very treatise.

Keywords: Erasmus of Rotterdam, history of linguistics, teaching of the history of linguistics

For citation: Semenova, S.Yu. (2024), "On Erasmus of Rotterdam philological and pedagogical heritage", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 52–61, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-52-61

Тема данной работы заинтересовала меня благодаря регулярному просветительскому семинару «Медленные чтения», организованному в ИНИОН РАН сотрудником этого института философом Ю.Ю. Черным. Первый цикл заседаний (зима и весна 2023 г.) был посвящен Эразму Роттердамскому и его сатирическому сочинению «Похвала глупости». После коллективного прочтения (вслух) этого произведения состоялась небольшая конференция, на которой участники говорили о творческой личности Эразма с позиций истории, философии, библиометрии. Мне как лингвисту показалось интересным уяснить, каков был вклад Эразма в языкознание. И если вклад значим, то как он отразился в отечественной учебной литературе по истории языкознания.

Упоминание Эразма (Дезидерия Эразма, лат. Desiderius Erasmus Roterdamus, наст. имя Герхард Герхардс, 1466/1467/1469–1536) в контексте истории языкознания есть в книге «Введение в теоретическую лингвистику» английского ученого Джона Лайонза (1932–2020). Книга вышла в 1968 г. Русский перевод (выполненный по инициативе и под редакцией В.А. Звегинцева) был издан в 1978 г.

Начальный раздел книги содержит краткий очерк истории языкознания от древности, от истоков. В нем есть фрагмент, характеризующий научные устремления деятелей эпохи Возрождения. «В 1513 г. Эразм Роттердамский опубликовал книгу о латинском синтаксисе, в основе которой лежала грамматика Доната [курсив наш. – С. С.]. К этому же времени относится пристальный интерес к древнегреческому языку, а несколько позже – к древнееврейскому. Таким образом, именно гуманисты передали последующим поколениям язык и литературу трех цивилизаций» [Лайонз 1978, с. 35].

Почему сюжет обращения Эразма к древней грамматике Элия Доната (а, скажем, не к трудам модистов, более близким к Эразму по времени) расценивается Лайонзом как примечательный? Дело в том, что это может служить одним из свидетельств преодоления гуманистами влияния самого духа Средневековья, отрицания метода схоластики. Словам Лайонза об Эразме предшествует следующий отрывок. «Ученым эпохи Возрождения, несомненно, казалось, что они полностью порвали с учением схоластов. Петрарка и его последователи считали образцом латыни язык Цицерона и осмеивали варваризмы средневековой латыни. Они заимствовали у Цицерона идеал гуманизма... который считали синонимом цивилизации и противопоставляли варварству. Исходя из того, что литература классической древности – источник всех культурных ценностей цивилизации, они обратили всю свою энергию на собирание и публикацию текстов классических авторов – в особенности после изобретения в конце XV в. книгопечатания, позволившего распространять печатные тексты с невиданной дотоле быстротой. В связи с этим грамматика вновь стала вспомогательным средством для понимания литературных произведений и письма на “правильной” латыни» [Лайонз 1978, с. 35].

А как творчество Эразма отразилось в отечественной учебной литературе по истории языкознания? Оказалось, что почти ни один из известных отечественных учебников (включающих разделы о языкознании эпохи Возрождения, обычно краткие) не упоминает Эразма. Так, его имя не встретилось ни в учебнике В.М. Алпатова (а этот учебник по праву служит настольной книгой и для студен-

тов-лингвистов, и для преподавателей истории языкознания)¹, ни в учебниках (либо учебных пособиях) Н.Ф. Алефиренко², Ф.М. Березина³, Н.А. Кондрашова⁴, И.П. Сусова⁵, С.Г. Шулежковой⁶, ни в коллективном учебном труде Т.А. Амировой, Б.А. Ольховикова, Ю.В. Рождественского⁷. Имя Эразма отсутствует в книге латышского профессора Я.В. Лоя⁸.

Не упоминается Эразм и в известном академическом четырехтомнике «История лингвистических учений» (выпуски «Древний мир», «Средневековый Восток», «Средневековая Европа», «Позднее Средневековье»). По-видимому, это объясняется в первую очередь тем, что запланированные в рамках этой серии тома, посвященные эпохе Возрождения и более поздним периодам, не были изданы.

В учебниках, в разделах об эпохе Возрождения (а иногда также о Новом времени) обычно упоминаются универсальная грамматика «Минерва» Франсиско Санчеса (1550–1610) и грамматика Петра Рамуса / Пьера де ла Раме / (1515–1572), убитого в Варфоломеевскую ночь. У Вильгельма Томсена, основоположника современной истории языкознания, а также у Н.А. Кондрашова⁹, Я.В. Лоя¹⁰, Н.Ф. Алефиренко¹¹, как и в ряде книг других авторов, упоминается Скалигер (сын). Жозеф Жюст Скалигер (1540–1609), деливший европейские языки на группы – в том числе по признаку фонологической близости наименований высшей силы – стал одним из предшественников сравнительно-исторического языкознания [Томсен 2004, с. 35].

¹ Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 2005.

² Алефиренко Н.Ф. История лингвистических учений. Белгород, 2013.

³ Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учебник. 2-е изд. М.: Наука, 1984.

⁴ Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. М.: Просвещение, 1979.

⁵ Сусов И.П. История языкознания: Учеб. пособие для студентов старших курсов и аспирантов. Тверь, 1999.

⁶ Шулежкова С.Г. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006.

⁷ Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2005.

⁸ Лоя Я.В. История лингвистических учений: Материалы к курсу лекций. М.: Высшая школа, 1968.

⁹ Кондрашов Н.А. Указ. соч. С. 24.

¹⁰ Лоя Я.В. Указ. соч. С. 37.

¹¹ Алефиренко Н.Ф. Указ. соч. С. 85–86.

Имя Эразма все же обнаруживается в одном из отечественных дидактических источников – учебном пособии Н.В. Боронниковой и Ю.А. Левицкого. Правда, упоминание Эразма имеет несколько специфичный характер. Авторы отмечают важность изобретения книгопечатания и цитируют в связи с этим английских ученых Хэрриса и Тейлора: «Хэррис и Тейлор считают, что “Иоганн Гутенберг оказал куда большее влияние на развитие лингвистической мысли, нежели Эразм, Скалигер, Рамус и Санчес, вместе взятые”»¹². (Очевидно, авторы имеют в виду английских лингвистов Роя Хэрриса (1931–2015) и Тэлбота Тейлора. Прямой ссылки в тексте пособия Н.В. Боронниковой и Ю.А. Левицкого нет, но в библиографии к пособию приводится работа: *Harris R., Taylor T.J. Landmarks in linguistic thought: The western tradition from Socrates to Saussure. L., N.Y., 1989.*) Других упоминаний Эразма у авторов учебного пособия нет. Но приводимая ими «отрицательная» цитата о том, что книгопечатание оказало большее влияние, чем творчество Эразма, Скалигера, Рамуса и Санчеса, подтверждает, что влияние Эразма на развитие языкознания было, что оно признается названными выше английскими учеными. (К тому же имя Эразма у них возглавляет список имен знаменитых филологов времен Ренессанса.) Надо отметить, что в своем учебном курсе Н.В. Боронникова и Ю.А. Левицкий в разделе об эпохе Возрождения не только упоминают Скалигера (сына), но пишут о вкладе Скалигера (отца) – Жюля Сезара Скалигера (1484–1558)¹³. (Скалигера-старшего, выдающегося филолога, упоминают и другие авторы учебников, в частности Я.В. Лоя¹⁴.)

У датского ученого Вильгельма Томсена, как уже отмечено, автора первого фундаментального труда по истории языкознания (в русском переводе его книга впервые была издана в 1938 г.), нет прямого упоминания Эразма, но есть фрагмент, где весьма критично оценивается этимологизирование голландских ученых эпохи Возрождения: «Лингвистические высказывания обычно выдающихся... голландских филологов (курсив наш. – С. С.) того времени стоят совершенно на той же ступени, как и наихудшие высказывания древности, и имели своим следствием лишь то, что мало-помалу этимология окончательно заслужила дурную славу» [Томсен 2004, с. 34]. Можно с большой долей вероятности утверждать, что речь у Томсена идет в том числе об Эразме.

¹² Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Лекции по истории лингвистики. Пермь, 2003. С. 74.

¹³ Там же. С. 74–75.

¹⁴ Лоя Я.В. Указ. соч. С. 29.

Что касается грамматики, действительно ли Эразм в 1513 г. написал работу о латинском синтаксисе? В книге Лайонза не обнаружилась ссылка на такую работу гуманиста. Смущает и факт, что Эразм, согласно Лайонзу, описывая синтаксис латыни, основывается на грамматике Доната, в которой нет синтаксиса (а, скажем, не на труде Присциана, в котором синтаксис есть). Конечно, Эразм мог посвятить сочинение синтаксису, опираясь на древнюю книгу именно по морфологии, о частях речи и их акциденциях, но странным было бы с его стороны не учитывать также популярное античное описание синтаксиса.

Можно предположить, что Лайонз имел в виду все же какую-то другую работу, написанную Эразмом в те годы.

Вообще 1513 год (во всяком случае, его начало) входит в английский период жизни Эразма. Позже, в 1516 г., он навсегда перебрался на континент. Английский период, начавшийся в 1509 г. (прервавшийся, правда, как раз в 1513 г., когда ученый уезжал в Германию, но в 1515 г. он вернулся в Англию), был весьма плодотворным: был написан целый ряд сочинений (в том числе знаменитая «Похвала глупости», опубликованная впервые в 1511 г., затем выдержавшая много переизданий). Видимо, английский период творчества Эразма (в Лондоне и Кембридже) был особенно близок Лайонзу как кембриджскому ученому.

В отечественной науке, в том числе в философии, насколько могу судить, изучению наследия Эразма до сих пор уделялось меньше внимания, чем, скажем, таким корифеям, почти современникам Эразма, как Ф. Бэкон и Р. Декарт. Возникает ощущение, что в нашей стране даже состав корпуса сочинений Эразма не прояснен с достаточной степенью полноты.

Среди недавних отечественных публикаций можно отметить две, посвященные соответственно двум филологическим трактатам Эразма, изданным в английский период. Публикации содержат как русский перевод трактатов, так и подробный комментарий к ним.

Первый трактат – «Об избытке слов и предметов» (другой русский вариант названия «О двойном избытке слов и предметов»; в оригинале – *De duplice copia* или *De copia verborum ac rerum*) был «пиратски» издан в 1511 г. (затем, полноправно, в 1512 г.). Русский перевод с комментариями принадлежит С.А. Степанцову [Степанцов 2016]. Это трактат по риторике и стилистике; к грамматическим сочинениям он не может быть отнесен.

Приведем некоторые цитаты (в переводе С.А. Степанцова) и рассуждения из этого сочинения. Они передают колорит самой творческой манеры Эразма, отражают его индивидуальность – литературно одаренного, широко образованного, наблюдательного,

ироничного человека. Так, он перечисляет разные категории лексических единиц, оценивает уместность их употребления с позиций красоты и культуры речи. Эразм, в частности, пишет про поэтические слова, замечает, что ими нужно пользоваться весьма умеренно, особенно в прозе. Древние слова «добавляют изящества, когда вставляются умеренно и сообразно». Устаревшие слова – «ими уместно пользоваться разве только в шутку или иронически, или если кто захочет изобразить нелепого подражателя древности» [Степанцов 2016]. Жесткие слова – они неловко используются в переносном смысле; Эразм напоминает, что Квинт Гораций Флакк осуждал автора, написавшего «Юпитер белым снегом оплевал Альпы» [Степанцов 2016]. Иностранные (по Эразму, «чужеродные») слова могут передавать изящество, если употреблять их уместно. Но «следует употреблять их, предварительно извинившись» [Степанцов 2016]. Непристойные слова – «христианам следует их решительно избегать, и не нужно слушать киников, которые считают, что не стыдно говорить то, что не стыдно делать» [Степанцов 2016]. О неологизмах: «Слова могут быть нововведенными в трех смыслах: одни создаются заново, другие получают новое употребление, третьи обновляются в составе (например, слова, образованные от других). В них есть своя прелесть, если их употребляют уместно и умеренно» [Степанцов 2016]. Отдельно Эразм пишет о греческих заимствованиях: «Греческие слова, уместно примешанные к латинским, прибавляют немало изящества. Уместно употреблять их, либо когда греческое слово несет более точное значение, либо когда оно короче, либо когда оно сильнее, либо если в нем больше остроумия. Ибо изящества греческого слова ни одно латинское не может достичь» [Степанцов 2016]. Иностранное слово может выступать и как тайный знак: «Также мы пользуемся греческим словом, когда не хотим, чтобы некто нас понял» [Степанцов 2016]. «Смешивать два языка простительно юношам, но для мужей – это как если кто начнет писать сочинение, мешая прозу и стихи» [Степанцов 2016]. «Есть немало греческих слов, которые древность сделала латинскими. Ими можно пользоваться наряду с латинскими (*оратор, ипотека*). Некоторые слова приняты в латинский при отсутствии латинских – *философ, теолог, эпиграмма*. Они порой склоняются то по-гречески, то по-латински» [Степанцов 2016]. Эразм приводит множество подобных примеров.

Другой трактат английского периода – «О способе обучения, а также чтения и толкования авторов» или кратко «О способе обучения» (“*De ratione studii*”), изданный в 1512 г., представляет собой филолого-педагогическое сочинение. Русский перевод (с коммен-

тариями) был осуществлен Л.В. Софроновой и А.В. Хазиной и опубликован в электронном журнале [Софронова, Хазина 2018]. Как отмечают эти авторы, Эразм был ориентирован на единую антично-христианскую древность. В дидактике он проповедовал трехступенчатую программу обучения: 1) грамматика (греческая и латинская); 2) риторика; 3) «познание вещей», т. е. различных наук, которые помогали бы понимать античные тексты. Эразм называет греческих авторов, которых должно изучать, в такой последовательности: Лукиан, Демосфен, Геродот; поэты Аристофан, Гомер («отец всех мифов»), Еврипид. Среди латинских авторов первым должен быть Теренций, потом Вергилий, Гораций, Цицерон, Цезарь.

Вот конкретные педагогические советы Эразма: «Наилучшим учителем красноречия является перо, его нужно усердно упражнять» [Софронова, Хазина 2018], в том числе в стихах. Важно развивать память и при обучении передавать сразу наилучшее. Философии лучше всего научат Платон, Аристотель, а также Теофраст и Плотин. Из теологов – Оригена, Златоуст, Василий. Затем – латинские представители патристики Амвросий и Иероним Стридонский.

Чтобы понимать «Метаморфозы» Овидия, надо изучать космографию – Птолемея, Плиния. Важно проследить, какие принятые в эпоху Эразма названия гор, рек, городов соответствуют древним, то же о названиях деревьев, трав, животных, орудий. Представления обретаются у разных авторов, писавших о сельском хозяйстве («агрикультуре»), военном деле, архитектуре. Упоминает Эразм лексикографа Юлия Поллукса Полидевка, ведь лексика тоже учит реалиям.

Эразм предлагает упражнения: перевод с греческого языка, изложение на латыни и греческом, написание текстов в подражание великим, переложение одной и той же речи разными стихотворными размерами, написание писем в разных стилях – например, в стиле судебного красноречия. Эразм высказывается против «педагогов-предметников»: «Я хочу, чтобы один учитель учил бы всему, а не множество» [Софронова, Хазина 2018].

Примечательно, что в этом трактате, говоря о научении грамматике, Эразм называет Доната. (Он также называет другого римского грамматиста IV в. – Диомеда.) Нельзя исключать, что именно этот трактат, призывающий преподавателей филологии в части грамматики опираться на Доната и Диомеда, имел в виду Лайонз в своей книге.

Авторы перевода и комментария подтверждают, что в нашей стране пока не было детального изучения наследия Эразма (в отличие, прежде всего, от Нидерландов); отечественная эразмиана еще ждет своей проработки. Но даже при неполно установленном

составе корпуса Эразма, благодаря в том числе двум процитированным выше трактатам (а также его известной деятельности по переводу и изданию греков, как и разработке системы чтения древнегреческих текстов), представляется, что имя Эразма должно в дальнейшем быть включено в лекционные курсы и учебники по истории языкознания.

Естественно, творчество Эразма должно быть отражено в тех разделах курсов и учебников, которые посвящены языкознанию эпохи Возрождения. Кроме того, имя Эразма (как ученого, принципиально дистанцировавшегося от схоластики) может быть названо во вводной (или, наоборот, итоговой, обобщающей) части курса при рассмотрении случаев смены научных парадигм, имевших место в истории языкознания.

Благодарности

Хочется поблагодарить Ю.Ю. Черного за организацию «Медленных чтений», ожививших в сложившемся вокруг них сообществе интерес к феномену Эразма, и С.А. Крылова за консультации по вопросам истории языкознания и ее отражения в литературе для высшей школы.

Acknowledgements

I am glad to express my gratitude to Yuri Yu. Chiorny for organization of “Slow readings” that have revived an interest of the participants in the creativity of Erasmus, and to Sergey A. Krylov for consultations on the history of linguistics and its reflection in the educational literature.

Литература

- Лайонз 1978 – *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
- Софронова, Хазина 2018 – *Софронова Л.В., Хазина А.В.* “De ratione studii”: Эразм Роттердамский о методике обучения классической словесности // Вестник Мининского университета. Т. 6. № 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/de-ratione-studii-erazm-rotterdamskiy-o-metodike-obucheniya-klklassicheskoy-slovesnosti/viewer> (дата обращения 03.03.2024).
- Степанцов 2016 – *Степанцов С.А.* «Об изобилии слов и предметов» Эразма Роттердамского: риторика как наука о языке // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI вв. М.: Изд. дом РАНХ и ГС, 2016. С. 85–99.

Томсен 2004 – Томсен В. История языковедения до конца XIX в.: Краткий обзор основных моментов: пер. с нем. / обработка и послесл. Р.И. Шор. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРРС, 2004. 158 с. (1-е изд. М.: Учпедгиз, 1938).

References

- Lyons, J. (1978), *Vvedenie v teoretichskuyu lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics], Progress, Moscow, USSR.
- Sofronova, L.V. and Hazina, A.V. (2018), “‘De ratione studii’. Erasmus of Rotterdam about classical literature teaching methods”, *Vestnik Mininskogo universiteta*, vol. 6, no. 2 (23), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/de-ratione-studii-erazm-rotterdamskiy-o-metodike-obucheniya-klassicheskoy-slovesnosti/viewer> (Accessed 3 March 2024).
- Stepantsov, S.A. (2016), “On ‘De copia verborum ac rerum’ by Erasmus of Rotterdam. Rhetoric as a branch of linguistics”, in *Nauki o yazyke i tekste v Evrope XIV–XVI vekov* [Language and text sciences in Europe in 14th – 16th centuries], pp. 85–99, Izdatel'skii dom RANKh i GS, Moscow, Russia.
- Tomsen, W. (2004), *Istoriya yazykovedeniya do kontsa XIX v.: Kratkii obzor osnovnykh momentov* [The history of linguistics until the end of the 19th century. The brief review of the main events], Editorial URSS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Софья Ю. Семенова, кандидат филологических наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sonya_sem@mail.ru

Information about the author

Sofia Yu. Semenova, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 51/21, Nahimovskij Av., Moscow, Russia, 117418;

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sonya_sem@mail.ru

УДК 81'373.72

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-62-72

Фразеологические соматизмы со словом *язык*: на границе речи и молчания

Анастасия Д. Козеренко

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия, akozerenko@mail.ru*

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Аннотация. Многие фразеологические соматизмы со словом *язык* обозначают молчание. Это *держат язык на привязи, прикусить язык, язык прилип к гортани, язык отсох, придержать язык* и др. Есть также фразеологизмы со словом *язык*, которые обозначают речь или способность производить речь. Это *болтать языком, распусть язык, язык без костей* и др. Наконец, есть фразеологические единицы со словом *язык*, которые находятся на границе речи и молчания. Они обладают целым рядом нетривиальных семантических и синтаксических свойств. К таким единицам относятся фразеологизмы *слова не идут с языка, слова не сходят с языка, вертеться на языке, быть на кончике языка, язык чешется (сказать что-л.)*. В статье описывается значение и употребление двух таких единиц, которые на первый взгляд кажутся полностью синонимичными, – *слова не идут с языка* и *слова не сходят с языка*. Показано, однако, что первая из этих единиц всегда обозначает молчание, а вторая может обозначать и молчание, и речь.

Ключевые слова: фразеологические соматизмы, язык, молчание, речь, значение, употребление

Для цитирования: Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы со словом *язык*: на границе речи и молчания // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2024. № 12. С. 62–72. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-62-72

© Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е., 2024

Phraseological somatic units with the word *yazyk* (tongue). On the border of speech and silence

Anastasia D. Kozerenko

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, akozerenko@mail.ru*

Grigorii E. Kreidlin

*The Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, gekr@iitp.ru*

Abstract. Many Russian phraseological somatic units with the word *язык* (tongue) denote silence. They are *держат язык на привязи* (lit. to keep the tongue on a leash), *прикусить язык* (lit. to bite the tongue), *язык прилип к гортани* (lit. the tongue is stuck to the larynx), *язык отсох* (lit. the tongue is withered), *придержат язык* (lit. to hold the tongue), etc. There are also phraseological units with the word *язык*, which denote speech or human ability to produce speech: *болтать языком* (lit. to wag the tongue), *распутить язык* (lit. to loosen the tongue), *язык без костей* (lit. the tongue without bones), etc. Finally, there are phraseological units with the word *язык*, which are on the border of speech and silence. They have a number of non-trivial semantic and syntactic properties. Such units are, e. g., *слова не идут с языка* (lit. words do not leave the tongue), *слова не сходят с языка* (lit. words do not come off the tongue), *вертеться на языке* (lit. to spin on the tongue), *быть на кончике языка* (lit. to be on the tip of the tongue), *язык чешется (сказать что-л.)* (the tongue itches <to say smth.>). The article describes the meaning and usage of two such units, which at first glance seem absolute synonyms – *слова не идут с языка* and *слова не сходят с языка*. It is shown, however, that the first one always denotes silence, whereas the second one can denote both silence and speech.

Keywords: phraseological somatic units, tongue, silence, speech, meaning, use

For citation: Kozerenko, A.D. and Kreidlin, G.E. (2024), “Phraseological somatic units with the word *yazyk* (tongue). On the border of speech and silence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 62–72, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-62-72

Введение

Многие фразеологические единицы со словом *язык* обозначают молчание: *держат язык за зубами*, *прикусить язык*, *язык прилип к гортани*, *язык отсох*, *придержат язык* и т. п. Некоторые из них

были подробно рассмотрены нами в отдельных статьях¹. Другие фразеологизмы с тем же словом обозначают актуальную речь или способность производить речь: *болтать языком, распустить язык, язык без костей* и др. Наконец, есть еще одна группа фразеологизмов со словом *язык*, которые находятся на границе речи и молчания и при этом обладают рядом нетривиальных семантических и синтаксических свойств. Мы имеем в виду такие единицы, как *слова не идут с языка, слова не сходят с языка, быть на языке, вертеться на языке*. Двум из них и посвящена настоящая работа.

Во всех фразеологизмах третьей группы содержатся либо глаголы движения – *идти, сходить, вертеться*, либо глаголы местонахождения *быть* (в значении ‘находиться’) и, редко, *находиться*. Как мы покажем, многие свойства рассматриваемых фразеологизмов обусловлены семантикой входящих в них глаголов.

§ 1. Слова не идут с языка

Во фразеологизме *слова не идут с языка* глагол движения – самый общий; наиболее часто он употребляется в составе фразеологизма в прошедшем времени, иногда – в форме настоящего времени²:

(1) Людовик, который с детства имел манеру выражаться кратко и ясно, почувствовал, что *слова как-то не идут с его языка* (М.А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера);

(2) Она молча похлопала его по руке. Ей хотелось сказать ему много ласковых слов, но сердце ее было стиснуто жалостью, и *слова не шли с языка* (М. Горький. Мать).

Что касается видовой формы, то глагол в составе данного фразеологизма бывает только в форме несовершенного вида (глагольные формы *не пошли, не пойдут, не пойти (с языка)* в составе фразеологизма не встречаются).

¹ Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Язык как орган молчания: фразеологические соматизмы молчания со словом *язык* // Логический анализ языка: Язык и мир: К 100-летию со дня рождения Н.Д. Арутюновой / отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Канцлер, 2024. С. 332–343. См. также [Козеренко, Крейдлин 2023].

² Выводы относительно частоты употребления фразеологизма мы сделали на основании данных Основного корпуса НКРЯ (Национальный корпус русского языка). URL: ruscorgora.ru (дата обращения 01.08.2023). Фразеологизм *не идти с языка* встречается в нем в форме *не шли* примерно вдвое чаще, чем в форме *не идут*.

Имена – синтаксические актанты глагола *идти* – обладают разными морфологическими свойствами. По данным НКРЯ и сети Интернет, существительное *слова* возможно только во множественном числе, а существительное *языка* в составе группы с *языка* – только в единственном числе.

Отметим, что если в примерах употребления фразеологизма в текстах XX и XXI вв. в основном встречается вариант *слова не идут с языка*, то в текстах XIX в. встречаются примеры, в которых в качестве субъекта выступают имена речевых актов, такие как, например, *упрек*, *шутка*, или отдельные слова, такие как *нет*, *ты* и др.:

(3) Кравченко попробовал было заговорить с одним, но скоро отстал: башкиры были настолько жалки, что *никакая шутка не шла с языка*, глядя на их бронзовые лица (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы);

(4) Ал. Ник. после танцев меня спросила: «Ну, Лиза, ведь можно увлечься танцами? как вы теперь думаете?» Я колебалась с ответом: еще никогда не увлекалась ими, но *«нет» не шло с языка* (Е.А. Дьяконова. Дневник русской женщины);

(5) Сердечное *«ты»* по ее адресу как-то *не шло с его языка* (Н.Э. Гейнце. Аракчев).

Конструктивный элемент *не* в составе основной формы фразеологизма – обязателен: фразеологизма **слова идут / шли с языка* не существует³.

Мы предлагаем следующее толкование рассматриваемого здесь фразеологизма. На вход толкования подается сентенциальная форма: у X-а слова не идут с языка

Пресуппозиция: человек X в данный момент времени t_0 хочет или должен сказать адресату некоторое Р;

Ассерция: по некоторым причинам X не может сказать Р в момент t_0 , что описывается так, как будто необходимые для выражения Р слова, находящиеся в t_0 на языке X-а, не могут покинуть язык и войти в коммуникативное пространство адресата, став речью

Комментарий:

1. Мы толкуем фразеологизм в речевом режиме. Естественно, возможен и нарративный режим повествования, ср. *У него слова не шли с языка*.

³ Есть, однако, единичные примеры лексической вариативности этого фразеологизма, указывающие не на невозможность, а на затрудненность речи, ср. *слова с трудом, мучительно сходили с его языка* и др. Вопрос о вариативности рассматриваемых в работе фразеологизмов в полном объеме мы оставляем в стороне.

2. Согласно внутренней форме многих фразеологизмов молчания и говорения, ср. *заткнуть кому-л. глотку, слова застряли в горле, держать язык за зубами, крутиться на кончике языка*, слова, проделав путь из внутреннего пространства (глотка – горло – рот) к наружному (коммуникативное пространство), дошли до кончика языка и готовы его покинуть. Однако в данном случае этого не происходит.

3. Причины, по которым X не может сказать P, могут быть разной природы. Так, это могут быть сильные чувства, захватывающие человека в момент t_0 . Эти чувства мешают говорению и могут быть как положительными, так и отрицательными: восторг, наслаждение, жалость, сострадание. Кроме того, причиной могут быть проявившиеся в момент t_0 черты характера X-а, такие как нерешительность, смущение, робость. Наконец, препятствовать речи может особое отношение X-а к адресату – уважение, почтение, преклонение или некоторые проявления статусной субординации.

В редких случаях адресат может в явном виде отсутствовать, ср. пример:

(6) И этого самого Якоби, которого она ненавидела, и который заставлял ее по двадцать раз на дню повторять *не шедшие с языка немецкие слова*, она вспоминала впоследствии с благодарностью и любовью (О. Егорова. Королева Чардаша).

Из толкования видно, что фразеологизм *слова не идут с языка* относится к группе фразеологизмов молчания.

§ 2. Слова не сходят с языка

Обратимся к, казалось бы, сходному по своему значению и внутренней форме фразеологизму *слова не сходят с языка*. Как мы увидим далее, это сходство далеко не полное. Дело в том, что, во-первых, фразеологизм *слова не сходят с языка* имеет не одно, а два значения, а во-вторых, эти значения едва ли не антонимичны: одно из значений соответствует речи, см. пример (7), а второе – молчанию, см. пример (8):

(7) Злая, угрюмая Катарина – сущая ведьма. Слова «дьявол», «осел» *не сходят с ее языка* (М.М. Морозов. Комедия «Укрошение строптивой»);

(8) Но *слова*, целыми волнами подливавшиеся ему к горлу, почему-то *не сходили с языка*, вдруг отяжелевшего (М. Горький. Челкаш).

Значение фразеологизма *слова не сходят с языка*, соответствующее молчанию, постепенно устаревает – по данным НКРЯ, оно встречается преимущественно в текстах XIX в. В текстах XX и XXI вв. этот фразеологизм встречается обычно для обозначения речи⁴.

Отметим, что, как и во фразеологизме *слова не идут с языка*, во фразеологизме *слова не сходят с языка* вместо единицы *слова* в значении ‘произвольный текст’ чаще встречаются конкретные слова, см. пример (7) выше, имена речевых актов, ср. (9) или обозначения темы текста, см. примеры (12) – (13) ниже:

(9) – Не брани меня, Андрей, а лучше в самом деле помоги! – начал он со вздохом. – Я сам мучусь этим; и если б ты посмотрел и послушал меня вот хоть бы сегодня, как я сам копаю себе могилу и оплакиваю себя, у тебя бы *упрек не сошел с языка*. Все знаю, все понимаю, но силы и воли нет (И.А. Гончаров. Обломов).

На вход толкования фразеологизма подается сентенциальная форма *у X-а слова не сходят с языка*. Обращает на себя внимание глагол *сходить*, выступающий в контексте отрицания. Этот глагол подчеркивает способ движения слов из внутреннего пространства в наружное. Если в составе фразеологизма *слова не идут с языка* глагол движения, как мы говорили, самый общий и не указывает на направление движения слов, то в составе фразеологизма *слова не сходят с языка* глагол *сходить* указывает на конкретное направление движения слов, а именно сверху вниз, что делает внутреннюю форму данного фразеологизма, отраженную в толковании, более образной.

Обратим внимание на сочетание во фразеологизме частицы *не* с группой *сходить с языка*. Это сочетание может пониматься двояко. Во-первых, возможна его стандартная интерпретация, когда у отрицательной частицы *не* сфера действия обычная, а именно глагольная группа. При такой интерпретации сочетания возникает первое, так сказать «старое», значение рассматриваемого фразеологизма. Во-вторых, что может показаться удивительным, *не сходить* может пониматься как особая языковая единица со значением, которое в первом приближении можно сформулировать так: ‘постоянно (все время) или регулярно (через определенные промежутки времени)

⁴ В Основном корпусе НКРЯ существенно меньше примеров употребления этого фразеологизма в значении ‘молчание’, чем в значении ‘речь’. Подавляющее большинство употреблений этого фразеологизма в значении ‘молчание’ датируются XIX в.

быть'. Такая интерпретация соответствует второму значению фразеологизма и напоминает свободное употребление глагола *сходиться* в контекстах типа *этот актер не сходит с экранов телевизора, эта тема не сходит с первых полос газет (не сходит ≡ 'остается какое-то время')*.

Приведем толкования данного фразеологизма в обоих его значениях.

у X-а слова не сходят с языка 1 (молчание)

Пресуппозиция: человек X в данный момент времени t_0 хочет или должен сказать адресату некоторое P;

Ассерция: по некоторым причинам X не может сказать P в момент t_0 , что описывается так, как будто необходимые для выражения P слова, находящиеся в t_0 на языке X-а, не могут покинуть язык и войти в коммуникативное пространство адресата, став речью, причем движение слов мыслится как движение сверху вниз.

Комментарии:

1. Приводимый текст толкования почти полностью совпадает с текстом толкования фразеологизма *не идти с языка*. Исключение составляет один компонент, который входит во внутреннюю форму фразеологизма и указывает на направление движения слов.

2. Мы толкуем фразеологизм в речевом режиме. Естественно, возможен и нарративный режим повествования, ср. *У него слова не сходили с языка*.

Комментарии 2 и 3, приводимые к толкованию фразеологизма *слова не идут с языка*, остаются справедливыми и для фразеологизма *слова не сходят с языка* в первом его значении.

Приведем толкование второго значения этого фразеологизма.

у X-а слова не сходят с языка 2 (речь)

Пресуппозиция: Существует некоторая тема P, важная для человека X и, возможно, для других людей;

Ассерция: X постоянно говорит о P, что описывается так, как будто необходимые для выражения P слова постоянно находятся у человека X на языке

Приведем примеры употребления фразеологизма *слова не сходят с языка* в этом значении.

(10) Есть суслики, нет фуража. Фураж. Суслик. Эти два *слова не сходят с языка* Тармосиновского колхозника <...>. Весна была безводная, в степях нечем было «вылить» сусликов из их нор. Между тем, суслик растет ужасающе <...> («Вольное казачество», № 57, 1930 г.).

(11) *Выражения*: «Вот что бы я сделал, если бы я был правительством»; «Вы, как умный человек, тотчас со мною согласитесь», – *не сходили* у него с языка (И. Тургенев. Дворянское гнездо).

(12) Роман Дудинцева в те годы *не сходил с языка* самого лучшего в мире читателя, советского (И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет).

(13) Насчет «русской партии» Вы написали кратко, и я согласен с Вами; слава богу, в Костроме я живу вдаль от такого рода людей, и эти «проблемы» в нашем городе обсуждаются мало. У москвичей они *не сходят с языка* (И. Дедков. Письма В. Семину).

Пример (10) интересен тем, что слова *фураж* и *суслик* используются в функции обозначения тем, важных для колхозника, – ‘недостаточность фуража’ и ‘ущерб от сусликов’. В примере (11) не сходят с языка выражения, общей темой которых является, как следует из предыдущего контекста, предположительная осведомленность говорящего в административных и политических вопросах. В примере (12) речь идет о теме, обозначенной как роман Дудинцева (скорее всего, это роман «Белые одежды»). Значимость этого романа вытекает из знания о литературном и политическом контексте описываемого периода.

Судя по имеющимся у нас примерам, для употребления фразеологизма *слова не сходят с языка* во втором его значении типичен множественный субъект, ср. *москвичи* в примере (13), или обобщенный субъект, который является представителем определенного класса людей. В примерах (10) и (12) это *колхозник* и *читатель*.

Заключение

Фразеологизм *слова не сходят с языка*, в отличие от фразеологизма *слова не идут с языка*, имеет два значения, противопоставленные как молчание и речь. Такая особенность, судя по имеющимся у нас материалам, касающимся фразеологических соматизмов молчания и говорения, является уникальной (об энантиосемии во фразеологии см. работу [Вознесенская 2011]). Обозначая молчание (первое значение), фразеологизм, употребленный в речевом режиме, описывает актуальное событие – ‘молчит в данный момент времени’⁵, а обозначая речь (второе

⁵ Разумеется, в нарративном режиме текста фразеологизм может описывать регулярно повторяющееся событие или утверждение общего характера, ср. *Всякий раз, как он собирался признаться ей в любви, слова не сходили с его языка; То, что не сходит с языка, так легко сбегает с пера* (И.И. Ясинский. Преступление молодой девушки).

значение), фразеологизм описывает регулярно повторяющееся событие: человек «заикнулся» на определенной теме, о которой он постоянно говорит. Иными словами, в двух значениях фразеологизма *слова не сходят с языка* представлены соответственно актуальное и хабитуальное события.

В заключение скажем несколько общих слов о структуре семантического представления фразеологизма.

Наряду со смысловыми компонентами, часть которых входит в толкование фразеологизма (пресуппозиция, основная и дополнительная ассерции), имеются и другие компоненты, которые могут как входить в текст толкования, так и не входить. Это, в частности, оценка, модальная рамка, мотивировка. Между тем, на наш взгляд, этими хорошо известными смысловыми компонентами, введенными и подробно обсуждаемыми в Московской семантической школе (см., например [Апресян 2006]), не исчерпывается описание целого ряда языковых единиц. В частности, обратим внимание на такие компоненты, как внутренняя форма языковой единицы и образность.

Приведем пример из языка науки, где образность помогает осмыслить определенный текст. Речь идет о формулировке теоремы и сопроводительном чертеже. Так, в области школьной геометрии без сопутствующего чертежа многие теоремы плохо понятны обучающимся. Трудно представить себе формулировку теоремы Пифагора без характерного и известного со школы поясняющего ее чертежа. Иначе говоря, образность представлена чертежом, который способствует более глубокому пониманию смысла теоремы. Точно так же для семантического представления жеста или других невербальных знаков, как известно, требуется рисунок, фото- или видеоизображение.

Выше нам удалось отразить различие в образности двух рассмотренных фразеологизмов, включив в их толкования информацию об их внутренней форме, – в компоненте, вводимом семантическим маркером *что описывается так, как будто*. Есть, однако, сомнения в том, что метаязыка, выработанного в Московской семантической школе и дополненного понятием внутренней формы фразеологизма, введенным в работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского (см., например [Баранов, Добровольский 2008]), будет всегда достаточно для отражения различий в образности языковых единиц. Возможно, понадобится введение некоторого не естественно-языкового метаязыка, аналогичного языку чертежей, схем, рисунков.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность С.И. Переверзевой, высказавшей ряд существенных замечаний к работе.

Acknowledgements

The authors express their sincere gratitude to S.I. Pereverzeva, who made a number of significant comments on the work.

Литература

- Апресян 2006 – *Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–162.
- Баранов, Добровольский 2008 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008. 656 с.
- Вознесенская 2011 – *Вознесенская М.М.* Энантиосемия в русской фразеологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной Международной конференции. М., 2011. С. 689–698.
- Козеренко, Крейдлин 2023 – *Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е.* Фразеология молчания: *держат язык за зубами* // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 21–36.

References

- Apresyan, Yu.D. (2006), “Foundations of systemic lexicography”, in Apresyan, Yu.D., ed., *Language picture of the world and systemic lexicography*, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, pp. 33–162.
- Baranov, A.N. and Dobrovolskii, D.O. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the phraseology theory], Znak, Moscow, Russia.
- Kozerenko, A.D. and Kreidlin, G.E. (2023), “Phraseology of silence. To keep the tongue behind the teeth”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 4. pp. 21–36.
- Voznesenskaya, M.M. (2011), “Enantiosemy in Russian phraseology”, in *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”*, Moscow, Russia, pp. 689–698.

Информация об авторах

Анастасия Д. Козеренко, кандидат филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; akozerenko@mail.ru

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Information about the authors

Anastasia D. Kozerenko, Cand. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 18/2, Volkhonka St., Moscow, Russia, 119019; akozerenko@mail.ru

Grigoriĭ E. Kreidlin, The Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru

Исследования дискурса

УДК 81'373

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-73-81

Коммуникативные аспекты *требования* в юридическом дискурсе

Елена Н. Геккина

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия, gekkina@rambler.ru*

Аннотация. Ставится задача определить смысловые и коммуникативные особенности лексемы *требование*, используемой в Уголовном кодексе Российской Федерации. Установление дискурсивно обусловленных признаков термина осуществляется с опорой на сопоставление с характеристиками, какие общеупотребительная лексема *требование* имеет в лингвистических описаниях. Обзор статей УК показывает, что правовые дефиниции в большинстве своем содержат узуальные употребления лексемы *требование*, обозначающей нормативные установки (правила) в разных сферах социальной деятельности. Упоминания *требований* могут быть дифференцированы с учетом их темпоральной маркировки, соотносенной с типом девиации (нарушения). В двух статьях УК РФ описываются ситуации, когда *требования* выдвигаются субъектами правонарушения. При этом диспозиция статьи 163 «Вымогательство» является специфичной и уникальной, поскольку в ней представлен единственный в УК РФ случай предъявления субъектом правонарушения его личного требования. Особенности требования, включенного в диспозицию этой статьи, рассматриваются через призму метаязыковых комментариев юристов. Еще одним этапом анализа стала конкретизация универсальных семантических признаков речевых требований. В заключение сделан вывод о двучастном характере коммуникативной структуры вымогательского требования, так как в криминальной ситуации решающим фактором, обуславливающим истолкование предложения, выражающего желание вымогателя, становится сопровождающая это сообщение угроза.

Ключевые слова: императив, побуждение, коммуникативная структура речевого действия, терминология, семантика требования, угроза, метаязык, профессиональная речь, глоссарий

Для цитирования: Геккина Е.Н. Коммуникативные аспекты *требования* в юридическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 73–81. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-73-81

© Геккина Е.Н., 2024

Communication aspects of the *demand* in the legal discourse

Elena N. Gekkina

*Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint Petersburg, Russia,
gekkin@rambler.ru*

Abstract. The task is to determine the semantic and communicative features of the lexeme *demand* used in the Criminal Code of the Russian Federation. The establishment of discursively determined characteristics of the term is carried out based on comparison with the typical characteristics that a commonly used lexeme *trebovaniye* (*demand*) has in linguistic descriptions. It was found that legal definitions for the most part contain the usual practicing of the lexeme *trebovaniye*, denoting normative attitudes in various spheres of social activity. References to *demands* can be differentiated depending on the temporal marking associated with the type of deviation (offense). Two articles of the Criminal Code of the Russian Federation describe situations when demands are made by the subjects of the offense. At the same time, the disposition of the article 163 – “Extortion” is specific and unique, since it presents the only case in the Criminal Code when a subject of an offense presents his personal claim. The specifics of the demand included in the disposition of that article are considered through the prism of metalanguage comments by lawyers. Another stage of the analysis was the concretization for universal semantic features of speech demands. The conclusion is made about the two-part nature of the communicative structure of the extortionate demand, since in a criminal situation, the threat accompanying this message becomes the decisive factor determining the interpretation of the sentence expressing the desire of the extortionist.

Keywords: imperative, motivation, communicative structure of speech action, terminology, semantics of demand, threat, metalanguage, professional speech, glossary

For citation: Gekkina, E.N. (2024). “Communication aspects of the *demand* in the legal discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 73–81, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-73-81

В тексте Уголовного кодекса Российской Федерации¹ терминологические лексемы *требовать*, *требующий*, *требование* используются неоднократно, что говорит об их принадлежности

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.05.2023).

активной части юридического глоссария. Показательна статистика номинации *требование*: она употреблена в 19 статьях УК, общее количество вхождений – 39. Контексты свидетельствуют о сохранении многозначной лексемой способности обозначить, во-первых, нормативные установки (правила) в тех или иных сферах социальной деятельности, во-вторых, такое действие субъекта, какое может трактоваться как выражаемая в категорической форме просьба, распоряжение. При этом текстовый материал статей УК иллюстрирует и дискурсивно обусловленные особенности употребления лексемы *требование*.

В содержании статей получают отражение два типа ситуаций, различающихся по позиции субъекта правонарушения по отношению к *требованиям*. В одних случаях речь идет о внешних, предустановленных в какой-либо сфере деятельности или определяемых экстремальными обстоятельствами нормативных установках, какие следовало или следует соблюдать субъекту правонарушения. В других случаях речь идет о требованиях, какие выдвигает сам субъект правонарушения, полагая, что адресат их выполнит. Соответственно, статьи УК объединяются в две группы, отчетливо противопоставленные по типологическим признакам компонента «требования».

Статьи первой группы описывают общие и частные аспекты внешних, объективных требований, какие субъект правонарушения должен выполнять. Группа объединяет 17 статей УК, включающих наибольшее количество употреблений лексемы *требование* (37).

Законодательные нормы регламентируют ситуации нарушения и соблюдения требований в границах прошлого, настоящего или будущего времени.

К временному плану прошлого отнесены нарушения требований. В содержательном плане эти нарушения разнообразны, что находит отражение и в количественном преобладании употреблений лексемы (31). Статьи описывают ситуации *нарушения требований: законодательства; охраны труда; транспортной, промышленной и пожарной безопасности; сохранения или использования объектов культурного наследия; обеспечения антитеррористической защищенности объектов; по защите государственной тайны; к пропуску трафика*.

Отступления от требований обозначаются не только как *нарушения*, но и как *невыполнение (законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения)* и *несоблюдение (требований к сетям связи)*. Идею невыполнения выражает и словосочетание *не отвечающий требованиям* (ср. *выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности*). Разновидно-

стью нарушений, относящихся к имущественным и денежным требованиям кредиторов, являются *неправомерное удовлетворение требований* и *неспособность удовлетворить требования*. При характеристике невиновного причинения вреда (ст. 28) упоминается *несоответствие психофизиологических качеств лица требованиям экстремальных условий*, то есть выделяется еще один тип позиции субъекта правонарушения, в этом случае по отношению к *требованиям* объективных обстоятельств.

Статья 206 УК описывает ситуацию, когда требование предъявлено субъекту в настоящий момент, при совершении противоправных действий (*лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника*). Когда назначаются принудительные меры воспитательного характера, то формулируются и требования к поведению и действиям субъекта в будущем; в частности, устанавливаются *особые требования к поведению несовершеннолетнего*; ему может быть предъявлено *требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться* (ст. 90, 91).

Вторая группа представлена двумя статьями УК, в которых речь идет о требовании самого субъекта, совершающего преступное деяние. В диспозиции ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» *требование должностного лица* по вопросам, относящимся к компетенции избирательной комиссии, комиссии референдума, квалифицируется как вмешательство в работу комиссии. Статья 163 УК описывает преступное вымогательство, составной частью которого является *требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера*.

Фрагменты двух статей, сообщающие о выдвигаемом субъектом правонарушения требовании, различаются категориально и параметрически. В описании *вмешательства в работу избирательных комиссий* речь идет об отступлениях от заведомо регламентированной деятельности, или нарушениях предустановленных требований. Описание *вымогательства* – единственное в своем роде и даже уникальное, поскольку диспозиция статьи включает личное требование, которое охарактеризовано только тематически. Тематика не предопределяет преступной сути требования: передача чужого имущества, права на имущество или совершения других действий имущественного характера может быть законной. Никакие заведомо определенные нормы в этом случае не рассматриваются; регламенты и предустановленные требования не подразумеваются и не служат ориентиром для правовой оценки. Основание правовой оценки – трактовка, какую дают действиям вымогателя адресат этих действий (потерпевший) и правоприменитель.

Совершенно закономерно возникает вопрос о том, какими критериями руководствуется правоприменитель, квалифицируя действие вымогателя именно как требование? Какие признаки, прежде всего речевые, составляют суть того *требования*, какое вымогатель адресует собеседнику?

Как известно, разъяснения специалистов содержатся в комментариях к статьям УК РФ, в научно-теоретических публикациях, в послесловии к кейсам из судебной практики.

Предпринятый нами поиск тематических метаязыковых высказываний в юридических текстах убедил в том, что разъяснения к понятию *требование* даются отнюдь не всегда, не в обязательном порядке. Собранные по разрозненным текстам метаязыковые высказывания юристов свидетельствуют о стремлении указать на основные коммуникативные и жанрово-стилистические особенности речевых продуктов, какие могут оцениваться как компонент преступного деяния: *применительно к вымогательству требование означает выраженное в решительной форме предложение виновного к потерпевшему о передаче имущества, права на него или совершения действий имущественного характера. Требование означает настоятельное, категоричное предложение ультимативного характера безвозмездно предоставить вымогателю имущество либо документы, совершить в его пользу действия имущественного свойства. Требование – строгое указание, равносильное приказу; категорическое указание потерпевшему совершить какое-либо имущественное поведение.*

В ряде комментариев уделяется внимание форме речевых продуктов, при этом обсуждаются и способы коммуникации, и языковые средства, и степень прозрачности семантики языковых единиц, и их экспрессивно-стилистические особенности: *Форма требования значения не имеет. Оно может быть высказано как в устной, так и письменной форме, как лично, так и с использованием различных коммуникационных средств; Требование может быть как резким, грубым, так и изысканно-вежливым; может быть как прямым, так и иносказательным, завуалированным.*

Из описаний извлекается парадоксальный вывод: требование может быть выражено в любой речевой форме, включая иносказательную, завуалированную; форму требования допустимо определить предельно обобщенно как *иная*.

Авторы прибегают к номинациям, актуализирующим коммуникативные признаки и качества действий вымогателя, иллокутивные и перлокутивные эффекты сообщаемого: *требование предполагает безусловное его выполнение; Требование вымогателя представляет собой неправомерное настояние, повеление.* Описания могут не предполагать речевых действий, достаточными представляются

общие прагматические оценки поведения вымогателя: *вымогательское требование состоит в **склонении** потерпевшего к активной форме имущественного поведения.*

Обратимся к типовым характеристикам *требования* в лингвистических описаниях. Категория императивности и способы ее выражения, к которым отнесено и речевое требование, получают истолкование в лексикографических изданиях, в теоретических работах по грамматике и речевой коммуникации.

В словарях русского языка лексема *требование* в значении, относящемся к речевой деятельности, толкуется сходным образом; ср.: «Настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме»²; «Выраженная в решительной, категорической форме просьба, распоряжение»³.

В развернутых лингвистических описаниях *требование* квалифицируется с учетом его коммуникативной целеустановки и относится к речевым действиям директивного типа, инициирующим определенные поступки людей, их поведение, какую-либо деятельность. Предпосылкой *требования* как речевого действия является мнение субъекта о том, что адресат или другие лица должны сделать нечто, в чем говорящий заинтересован⁴. Категорическая форма требования, в том числе его интонация, обуславливаются прежде всего семантикой долженствования.

Противопоставленность коммуникативных аспектов речевых действий требующего субъекта и адресата требования может быть передана в контрастивной характеристике *желания* говорящего и слушающего; ср.: «Требование представляет собой коммуникативный тип целеустановки, под которым мы понимаем выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие, которое он должен совершить, что не зависит от его желания» [Безяева 2002, с. 55].

В типовой характеристике требования отмечается постречевой эффект: требование вызывает ответную реакцию адресата, в которой передается согласие либо отказ выполнить обозначенное действие. Ответные действия адресата стандартизированы: это может быть высказывание, сообщающее: а) о согласии выполнить обозна-

² Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. С. 401.

³ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. С. 797.

⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена: Языки русской культуры, 2004. С. 860.

ченное действие (действия); б) об отказе выполнить обозначенное действие; в) о согласии выполнить действие на определенных условиях. Отсутствие ответной реакции истолковывается участниками с учетом обстоятельств и смысловых признаков коммуникации как согласие или отказ выполнить действие, то есть истолковывается в границах стандартизированных типов ответа.

Условия речевого действия требования различаются в зависимости от того, предполагают они это действие (ср. условия военной службы, выполнения должностных обязанностей начальником и его подчиненными) или нет (ср. общение собеседников, не связанных иерархическими отношениями, например деловых партнеров или лиц, поддерживающих дружеские связи).

Коммуникативные предпосылки и совокупный репертуар средств выражения для стилистически нейтральных и маркированных (в деловой речи, в повседневном речевом обиходе) требований рассматриваются как общие, не разделяемые по какому-либо лингвистически значимому критерию.

В русском языке требование выражается вариативным рядом конструкций, или лексико-грамматических и просодически оформленных комплексов. Разнотипные языковые формулы имеют общие семантические признаки. Эта общность служит одним из доводов в пользу утверждения о том, что речевое действие требование кодируется и распознается исключительно на семантическом уровне. Узуальные средства выражения выступают в роли подходящей «упаковки», с определенным опытом использования в той или иной речевой среде.

С точки зрения мотивации смыслового плана форма требования оказывается «нулевой», и очевидно, что «ответственность» за передачу коммуникативных и номинативных элементов речевого действия принимает на себя план содержания, выстраиваемый как определенный комплекс семантических компонентов. На наш взгляд, это общий, универсальный комплекс для разных по функционально-стилистическим особенностям требований. Его можно представить следующим образом: ‘я сейчас говорю’: ‘вы сделаете это в будущем’. Если за рамками определения оставить указания на говорящего, его речевое действие с темпоральной пометой, то в лаконичном виде семантический комплекс может представлять формула ‘вы сделаете это’.

Семантические формулы ‘я сейчас говорю’: ‘вы сделаете это в будущем’; ‘вы сделаете это’ эксплицируют несколько соотношений: во-первых, темпоральное (в настоящий момент времени говорится о том, что кто-либо сделает нечто в будущем); во-вторых, обязательное (действие будет выполнено обязательно, непременно, оно

рассматривается как реальное событие, как реальность будущего, чем объясняется и категоричность, модальность (долженствования); в-третьих, субъективно-модальное (это реальность будущего, вне зависимости от желания адресата – его о желании не спрашивают, не предлагают выбирать какие-либо варианты, не предлагают выдвигать собственный вариант).

Требование не завязано на коллизии «я говорю – ты сделаешь». Семантическая формула может описывать требования говорящего (автора), адресованные самому себе.

Сущностно важным является свойство реальности будущего действия, оно интерпретируется именно в таком качестве. Безусловно, это высвечивает проблематику общечеловеческого взгляда на будущее, на деятельность в будущем: о ней по-прежнему говорят только в настоящем, обеспечить же исполнение будущих действий способны надежные предпосылки и залоговые организации.

Лингвистические характеристики выявляют категориальное свойство требования как самостоятельного речевого действия: требование не может быть косвенным, оно всегда выражается в прямом виде.

Вернемся к правовому понятию *требования*, составляющему компонент диспозиции статьи «Вымогательство» в УК РФ. Вымогательское *требование* обладает особенностями, несводимыми к стандартному представлению о требовании, выраженном языковыми средствами. Юристы в комментариях отмечают, что требование может быть выражено в любой речевой форме, в том числе завуалированной. На каком же основании не прямо, завуалированно выраженное требование квалифицируется именно как требование?

В УК назван второй сущностный признак вымогательства – угроза, сопутствующая требованию. Тематические маркеры в описании угрозы не оставляют сомнений в ее неправомерном характере: «...под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких...» Это означает, что выраженное в любой форме желание говорящего, чтобы адресат выполнил действие, интерпретируется как требование в контексте преступной угрозы.

Таким образом, *вымогательское требование* имеет более сложную коммуникативную структуру по сравнению со структурой стандартного речевого действия *требование*. Структура вымогательского требования является двучастной: есть компонент угроза и есть сообщение о *желании* получить нечто. Структурные части

вымогательского требования взаимосвязаны, их логико-смысловое соотношение определяется однозначно: если есть преступная угроза – то поступившее адресату предложение (выраженное желание, чтобы адресат выполнил действие) может восприниматься, трактоваться как требование.

В заключение назовем основные отличия, предопределяемые дискурсивной принадлежностью понятия, именуемого *требованием*. Речевое действие *требование* прямо выражает сообщение 'вы сделаете это' и призвано служить позитивным, организующим началом в деловой, профессиональной, учебной и повседневной деятельности. Требование в ситуации преступного вымогательства не всегда открыто передает адресату информацию о необходимости выполнить какое-либо деструктивное для него действие; вербальные и невербальные средства коммуникации дополняет угроза, и именно она влияет на «верный» ход рассуждений адресата и предопределяет соответствующую трактовку даже не *настоятельной просьбы*, а всего лишь *предложения* или *сообщения о желании* говорящего.

Литература

Безяева 2002 – *Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002. 752 с.

References

Bezyaeva, M.G. (2002), *Semantika kommunikativnogo urovnya zvuchashchego yazyka: voleiz'yavlenie i vyrazhenie zhelaniya govoryashchego v russkom dialoge* [Semantics of the communicative level of a sounding language. The expression of the speaker's will and desire in a Russian dialogue], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Н. Геккина, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199053, Россия, Санкт-Петербург, пер. Тучков, д. 9; gekkina@rambler.ru

Information about the author

Elena N. Gekkina, Cand. of Sci. (Philology), Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint Petersburg, Russia; 9, Tuchkov Line, Saint Petersburg, Russia, 199053; gekkina@rambler.ru

Пунктуационный знак «точка»
как механизм воздействия
на адресата личного сообщения

Ирина В. Высоцкая

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, i.vysotskaia@ngsu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации пунктуационного знака в условиях цифровой коммуникации. Автор рассматривает коммуникативный потенциал точки (и ее отсутствия) в личном сообщении. Исследователи отмечают, что среди пользователей интернета распространено представление о том, что точка в конце текста выражает агрессию и поэтому должна быть опущена. Для изучения устойчивости этого стереотипа было проведено анкетирование студентов НГУ. Интерпретация его результатов позволяет сделать несколько выводов. Отсутствие пунктуационного знака в личном сообщении объясняется разными причинами. Самая распространенная причина – собственно коммуникативная: желание расположить к себе собеседника, у которого точка может вызвать негативные коннотации. По мнению респондентов, пропуск конечной точки является маркером неофициальности общения. Точка осознается прежде всего как разделительный знак, в то время как функция завершения предложения представляется избыточной: пустое пространство конца строки поглощает знак. Свернутое речевое действие ‘завершаю мысль’, которое выражает знак точки, подменяется другим действием: вместо того, чтобы напечатать знак препинания, адресант дает команду отправить сообщение. При этом нулевая точка не просто пунктуационная небрежность. Нулевой знак коррелирует с дискурсивной практикой массовой коммуникации: заголовком, вывеской, табличкой на двери и т. п. Кроме того, в условиях интернет-коммуникации конечная точка выполняет функцию сигнала завершения общения. Так в цифровой пунктуации формируется бинарная оппозиция нулевого и ненулевого знаков. В заключение намечены перспективы исследования и подведены итоги.

Ключевые слова: цифровая пунктуация, стереотип агрессивной точки, нулевой знак, бинарная оппозиция

Для цитирования: Высоцкая И.В. Пунктуационный знак «точка» как механизм воздействия на адресата личного сообщения // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 82–92. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-82-92

Punctuation mark “dot (period)”
as an influence mechanism
on the personal message addressee

Irina V. Vysotskaya
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
i.vysotskaia@gs.nsu.ru

Abstract. The article deals with an issue of the punctuation mark interpretation in digital communication. The author considers the communicative potential of the period (and its absence) in personal messages. The researchers note that there is a widespread notion among Internet users that the period at the end of the text expresses aggression and therefore should be omitted. In order to study the persistence of that stereotype a questionnaire survey of NSU students was conducted. The interpretation of its results allows drawing several conclusions. The absence of a punctuation mark in a personal communication is explained by different reasons. Quite a common reason is communicative in its nature: the desire to accommodate the interlocutor, for whom punctuation can evoke negative connotations. According to the respondents, the omission of the endpoint is a marker of the informality of communication. The period is primarily perceived as a dividing sign, while the function of sentence completion seems redundant: the empty end-of-line space swallows up the sign. The convoluted speech action of ‘completing a thought’, which the period sign expresses, is replaced by another action: instead of typing a punctuation mark, the addressee gives the command to send a message. Moreover, the zero period is not just punctuation sloppiness. The zero period correlates with the discursive practice of mass communication: the headline, the sign, the door sign, etc. In addition, in the context of Internet communication, the period acts as a signal of the end of communication. Thus, in digital punctuation, a binary opposition of zero and nonzero signs is formed. The conclusion outlines the perspectives of the study and summarizes the results.

Keywords: digital punctuation, aggressive period stereotype, zero sign, binary opposition

For citation: Vysotskaya, I.V. (2024), “Punctuation mark ‘dot (period)’ as an influence mechanism on the personal message addressee”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 82–92, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-82-92

Проблема интерпретации пунктуационного знака вообще и в условиях цифровой коммуникации в частности представляется весьма актуальной, особенно в свете графолингвистики (изучающей «совокупность всех графических средств в письменных прак-

тиках, не только графем и их значимых компонентов, но и знаков пунктуации, идеограмм и пиктограмм» [Федорова 2021, с. 299]). Мысль о «креолизации» пунктуационной системы обусловлена возможностью знака препинания стать «выразительным средством письма, отражающим не только интонацию, но эмоции и дополнительные смыслы» [Северская и др. 2021, с. 176].

Интересно замечание о том, что «в сфере выражения эмоций принимают участие все знаки конца предложения, кроме точки» [Калинина 2021, с. 207]. Между тем стереотип агрессивной точки растиражирован в многочисленных¹ публикациях в интернет-СМИ, часто со ссылкой на работы лингвистов (прежде всего [Varon 2011], [Gunraj 2016]). И хотя научным сообществом этот феномен отмечен [Друговойко-Должанская 2016; Кузнецова 2016; Брунс 2021], осмыслен он явно недостаточно.

К исследованию коммуникативного потенциала пунктуационного знака «точка» нас заставила обратиться конкретная жизненная ситуация: пренебрежение этим знаком в письменных работах пятиклассников и, что еще в большей степени удивительно, игнорирование этого (отсутствие на полях тетради знака пунктуационной ошибки) со стороны учителя. Пояснение: «*Это необязательно*», – обусловило наш интерес к вопросу пунктуации пишущего и читающего, противопоставление которых возможно по аналогии с «грамматикой говорящего» и «грамматикой слушающего» [Ким 2021, с. 254]. К тому же необязательность пунктуационного знака «точка» в личном сообщении неоднократно декларировали и наши студенты в ходе обсуждения вопросов интернет-коммуникации. Можно предположить, что стиль неформального общения в сети Интернет школьники распространяют и на другие сферы письменной коммуникации.

Материал исследования составили результаты анкетирования, в котором в декабре 2022 г. приняли участие студенты гуманитар-

¹ Вероятно, одной из первых стала статья “The period is pissed. When did our plainest punctuation mark become so aggressive?” (Crair 2013), одной из последних – “No more periods when texting period” (Harrison-Caldwell 2021). Ср. также: «Текстовые чаты превращают точку в агрессивный знак» (Ализар 2013); «Цифровой этикет: Точку можно не ставить. Почему классическая пунктуация не работает в интернете» (Мухатаев 2015); «Обидеть, поставив точку? Цифровой этикет и грамматика» (Coneja o детях 2021); «Почему нельзя ставить точки в смс сообщениях» (DanRed 2018); «Не ставьте точку в конце предложения. Это невежливо» (Асланов 2020); «Признак снобизма: как точка в виртуальной переписке стала характеризовать нашу личность» (Щербакова 2022); «Точки мои точки. Что происходит со знаками в конце предложения» (Дубов 2022) и т. п.

ного института Новосибирского государственного университета (53 человека, средний возраст – 20–22 года, направление подготовки «Журналистика»). Они заполнили Гугл-форму (без указания личных данных).

Вопросы анкеты

1. В личном сообщении в конце предложения обычно точку я
 ставлю не ставлю
2. ...потому что (объяснить предыдущий ответ)
3. В личном сообщении в конце предложения обычно точку мои собеседники
 ставят не ставят
4. Точка в личном сообщении для меня ...
5. Отсутствие точки в личном сообщении для меня ...

Коммуникативный потенциал анкеты связывается с тем, что респондентам предложено охарактеризовать не только собственное коммуникативное поведение, но и поведение адресата. Ответы на закрытые вопросы (№ 1; № 3) показали, что подавляющее большинство респондентов (49 из 53), как и большинство их собеседников (51 из 53), не ставят точку в конце предложения, соблюдая неписаное «правило нулевой точки». Ответы на открытые вопросы (см. [Высоцкая 2023]) убедительно продемонстрировали субъективное восприятие пунктуационного знака «точка» в практике личной переписки в социальных сетях и мессенджерах.

Интерпретация результатов анкетирования позволила нам сделать ряд выводов.

1. Пренебрежение пунктуационным знаком «точка» в цифровой пунктуации объясняется разными причинами: экономией времени; забывчивостью; ленью; силой привычки; нежеланием переключать раскладку на устройстве; пренебрежением нормами пунктуации вообще и проч. Весьма показателен ответ²: *Мне так проще, в личных сообщениях я хочу чувствовать себя комфортно, не боясь допустить ошибку или пропустить нужную запятую. Ср.: На самом деле, даже не замечаю.*

Большинство из приведенных выше ответов представляют интересы пишущего. Однако намного интереснее собственно коммуникативные причины, связанные с интересами читающего: *Соблюдение всех правил пунктуации (и не только) в неформальном общении – маркер серьезности, которая может быть воспринята*

² Здесь и далее сохранены авторская стилистика, орфография и пунктуация.

собеседником как недоверие или даже агрессия (любопытно, что такое восприятие коррелирует с нетерминологическим значением слова *точка* ‘след от прикосновения, укола чем-н. острым <кончиком карандаша, пера, иглы>³). Пунктуационный знак «точка», как следует из ответов респондентов, обладает разными коннотациями и может выражать: 1. *Признак официального тона*; 2. *Негативный посыл*. В неофициальном общении большинство респондентов учитывает фактор адресата, его возрастные (*старшее поколение*) и социальные (*преподаватель или стикер*) характеристики. Заметим, что ситуация общения с преподавателем может квалифицироваться как официальная (*когда общаюсь более формально, например, с преподавателем*) или, напротив, противопоставляется ей (*с преподавателями или в официальной переписке ставлю*).

2. Интересен вопрос о восприятии статуса личного сообщения и форме речи в интернет-коммуникации. Отмечая, что «*к разговорной письменной речи требования пунктуации не такие высокие*», респонденты указывают, что с пунктуационным знаком «точка» в личной переписке *будто бы улетучивается разговорная легкость написанного текста*. Представление о том, что *личная переписка воспринимается как диалог*, а также предложение разделять *разговорную речь в переписке и смс делового характера* коррелируют с концепцией письменной разговорной речи [Голев 2013], что существенно меняет принятое в системе функциональной стилистики противопоставление книжно-письменных стилей устно-разговорному. Показательно и сравнение пунктуационного знака в конце сообщения с жестом: *По аналогии – то же самое, что отворачиваться от собеседника после каждой сказанной фразы*.

3. Крайне важны комментарии о том, что в личном сообщении пунктуационный знак «точка» *как бы и так подразумевается*, в то время как его отсутствие *приравнивается к присутствию точки в более формальном диалоге*, поскольку в них де-факто выражена мысль о формировании бинарной оппозиции нулевого и ненулевого знаков в разных дискурсных условиях, подобно традиции постановки точек над буквой «ё» (см.: [Федорова 2021]).

4. Многие респонденты отмечают, что пунктуационный знак «точка» осознается прежде всего как разделительный знак: *Как знак препинания играет роль только тогда, когда она завершает предложение и в этом же сообщении мне нужно продолжить мысль. Тогда точку ставлю. И мои собеседники тоже. В крайнем предложении обычно не ставим*. Функция завершения предложения представляется избыточной.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 803.

Вероятно, свернутое речевое действие 'завершаю мысль', которое выражает пунктуационный знак «точка», в интернет-коммуникации заменяется другим действием: вместо того, чтобы напечатать знак препинания, адресант дает команду отправить сообщение (о действии мы узнаем по результату). Пустое пространство конца строки настолько выразительно, что легко поглощает знак, и так называемая нулевая точка в личном сообщении коррелирует с дискурсивной практикой массовой коммуникации: заголовком, вывеской, табличкой на двери и т. п., где точка не ставится, поскольку граница текста маркирована дискурсивными средствами. В личном сообщении *объем текста одного сообщения, как правило, соответствует объему мысли, которая на письме формирует предложение.*

Заметим, что сообщение в чате может быть оформлено на отдельной «плашке», часто на цветном фоне⁴, что, безусловно, роднит его с указанными жанрами. Кроме того, возможен такой стиль личной переписки, при котором каждый смысловой блок начинается с новой строки:

*Привет
Я хотел спросить у тебя
Как делать третий номер?*

5. Пренебрежение пунктуационным знаком становится настолько привычным, что его постановка может интерпретироваться по-разному, причем набор субъективных интерпретаций различен: *В зависимости от контекста: иногда я и мои друзья можем поставить точку в конце предложения, иронизируя таким образом; если друг поставил точку в сообщении, то это повод задуматься, всё ли хорошо у него и в наших с ним отношениях; если точку ставит, например, научрук, то это нормально, не стоит переживать, потому что преподаватели, как правило, не следуют интернет-стереотипам относительно пунктуации в предложении.*

6. Важно подчеркнуть, что в условиях интернет-коммуникации конечная точка выполняет еще и функцию сигнала завершения общения на определенную тему. Интересен комментарий: *Сама же я использую точку только в случаях, когда нужно буквально «поставить точку» в диалоге, сказав что-то, в чем я буду непреклонна.* В связи с этим отметим реализацию метафорического значе-

⁴ По нашим наблюдениям, цифровой «раскол» поколений проявляется не только в предпочтении пунктуационных знаков и смайликов (как совершенно справедливо отмечено [Брунс 2021]), но и в отношении к выбору нестандартного (цветного и темного) фона для сообщений.

ния предела в ряде фразеологизмов со значением 'окончательно завершать, прекращать что-л.' (*дойти до точки; поставить точку* [на чем, в чем], *ставить / поставить точку над «i»*), а также в завершающей реплике: *Точка!* (см.: [Друговойко-Должанская 2016]), актуализированной в названии-слогане: «*Вкусно – и точка*».

7. Для студентов наше анкетирование стало средством формирования навыка самоанализа речевого поведения. Часть наших респондентов отмечает динамику в собственном речевом поведении, когда указывают, что пунктуационный знак «точка» *в последнее время почти ничего не значит, я отучилась воспринимать ее как выражение негатива*. Более того, субъективное восприятие пунктуационного знака связывается с незрелостью (...*вкладывать в точку какие-то негативные смыслы, которые должен считать собеседник, – детский сад*), что позволяет квалифицировать такое восприятие как явление не столько молодежной, сколько подростковой субкультуры.

Стиль цифрового письма может оказать (и оказывает!) существенное влияние на формирование культуры письменной речи школьников, не различающих разные условия общения. Важно также понимать, что и читательские навыки поколений формируются в разных условиях, поскольку в современной ситуации первым текстом для ребенка нередко оказывается не книжный, а медийный текст. Поэтому психолого-педагогический аспект проблемы цифрового письма представляется чрезвычайно важным.

«Заразительность» привычек цифрового письма проявляется в том, что старшие коммуниканты могут интуитивно подстраиваться под младших (к примеру, бабушки с удивлением обнаруживают, что отказываются от конечной точки в переписке с внуками). Перспективным представляется вопрос об универсальности стереотипа агрессивной точки, причем как в отношении цифрового «раскола» поколений, так и в отношении географии распространения⁵.

Наши данные подтверждают возможности субъективной интерпретации пунктуационной единицы и развития ее полифункциональности. Можно уверенно говорить о тенденции к прагматизации общения, поскольку коммуникативный аспект в культуре разговорной письменной речи оказывается намного предпочтительнее нормативного: желание расположить к себе адресата сообщения и/или маркировать неофициальность общения формирует новую норму цифровой пунктуации. Кроме того, интересно стремление к использованию не прямых (собственно языковых), а добавочных (дискурсивных) средств выражения авторской интенции.

⁵ Есть свидетельства того, что студенты французских университетов не используют знак скобки в личной интернет-переписке.

Источники

- Ализар 2023 – *Ализар А.* Текстовые чаты превращают точку в агрессивный знак // Хакер. 26.11.2013. URL: <https://haker.ru/2013/11/26/61658/> (дата обращения 22.12.2023).
- Асланов 2020 – *Асланов Т.* Не ставьте точку в конце предложения. Это невежливо // Дзен. 22.12.2020. URL: <https://dzen.ru/a/X-EYsiMNole3ulCh> (дата обращения 22.12.2023).
- Дубов 2022 – *Дубов А.* Точки мои точки: Что происходит со знаками в конце предложения // N + 1. 30.12.2022. URL: <https://nplus1.ru/material/2022/12/30/i-have-a-point> (дата обращения 22.12.2023).
- Мухатаев 2015 – *Мухатаев А.* Цифровой этикет: Точку можно не ставить: Почему классическая пунктуация не работает в Интернете // Look At Me. 14.05.2015. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/etiquette/214233-etiquette-no-full-stop> (дата обращения 22.12.2023).
- Щербакова 2022 – *Щербакова Е.* Признак снобизма: как точка в виртуальной переписке стала характеризовать нашу личность // ИА «Диалог». 12.10.2022. URL: <https://topdialog.ru/2022/10/12/priznak-snobizma-kak-tochka-v-virtualnoj-perepiske-stala-harakterizovat-nashu-lichnost/> (дата обращения 22.12.2023).
- Corneja о детях 2023 – *Corneja о детях:* Обидеть, поставив точку? Цифровой этикет и грамматика // Дзен. 08.02.2021. URL: https://dzen.ru/a/YB_JEV_tzCKpXKc4 (дата обращения 22.12.2023).
- Crair 2023 – *Crair B.* The period is pissed. When did our plainest punctuation mark become so aggressive? // The New Republic. 25.11.2013. URL: <https://newrepublic.com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger> (дата обращения 22.12.2023).
- DanRed 2018 – *DanRed:* Почему нельзя ставить точки в смс сообщениях // Пикабу. 28.05.2018. URL: https://pikabu.ru/story/pochemu_nelzya_stavit_tochki_v_sms_soobshcheniyakh_5930979 (дата обращения 22.12.2023).
- Harrison-Caldwell 2021 – *Harrison-Caldwell M.* No more periods when texting period // The New York Times. 29.06.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/29/crosswords/texting-punctuation-period.html> (дата обращения 22.12.2023).

Литература

- Брунс 2021 – *Брунс Т.* Пунктуационные знаки и смайлики – объединяющие и разделяющие функции в цифровой коммуникации // *Język i metoda. Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku*. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / ред. Д. Шумская, К. Озга. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. С. 185–196.
- Высоцкая 2023 – *Высоцкая И.В.* Точка в личном сообщении как знак цифрового раскола поколений (по результатам анкетирования студентов НГУ) //

- Коммуникативная культура: история и современность: Материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 26 окт. 2023 г. Новосибирск: НГУ, 2023. С. 145–152.
- Голев 2013 – *Голев Н.Д.* Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского гос. ун-та. Филология, 2013. № 5. С. 12–30.
- Друговойко-Должанская 2016 – *Друговойко-Должанская С.В.* ...И точка! (О семантизации знаков препинания в художественных текстах и фразеологии) // #ТОТСБОРНИК: Сб. науч. тр. по материалам Тотального диктанта / отв. ред. Н.Б. Кошкарёва. Вып. 1. Новосибирск, 2016. С. 100–113.
- Калинина 2021 – *Калинина А.А.* Знаки конца предложения как знаки эмоций // *Język i metoda. Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku*. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / ред. Д. Шумская, К. Озга. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. С. 199–210.
- Ким 2021 – *Ким И.Е.* Пунктуация «говорящего» и пунктуация «слушающего»: ономаσιологический и семасиологический подход в пунктуации // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. № 3. С. 252–260.
- Кузнецова 2016 – *Кузнецова Н.В.* «Переосмысление точки» как явление онлайн-коммуникации // #ТОТСБОРНИК: Сб. науч. тр. по материалам Тотального диктанта / отв. ред. Н.Б. Кошкарёва. Вып. 1. Новосибирск, 2016. С. 113–125.
- Северская и др. 2021 – *Северская О.И., Селезнева Л.В.* Пунктуация: деловая и... цифровая: о знаках препинания в современной бизнес-коммуникации // *Język i metoda. Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku*. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / ред. Д. Шумская, К. Озга. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. С. 173–183.
- Федорова 2021 – *Федорова Л.Л.* Диакритики в графической системе языка: нужно ли проставлять точки в ё? // *Język i metoda. Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku*. Вып. 7: Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / ред. Д. Шумская, К. Озга. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. С. 299–310.
- Baron 2011 – *Baron N.S.* Necessary smileys and useless periods. Redefining punctuation in electronically-mediated communication // *Visible Language*. 2011. Vol. 45. No. 1/2. P. 45–67.
- Gunraj 2016 – *Gunraj D.N.* Texting insincerely. The role of the period in text messaging / D.N. Gunraj, A. Drumm-Hewitt, E.M. Dashow, S.S.N. Upadhyay, C.M. Klin // *Computers in Human Behavior*. 2016. No. 55. Part B. P. 1067–1075.

References

- Baron, N.S. (2011), "Necessary smileys and useless periods. Redefining punctuation in electronically-mediated communication", *Visible Language*, vol. 45, no. 1/2, pp. 45–67.

- Bruns, T. (2021), "Punctuation marks and emoticons are unifying and separating functions in digital communication", in Shumska, D. and Ozga, K., eds., *Yazyk i metoda: Język i Metoda: Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku* [Language and method. The Russian language in 21st century linguistic research], iss. 7: *Russkaya punktuatsiya v komunikativnom aspekte* [Russian punctuation in the communicative aspect], Jagiellonian University Press, Krakow, Poland, pp. 187–198.
- Drugoveiko-Dolzhanskaya, S.V. (2016), "FULL STOP! (On the semantization of punctuation marks in literary texts and phraseology)", in Koshkaryova, N.B., ed., *#TOTSBORNIK. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Total'nogo diktanta* [#TOTSBORNIK. Collection of scientific works on the materials of Total Dictation], iss. 1, Novosibirsk, Russia, pp. 100–113.
- Fedorova, L.L. (2021), "Diacritics in the graphical system of the language. Do I need to crown e with dots?", in Shumska, D. and Ozga, K., eds., *Yazyk i metoda: Język i Metoda: Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku* [Language and method. The Russian language in 21st century linguistic research], iss. 7: *Russkaya punktuatsiya v komunikativnom aspekte* [Russian punctuation in the communicative aspect], Jagiellonian University Press, Krakow, Poland, pp. 299–310.
- Golev, N.D. (2013), "Russian colloquial written speech and the reflection of its modern state in the ordinary metalanguage consciousness of virtual communication participants", *Tomsk State University. Journal of Philology*, no. 5, pp. 12–30.
- Gunraj, D.N., Drumm-Hewitt, A.M., Dashow, E.M., Upadhyay, S.S.N. and Klin, C.M. (2016), "Texting insincerely. The role of the period in text messaging", *Computers in Human Behavior*, no. 55, part B, pp. 1067–1075.
- Kalinina, A.A. (2021), "End-of-sentence signs as signs of emotion", in Shumska, D. and Ozga, K., eds., *Yazyk i metoda: Język i Metoda: Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku* [Language and method. The Russian language in 21st century linguistic research], iss. 7: *Russkaya punktuatsiya v komunikativnom aspekte* [Russian punctuation in the communicative aspect], Jagiellonian University Press, Krakow, Poland, pp. 199–210.
- Kim, I.E. (2021), "Punctuation of the 'speaker' and punctuation of the 'listener'. Onomasiological and the semasiological approach in punctuation", *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 3, pp. 252–260.
- Kuznetsova, N.V. (2016), "The reinterpretation of the period' as a phenomenon of online communication", in Koshkaryova, N.B., ed., *#TOTSBORNIK. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Total'nogo diktanta* [#TOTSBORNIK. Collection of scientific works on the materials of Total Dictation], iss. 1, Novosibirsk, Russia, pp. 113–125.
- Severskaya, O.I. and Selezneva, L.V. (2021), "Punctuation. Business and ... digital. About punctuation marks in modern business communication", in Shumska, D. and Ozga, K., eds., *Yazyk i metoda: Język i Metoda: Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku* [Language and method. The Russian language in 21st century linguistic research], iss. 7: *Russkaya punktuatsiya v komunikativnom aspekte* [Russian punctuation in the communicative aspect], Jagiellonian University Press, Krakow, Poland, pp. 173–183.

Vysotskaya, I.V. (2023), "A dot in a personal message as a sign of a digital generational split?", in *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost': Materialy XIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 26 oktyabrya 2023 g.* [Communicative culture. History and the present. Proceedings of the 13th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. October 26, 2023], Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, pp. 145–152.

Информация об авторе

Ирина В. Высоцкая, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; i.vysotskaia@g.nsu.ru

Information about the author

Irina V. Vysotskaya, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; 1, Pirogova St., Novosibirsk, Russia, 630090, i.vysotskaia@g.nsu.ru

Вопросительные предложения
с вводными словами неуверенности
как инструмент речевого воздействия
в текстах Telegram-каналов СМИ

Светлана И. Переверзева

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, P_Sveta@hotmail.com

Аннотация. В новостных текстах Telegram-каналов встречаются вопросительные предложения с вводными словами, обозначающими неполную степень уверенности (*видимо, наверное, возможно* и др.), ср. *Может, пора договариваться?* Эти предложения чаще всего представляют собой речевые акты двух типов – вопросы-гипотезы и вопросы-побуждения. В множестве таких вопросов выделяются потенциально манипулятивные речевые акты, цель которых – сформировать у адресата определенную оценку персонажа текста или его поступков (риторические вопросы, упреки, абсурдные гипотезы и абсурдные предложения). Показано, что разные вводные слова встречаются в разных типах вопросов с неодинаковой частотой: для *возможно* и *может* наиболее характерны гипотезы, для *может быть* – побуждения, а для *видимо* – манипулятивные высказывания. Анализ общего количества вопросов с вводными словами в разных новостных источниках позволяет сделать вывод о том, что одни источники не используют такие вопросы в редакционных текстах практически никогда, другие же чаще задают их «от лица редакции», чем приводят в цитатах. Наконец, было обнаружено, что разные каналы «предпочитают» разные типы вопросов с вводными словами: «Московский комсомолец» чаще других СМИ использует гипотезы, «Взгляд» и «Комсомольская правда» – побуждения, «Царьград» и «Russia Today» – абсурдные высказывания, риторические вопросы и упреки.

Ключевые слова: Telegram-каналы СМИ, вводные слова, вопросы, побуждение, манипулятивное воздействие

Для цитирования: Переверзева С.И. Вопросительные предложения с вводными словами неуверенности как инструмент речевого воздействия в текстах Telegram-каналов СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 93–103. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-93-103

Questions with parentheses expressing uncertainty
in the Telegram media channels.
An instrument of manipulation

Svetlana I. Pereverzeva,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
P_Sveta@hotmail.com

Abstract. The news published by Telegram channels contain questions with parentheses expressing some degree of uncertainty (*vidimo* ‘apparently’, *navernoje* ‘probably’, *vozmozhno* ‘perhaps, maybe’, etc.), cf. *Mozhet, pora dogovarivatsja?* ‘Maybe it’s time to negotiate?’ Mostly, such questions are hypothesis or directive speech acts. In the many of such questions potentially manipulative speech acts are identified (rhetorical questions, reproaches, absurd hypotheses and absurd suggestions), which aim to make the addressee think of a person or his/her actions in a certain way. It is stated that different parentheses occur in different types of questions with unequal frequency: for the words *vozmozhno* and *mozhet* hypotheses are the most typical, for the collocation *mozhet bytj* – directive speech acts, and the word *vidimo* – manipulative speech acts. An analysis of the total number of questions with parentheses posed by different media suggests the conclusion that some media avoid such questions in editorial texts, while others tend to ask questions themselves more often than just to cite them. Finally, it was found that different channels “prefer” different types of questions with parentheses: more often than other media, “Moskovskij Komsomolets” uses hypotheses, “Vzglyad” and “Komsomolskaya Pravda” use suggestions, and “Tsargrad” and “Russia Today” use absurd statements, rhetorical questions and reproaches.

Keywords: Telegram media channels, parentheses, questions, directive speech acts, linguistic manipulation

For citation: Pereverzeva, S.I. (2024), “Questions with parentheses expressing uncertainty in the Telegram media channels. An instrument of manipulation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 93–103, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-93-103

Введение

В работе рассматриваются основные типы вопросов с вводными словами, обозначающими неполную степень уверенности (далее – ВС неуверенности), такими как *видимо*, *наверное*, *возможно* и др., на материале новостных текстов Telegram-каналов 14 русскоязычных

СМИ, опубликованных с октября 2022 г. по март 2023 г.¹ Объем корпуса составил около 5000 предложений; доля вопросов ≈3,6% (188 примеров). Цель нашего исследования – проверить гипотезу о том, что разные ВС неуверенности характерны для вопросов разных типов (п. 1) и что разные СМИ используют с неодинаковой частотой как сами вопросы с ВС неуверенности (п. 2), так и вопросы разных типов (п. 3). Пример вопроса с ВС неуверенности – *Возможно[,] всему виной коридор затмений?* (М24²)

1. ВС неуверенности в вопросах разных типов

Согласно работе [Переверзева и др. 2023, с. 157–158], наиболее частотные ВС неуверенности в наших источниках – это *вероятно* (1148 примеров), *возможно* (1110), *видимо* (599), *кажется* (373), *наверное* (365), *похоже* (335), *может* (263) и *может быть* (225). В вопросительных предложениях, однако, значительно чаще других ВС используются *может* (35,7% от всех употреблений данного ВС) и *может быть* (22,9%); реже – *ВС наверное* (3,6%), *видимо* (2,7%), *возможно* (1,3%) и *кажется* (1,1%). ВС *вероятно* и *похоже* в вопросах не встречаются³.

Можно предположить, что частота употребления того или иного ВС неуверенности в вопросах соотносится с частотой появления этого ВС в начале клаузы⁴. В самом деле, наш материал показывает, что типичные «вопросительные» ВС *может* и *может быть* в вопросах встречаются только в начальной позиции (единственное исключение представляет пример из ВВС, о нем см. сноску 11), а в утверждениях возможны разные варианты: одни источники (например, RT, КП, 360) предпочитают помещать *может* и *может быть* в начальную позицию, а для других (например, ВЗГ, Мед, Газ) соотношение близко к 50 на 50. Для «невопросительных» ВС *вероятно* и *похоже*, напротив, скорее характерно нена начальное употребление.

¹ Источник текстов – пополняемая в автоматическом режиме база данных, созданная группой лингвистов из РГГУ и Курчатковского института под рук. А.А. Котова.

² Список сокращений см. в конце статьи.

³ Тем не менее в языке запрета на употребление этих двух ВС в вопросах, судя по всему, нет, см. примеры из основного корпуса НКРЯ: *Почему, черт возьми, им хочется, чтобы я был Леонтием Сергеевичем? Вероятно, это удобнее выговаривать, чем Сергей Леонтьевич?* (М. Булгаков); *Наблюдали другие спортсмены. Похоже, новая битва?* (В. Попов).

⁴ А.Б. Летучий, р. с.

Для тех ВС, которые встречаются в вопросах сравнительно редко, отмеченная закономерность может нарушаться. Например: ВС *возможно*, как и ВС *может* и *может быть*, ни разу не встретилось ни в середине, ни в конце вопроса, а ВС *наверное* и *видимо*, как и ВС *вероятно* и *похоже*, в целом не демонстрируют тенденции к начальному расположению; тем не менее *наверное* и *видимо* употребляются в вопросах немного чаще, чем *возможно* (доли этих ВС см. выше). Мы предполагаем, что такие нарушения могут быть связаны с небольшим объемом исследовательского корпуса.

Среди вопросов, оформляемых с помощью ВС неуверенности, мы выделили речевые акты двух типов:

- (а) **гипотезы**, или «гипотетичные предложения, употребленные в значении вопроса» [Булыгина, Шмелёв 1993, с. 79]: *Теперь его, наверное, лишат диплома?* (МК); *Кажется, это Львов?* (МК);
- (б) **побуждения** в самом широком понимании, к которым относятся, в частности, **предложения**, ср. *Что, может, попробуем?* <о столе для тенниса> (РТ), **советы**, ср. *Так, может быть, стоит забрать у неблагодарных соседей оставшиеся монументы, пока их окончательно не разобьют?* (КП), **вопросы-побуждения к самому себе**, ср. *Когда за нами [дома] приехало такси, мы с мамой сидели, и я реально думала: может, остаться?* (РСв);

Нередко в новостях встречаются особые разновидности гипотез и побуждений, цель которых – сформировать у читателя определенное мнение о персонаже, обсуждаемом в тексте, или о его действиях. Такие случаи мы рассматриваем как проявления **речевой манипуляции**. Например, гипотезы принимают вид **риторических вопросов**, ср. *Чем вы ... отличаетесь от тех, кого ненавидите? Может быть, ничем?* (МК), а побуждения, содержащие предикаты *стоило*, *следовало*, *надо было* и под., становятся **упреками**, ср. *Мы, конечно, понимаем, что от ДРГ в принципе трудно уберечься. Но, может быть, стоило хотя бы попробовать?* (РТ); *Самое интересное, что мужик не собирался бить хозяина молотком, пока полицейские не зашли в дом. <...> Может, надо было просто поговорить?* (МК). И риторические вопросы, и упреки обладают «высокой коммуникативно-прагматической направленностью на адресата и “требуют” от него реагирования в виде вербального ответа ... или действия» [Белунова 2013, с. 87]. Манипулятивными мы считаем и абсурдные речевые акты типа (а) и (б): **абсурдные гипотезы**, ср. *Почему мадам президент до сих пор не в Грузии...? Видимо, не смогла купить билеты на обратный рейс в Тбилиси?* (Ц), и **абсурдные предложения**, ср. *Может, стоит устроить для него специальный конкурс, чтобы*

он нашел клуб или сборную? (News). Последние, согласно [Логинов 2015, с. 26], представляют собой разновидность «коммуникативной манипуляции», выставляющей персонажей, о которых идет речь, в невыгодном свете.

Согласно нашим данным, только в гипотезах (тип (а)) встречаются все 6 рассматриваемых ВС, и только ВС *может*, *может быть* и *возможно* – в обоих типах вопросов. ВС *кажется*, *наверное* и *видимо* в предложениях-побуждениях (тип (б)) не были обнаружены⁵. При этом для ВС *возможно* и *может* наиболее характерны гипотезы, для *может быть* – предложения-побуждения, а для *видимо* – манипулятивные речевые акты⁶.

В НКРЯ, как и в Telegram-каналах, вопросов с ВС *может* и *может быть* по сравнению с другими ВС большинство⁷. Причина, вероятно, в том, что, во-первых, для *может* и *может быть*, в отличие от других ВС, допустимы любые разновидности вопросов (*возможно* встречается в риторических вопросах и абсурдных гипотезах, но не в абсурдных предложениях и упреках). Во-вторых, почти все побуждения типа (б) – 50 примеров из 53 – приходятся на эти два ВС, что неслучайно: многие такие предложения инфинитивные, и ни замена *может (быть)* на другое ВС, ни опущение этих ВС невозможны⁸, ср. *Может, начать ее называть как-то более традиционно...?* (Ц) ~ **Начать ее называть как-то более традиционно...?* ~ **Видимо / Возможно / Наверное / Кажется, начать ее называть как-то более традиционно...?* В базе данных «Русский Конструктикон» (<https://constructicon.ruscorgora.ru/>) выделяется особая конструкция с «а *может*»: *А может[,] нам пойти в кино?*» (№ 1221); похожим образом устроены и некоторые другие вопросительные конструкции, например вопросы с *не... ли* (ср. *А не поехать ли в Китай?* / **Не поехать в Китай?*)⁹.

⁵ В нашем корпусе имеется только один пример абсурдного предложения-побуждения с ВС *видимо*: **Видимо, России уже пора «стоять, бояться, упасть, отжаться» ...?** (Ц).

⁶ Большое количество манипулятивных речевых актов для ВС *видимо* может быть обусловлено стилистическими особенностями источника Ц, который использует данное ВС гораздо чаще, чем остальные каналы [Переверзева и др. 2023]. Подробную статистику можно найти по ссылке <https://disk.yandex.ru/i/rzmE1yHURAzWQg>.

⁷ *Летучий А.Б.* Вопрос или утверждение? Об одной конструкции с модальными словами: Доклад на конференции «Вариативность в языке и речи». М.: РГГУ, 2010.

⁸ Там же.

⁹ Мы благодарим А.Б. Летучего за этот пример.

2. Доля вопросов с ВС неуверенности в разных СМИ

Доля вопросов среди высказываний с ВС неуверенности в нашем корпусе без учета ВС *вероятно* и *похоже* – 6,9%. Долю выше средней имеют источники Ц (13%), Газ (10,5%), РБК (9,5%), RT (7,8%), КП (7,2%). Однако если рассматривать количество вопросов только в редакционных текстах СМИ¹⁰, то оказывается, что наши источники разбиваются на две группы – те, в которых вопросы с ВС не встречаются (News, RT, Газ, РБК, РСв – 0 примеров; ВВС – 1 пример из 5¹¹), и те, которые пользуются этим приемом весьма активно, т. е. чаще всего вопросы с ВС неуверенности задает редакция (Лен – 100%, МК – 91%, Ц – 81%, М24 – 80%, Мед – 67%, 360 и КП – 57%). Единственный промежуточный случай – источник ВЗГ (36%, 4 вопроса от редакции из 11).

Примечательно, что развлекательные СМИ Лен и М24¹², относящиеся ко второй группе, почти всегда (9 примеров из 11) выносят вопрос с ВС неуверенности в отдельный абзац в самый конец новости; тем самым вопрос часто выполняет в этих источниках ту же функцию, что и пуанта анекдота, ср. (знаком // отмечены абзацные отступы):

<фотография> // *Шутить про женщин за рулем – это, кажется, дурной тон. Но вы только посмотрите, какую замечательную парковку на Коломенской набережной нашла для своей машины автоледи. // Есть информация, что девушка перепутала педали, и ее автомобиль забрался на забор школы. Судя по всему, было удобно, потому что стоял он там всю ночь. // **Может**, не заметила?* (М24)

<видеозапись> *Произошла неожиданная встреча дельфинов и белок, распространите. // **А может**, это подельники млекопитающих, которые разработали для них план побега из океанариума?* (Лен)

¹⁰ Целесообразность этого подхода была обоснована нами ранее (см.: *Переверзева С.И.* Употребление сочетаний с оценочными словами «сущий», «этакий», «форменный», «поистине» в текстах Telegram-каналов СМИ: Доклад на конференции «Диалогические клише в языке и коммуникации». М.: РГГУ, 2023): так, частота слова *поистине* в редакционных текстах новостных Telegram-каналов может свидетельствовать об их политической ориентации, тогда как частота этого слова с учетом цитат и авторских новостей не дает сколько-либо ясной картины.

¹¹ С точки зрения русского языка этот единственный пример кажется нам несколько странным: *...Как россияне в Грузии смотрят на происходящее, а, может, и участвуют в этих событиях?* (ВВС).

¹² Классификацию Telegram-каналов в нашем корпусе по их содержанию см. в статье [Переверзева и др. 2023, с. 163–164].

3. Доля СМИ в вопросах разного типа

Более чем в половине наших источников количество вопросов с ВС неуверенности меньше 10, поэтому при неразличении редакционных и авторских текстов представляется осмысленным рассматривать только следующие 5 СМИ: Ц (68 примеров), RT (31), КП (21), МК и ВЗГ (по 11 примеров), – а для подсчета редакционных новостей могут быть показательны только Ц (55), КП (12) и МК (10).

Таблица

	Гипотезы (а)	Побуждения (б)	Манип. РА (в)
все новости			
МК	0,73	0,09	0,18
ВЗГ	0,36	0,45	0,18
КП	0,43	0,38	0,19
Ц	0,43	0,29	0,28
RT	0,23	0,23	0,55
редакционные новости			
МК	0,8	0,1	0,1
КП	0,42	0,33	0,25
Ц	0,42	0,25	0,33

Из таблицы видно, что наибольший вклад в вопросы-гипотезы вносит канал МК, а в вопросы-побуждения – КП. Доля канала ВЗГ тоже велика в вопросах-побуждениях, однако тематически они однородны и всегда связаны с актуальной внешнеполитической обстановкой, ср.: **Возможно**[,] *в офисе Зеленского хотят поделиться еще какой-то информацией на эту тему?!*, тогда как в текстах КП вопросы такого типа могут иметь и развлекательный характер, ср.: *В Перми местные работники ЖКХ убирали снег с крыш[,] поливая их кипятком <...> **Может**, лазером теперь со-сультки сбивать?*

Канал RT имеет преимущество в вопросах типа (в) главным образом за счет абсурдных гипотез, ср.: **Может**, *украинская артиллерия никого не обстреливает? **Может**, они пленных не казнят?*, и риторических вопросов, ср. *Вы, **наверное**, сами никогда не делали добрых дел?!*, однако все это авторские тексты или цитаты, за которые редакция не несет ответственность. Возможно, RT сле-

дует тому же принципу при вынесении субъективных оценок, что и ВВС: «Мы берем интервью у людей, которые называют ХАМАС террористами, и приводим цитаты, в которых их авторы делают такие же заявления. Ключевой момент заключается в том, что мы не говорим это от своего имени» (Джон Симпсон, редактор ВВС News). В редакционных новостях первое место по вопросам типа (в) занимает ультраправый консервативный канал Ц.

Заключение

Хотя наше исследование было проведено на сравнительно небольшом корпусе, представляется, что предложенная в нем классификация вопросов с ВС неуверенности может использоваться как один из инструментов для определения манипулятивного потенциала новостных текстов¹³ и дальнейшего выявления тех СМИ, которые более склонны применять приемы речевого воздействия на аудиторию. Отметим, впрочем, что такое воздействие не всегда нацелено на формирование у адресата негативных или позитивных представлений о событиях и людях, поскольку вопросы, в частности риторические, нередко используются в интернет-коммуникации в качестве так называемых *engagement markers*, т. е. языковых средств для привлечения внимания читателей и побуждения их к диалогу [Trnavac, Taboada 2023]. Использование вопросов в функции «вовлечения в диалог», как показали наши наблюдения, характерно скорее для развлекательных каналов.

Многие из рассмотренных нами СМИ либо активно используют вопросы с ВС неуверенности в редакционных текстах (больше половины случаев), либо не используют их почти никогда. Следовательно, наличие таких вопросов является одной из важных характеристик способа подачи новостей.

В перспективе было бы интересно проанализировать вопросы с ВС неуверенности с точки зрения их расположения в тексте новости (предварительные наблюдения показывают, что абсурдные гипотезы и абсурдные предложения примерно в половине случаев помещаются в самый конец) и с точки зрения их содержания (так, в нашем корпусе все вопросы о будущем являются гипотезами и среди них нет ни одного риторического вопроса).

¹³ О понятии манипулятивного потенциала текста см., например, работы [Казаков 2018; Моисеева, Титлова 2019].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 22-18-00594. Мы выражаем искреннюю признательность А.Б. Летучему, высказавшему ряд существенных замечаний к работе.

Acknowledgments

This work is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 22-18-00594. We express our sincere gratitude to A.B. Letuchiy, who made significant comments on the work.

Сокращения (названия Telegram-каналов)

360 – 360tv

BBC – BBC News – русская служба

News – NEWS.ru

RT – Russia Today

ВЗГ – ВЗГЛЯД.РУ

Газ – Газета.Ru

КП – Комсомольская правда

Лен – Лента дня

M24 – Москва 24

Мед – Медуза – LIVE (признан в РФ иноагентом).

МК – Московский комсомолец

РБК – РБК

РСв – Радио Свобода

Ц – Царьград ТВ

Литература

Белунова 2013 – *Белунова Н.И.* Вопросительное и побудительное предложения в коммуникативном аспекте // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 3. С. 84–91.

Булыгина, Шмелёв 1993 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 78–82.

Казаков 2018 – *Казаков А.А.* Манипулятивный потенциал поляризованного политического медиатекста: вариант измерения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 75–93.

- Логинов 2015 – *Логинов А.В.* Категория интеррогативности в современном русском языке. Дис. ... д-ра филол. наук. Московский государственный педагогический университет. М., 2015. 500 с.
- Моисеева, Титлова 2019 – *Моисеева А.В., Титлова А.С.* Манипулятивный потенциал текста микроблога (на примере анализа текстов-комментариев новостного Твиттера) // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 4. С. 996–1002.
- Переверзева и др. 2023 – *Переверзева С.И., Котов А.А., Жеребцова Я.А., Зинина А.А.* Вводные слова и выражения со значением (не)уверенности в Telegram-каналах СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 153–185.
- Trnavac, Taboada 2023 – *Trnavac R., Taboada M.* Engagement and constructiveness in online news comments in English and Russian // *Text & Talk*. 2023. Vol. 43. No. 2. P. 235–262.

References

- Belunova, N.I. (2013), “Question and directive sentences in communicative aspects”, *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and practice of service. Economics, social sphere, technology], no. 3, pp. 84–91.
- Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D. (1993), “Hypothesis as a mental and speech act”, in *Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya* [Logical analysis of language. Mental actions], Nauka, Moscow, Russia, pp. 78–82.
- Kazakov, A.A. (2018), “A possible way to measure manipulative capacity of polarized political media texts”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 6, pp. 75–93.
- Loginov, A.V. (2015), *Kategoriya interroгатivnosti v sovremennom russkom yazyke* [Category of interrogativeness in the modern Russian], D.Sc. Thesis, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.
- Moiseeva, A.V. and Titlova, A.S. (2019), “Manipulative potential of the microblog text (based on the example of analysis of text comments on news Twitter)”, *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 24, no. 4, pp. 996–1002.
- Pereverzeva, S.I., Kotov, A.A., Zherebtsova, Ya.A. and Zinina, A.A. (2023), “Parentheses expressing (un)certainly in the Telegram media channels. Word frequency”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 153–185.
- Trnavac, R. and Taboada, M. (2023), “Engagement and constructiveness in online news comments in English and Russian”, *Text & Talk*, vol. 43, no. 2, pp. 235–262.

Информация об авторе

Светлана И. Переверзева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; P_Sveta@hotmail.com

Information about the author

Svetlana I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; P_Sveta@hotmail.com

Юмор и ирония в дискурсе здорового образа жизни

Ксения М. Шилихина

*Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия, shilikhina@rgph.vsu.ru*

Аннотация. В статье анализируется юмористический компонент дискурса здорового образа жизни (ЗОЖ). Дискурс ЗОЖ относится к тем типам дискурса, которые формируются вокруг какой-либо социально значимой темы. Дискурс ЗОЖ существует в институциональном и бытовом форматах. Дискурс ЗОЖ в институциональном формате реализуется через пропаганду здорового образа жизни. В бытовом формате этот дискурс представляет собой, с одной стороны, высказывания сторонников ЗОЖ, с другой стороны, высказывания тех, кто не хочет придерживаться здорового образа жизни. Критическое отношение к ЗОЖ часто выражается в юмористических интернет-мемах. Материалом для исследования стали 253 мема на русском, английском и немецком языках. Цель исследования – показать, как социальная ценность (здоровый образ жизни), вокруг которой формируется свой собственный дискурс, становится мишенью для юмора и иронии. Шутки, посвященные (не)здоровому образу жизни, основаны на столкновении нормы и анти-нормы: в интернет-мемах здоровый образ жизни предстает как нечто мешающее счастливому образу жизни, а нездоровый образ жизни – как модус существования, связанный преимущественно с положительными эмоциями. В этом смысле бытовой дискурс ЗОЖ противостоит институциональному, поскольку ценность ЗОЖ, пропагандируемая государством, в мемах подвергается сомнению.

Ключевые слова: юмор, дискурс здорового образа жизни, интернет-мем, норма и анти-норма, бисоциация

Для цитирования: Шилихина К.М. Юмор и ирония в дискурсе здорового образа жизни // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 104–118. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-104-118

Humour and irony in the discourse of healthy lifestyle

Ksenia M. Shilikhina

Voronezh State University, Voronezh, Russia, shilikhina@rgph.vsu.ru

Abstract. The paper analyzes the humorous component which is used by the participants of the discourse of healthy lifestyle. The discourse of healthy lifestyle belongs to those types of discourse which are formed around a particular highly significant social topic. The discourse under discussion exists in the institutional and everyday formats. Institutional discourse of healthy lifestyle is implemented through the promotion of a healthy lifestyle. In the everyday format, that discourse includes, on the one hand, various statements of supporters of healthy lifestyle, and, on the other hand, statements of those who do not want to adhere to a healthy lifestyle. Critical attitude towards healthy lifestyle is often expressed in humorous Internet memes. The study is based on 253 memes in Russian, English, German, Polish and French. The purpose of the study is to show how healthy lifestyle, being a social value, nevertheless becomes a target for humor and irony. Jokes about healthy lifestyle are based on the collision of norm and anti-norm: in Internet memes, healthy lifestyle appears as something that interferes with happiness, while the unhealthy lifestyle is associated mainly with positive emotions. In that sense, the everyday discourse is opposed to the institutional one, since the value of healthy lifestyle promoted by the state is questioned in memes.

Keywords: humor, healthy lifestyle discourse, Internet meme, norm and anti-norm, bisociation

For citation: Shilikhina, K.M. (2024), "Humour and irony in the discourse of healthy lifestyle", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 104–118, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-104-118

Введение

Изменения в жизни общества влекут за собой появление новых тем, которые при определенных условиях могут формировать новые дискурсы (в узком понимании этого термина). В таких дискурсах, ориентированных на определенную сферу или тематику общения, участники, как правило, выполняют определенные социальные роли и включаются в социальные отношения, связанные с этими ролями. Сам же дискурс может реализовываться как в институциональном, так и в бытовом формате, при этом тема, вокруг которой

создается свой собственный дискурс, обсуждается в рамках определенных жанров. Примером такого тематически ориентированного дискурса является дискурс здорового образа жизни (ЗОЖ), о котором пойдет речь в данной статье.

Цель исследования – показать, как в дискурсе здорового образа жизни используется юмор и какие социальные проблемы, связанные со здоровым образом жизни, становятся мишенями юмористической коммуникации. Исследование проведено на материале интернет-мемов, посвященных здоровому образу жизни. Общее количество мемов на русском, английском и немецком языках – 253. Кроме того, в работе использовались данные Национального корпуса русского языка.

Дискурс здорового образа жизни: краткая характеристика

Здоровый образ жизни является одной из социальных ценностей, которую можно отнести к разряду глобальных – во многих странах активное продвижение здорового образа жизни заявлено в качестве стратегического направления государственной политики обучения и воспитания. Активное обсуждение различных аспектов, связанных со здоровым образом жизни, в СМИ и повседневной коммуникации позволяет говорить о существовании специфического дискурса здорового образа жизни (ЗОЖ), участниками которого являются представители государства, а также активные сторонники здорового образа жизни и его противники.

Дискурс ЗОЖ в институциональном формате реализуется в пропаганде здорового образа жизни на государственном уровне. Цель пропаганды – сформировать у населения привычку заботиться о своем здоровье, с одной стороны, и умение противостоять различного рода соблазнам – с другой. Стратегии официальной пропаганды достаточно стандартны: преимущественно это информирование о последствиях нездорового образа жизни и использование плакатов, содержащих лозунги (например, «Россия – за здоровый образ жизни!»). В таком формате институциональный дискурс ЗОЖ сближается с рекламным дискурсом. Отметим, что в просветительских плакатах практически не используется юмор; исключения составляют карикатуры, направленные на борьбу с алкоголизмом. Традиция использования таких карикатур уходит в советское время, когда карикатуры публиковались в центральных периодических изданиях, в том числе в специализированном юмористическом журнале «Крокодил» (рис. 1):

Рис. 1. Карикатура «Учти, половина моя!»
из журнала «Крокодил»

В бытовом формате дискурс ЗОЖ представлен обсуждениями успехов сторонников здорового образа жизни или предложениями услуг для тех, кто хочет начать вести такой образ жизни. Среди целей обсуждения проблем здорового образа жизни в повседневной коммуникации можно назвать стремление продемонстрировать свою «правильность», прорекламировать услуги по формированию ЗОЖ (например, предложить программы похудения или приведения тела в идеальную форму) и т. д.

Национальный корпус русского языка позволяет проследить, как носители русского языка говорят о здоровом образе жизни в повседневной коммуникации. Интересно, что наряду с контекстами, в которых здоровый образ жизни оценивается положительно или нейтрально (пример 1), примерно в половине контекстов этому явлению дается отрицательная оценка (примеры 2–3):

- 1) «Это поможет детям научиться быстрее переключаться с одного вида работы на другой, поможет лучшему восстановлению и закреплению в головах детей, что *ЗОЖ – основная составляющая прогрессивного общества!*» (коллективный форум: Закон об образовании. Обсуждаем проект (2011));
- 2) «Помешательство на *ЗОЖ*. Вести здоровый образ жизни – это похвально и современно, но до определенной меры, *пока полезные привычки не доводятся до абсурда*» (Дарья Ефремова. Грешным делом // Психология на каждый день, 2011);

- 3) «Никакими запретами проблему не решить, нужна пропаганда ЗОЖ, разъяснительная работа со школьниками и *прочая лабуда*» (коллективный форум: Всемирный день борьбы с курением [2011]).

Данные контексты наглядно иллюстрируют ситуацию, которая сложилась сегодня в обществе: у здорового образа жизни есть как сторонники, так и противники. Производное от аббревиатуры «ЗОЖ» слово «ЗОЖники/зожники» используется преимущественно в негативных контекстах и в онлайн-коммуникации, и в СМИ:

- Компанию из 20 оголтелых зожников-любителей, не каждый выдержит (fantadiop.vrn. Телеведущая, лайфстайл блог [24.12.2020]);
- Без сахара Без молока коровы И даже без яиц 🤔👉 Мечта всех ~~чсканутьх~~ ЗОЖников 😊 Точных пропорций как всегда нет 🤖 (Яна. Рецепты. Контент-Съемка [22.01.2019]).

Поскольку в обсуждениях ЗОЖ люди разделились на два лагеря, неудивительно, что в бытовом сегменте дискурс ЗОЖ стал объектом многочисленных шуток и мемов, распространяющихся преимущественно в интернете. Известно, что юмор используется для отделения «своих» от «чужих» и последующего высмеивания «чужих», поэтому шутки про здоровый или нездоровый образ жизни часто используются для обозначения жизненной позиции по данному вопросу.

Юмор в дискурсе здорового образа жизни

Чтобы понять, как функционирует юмор в дискурсе ЗОЖ, необходимо посмотреть, какой именно юмор используют участники коммуникации.

Существует целый ряд таксономий юмора, в основе которых лежат различные характеристики. Принято выделять агрессивный и неагрессивный юмор. В первом случае юмор создает коммуникативный дискомфорт, во втором случае все участники дискурса получают удовольствие от юмора [Encyclopedia of humor 2014]. Еще один вариант классификации – выделение различных стилей использования юмора: веселый (fun), доброжелательный (benevolent humor), нонсенс (nonsense), остроумие (wit), иронию (irony), сатиру / корректирующий юмор (satire/corrective humor), сарказм (sarcasm) и цинизм (cynicism) [Ruch et al. 2018]. Два из названных стиля – доброжелательный и корректирующий

юмор – связаны с понятиями добродетели и нравственности [Heintz 2018]. Их отличительной чертой является то, что они направлены на выявление таких несоответствий в окружающем мире, которые сами по себе не являются смешными. Примером несоответствий являются человеческие слабости (вредные привычки), которые принято противопоставлять здоровому образу жизни как социальной ценности. Представление этих несоответствий в виде шутки позволяет показать обнаруженное отклонение реальности от ожиданий или норм. Добродушный юмор не предполагает коррекции несоответствий, ограничиваясь указанием на них, в то время как корректирующий юмор своей целью имеет исправление ситуации, приведение реальности в соответствие с ожиданиями или нормами.

Далее речь пойдет преимущественно о добродушном юморе, который связан с темой (не)здорового образа жизни. Такой юмор сегодня существует в форме интернет-мемов – наиболее популярном жанре онлайн-коммуникации.

Термин «мем» был введен биологом Ричардом Докинзом для обозначения небольших, похожих на гены культурных единиц передачи информации, которые распространяются в обществе путем копирования или имитации [Dawkins 1976]. Интернет в большей степени, чем любое другое средство массовой информации, подходит для крупномасштабного распространения мемов [Кузнецов 2022; Семенова, Рубцова 2023]. Более того, благодаря цифровым технологиям люди могут легко создавать свои собственные версии любого мема. Тем самым пользователи становятся не только потребителями и распространителями юмора, но и его соавторами. По сути, любое крупное общественное событие сегодня вызывает поток интернет-мемов [Кузнецов 2022]. Реконфигурация контента и его публичный показ в пародиях, ремиксах и других производных форматах стали высокоценимой культурной практикой.

Мультимодальность и воспроизводимость – это два свойства мемов, которые позволяют компактно «упаковывать» имплицитные смыслы, связанные с социальными ценностями. Часто визуальная составляющая является константой либо отсылает нас к прецедентному явлению, например книге, фильму или историческому событию. В качестве примеров приведем пародию на плакат времен Гражданской войны «А ты записался добровольцем?» и кадры из фильмов «Собачье сердце» и «Доктор Зло и его команда» (рис. 2, 3, 4).

Рис. 2. Мем-пародия на плакат
«А ты записался добровольцем?»

Рис. 3. Кадр из фильма
«Собачье сердце»

Рис. 4. Кадр из фильма
«Доктор Зло и его команда»

Как показывает собранный корпус примеров, затрагивая тему здорового (или скорее, наоборот, нездорового) образа жизни, пользователи социальных сетей прибегают преимущественно к добродушному юмору, обозначая проблему, но не стремясь исправить существующее положение дел. Приведем несколько примеров (рис. 5, 6):

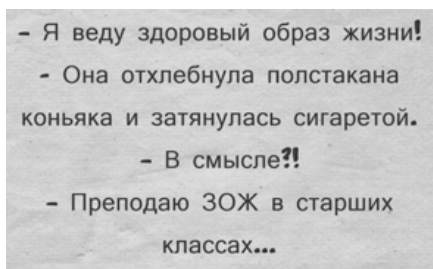

Рис. 5. «Преподаю ЗОЖ
в старших классах»

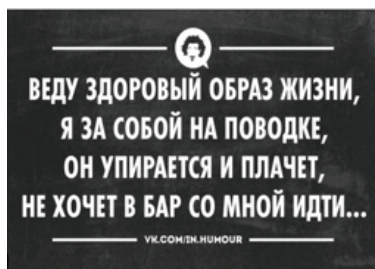

Рис. 6. «Веду здоровый
образ жизни...»

В этих примерах юмористический эффект основан на антанаклазисе: варианты конструкций, в которых употребляется глагол *вести* в своих различных значениях (*вести* здоровый образ жизни vs *вести* предмет в школе vs *вести* кого-то на поводке), активируют в памяти читателя несколько несовместимых между собой значений, связанных с разными видами деятельности, благодаря чему возникает бисоциация.

Бисоциация, или мысленная ассоциация референта с двумя отдельными областями, которые обычно рассматриваются как несвязанные, является ключевым понятием в теории юмора Артура Кестлера в его книге «Акт творения» [Koestler1964]. Эта работа является попыткой встроить многозначные единицы, включая юмор и образную речь, в более широкую теорию креативности.

Согласно Кестлеру, к фундаментальным формам креативности относятся юмор, открытие и искусство. Все эти явления основаны на бисоциации, т. е. специфической концептуальной двуплановости любого творческого акта. В случае юмора двуплановость возникает в результате комического столкновения или колебания между двумя системами отсчета, кодами или ассоциативными контекстами; в случае научного открытия возникает объективная аналогия; а в случае искусства создается образ. Приведет ли бисоциация к шутке, решению логической задачи или научному открытию, оригинальной метафоре, подтексту или трагическому переживанию, зависит от специфики ситуации, информации, которая хранится в памяти адресата, личного эмоционального состояния и имеющейся системы ценностей.

Главным достижением исследования Кестлера является сама идея бисоциации: по сути, это объяснение той универсальной роли, которую проекции между различными областями опыта играют в человеческом мышлении и коммуникации. Бисоциация

как способ творческого мышления и как механизм понимания сообщения, в котором активируется несколько несовместимых в обычной жизни смыслов, сопоставима с идеями, которые используются в современных теориях юмора, например в общей теории вербального юмора В. Раскина [Raskin 1985], семантических скачках или смещении фреймов Ш. Коулсон [Coulson 2001].

Бисоциация – один из основных механизмов создания юмора в интернет-мемах, посвященных (не)здоровому образу жизни. Благодаря одновременной активации различных значений слов здоровый образ жизни как социальная ценность становится мишенью юмора и подменяется его антиподом – нездоровым образом жизни. Так, на рис. 7 в тексте одновременно активируются значения омофонов *здоровый* и *здорово*, на рис. 8 слово *представлять* употребляется в значениях «*подумать*, *представить в своем воображении*» и «*знать о чем-либо, быть знакомым с чем-либо*», а на рис. 9 сталкиваются прямое и переносное значения конструкции *for good* – *навсегда* и *за все хорошее*:

- Ты же говорила, что ведёшь
здоровый образ жизни
- Ну, да
- Но у тебя в руке бокал с
винцом
- А разве это не здорово?!

А вы представляете,
как здорово не пить, не
курить, вести здоровый
образ жизни,
обливаться холодной
водой по утрам?
Вот и я не представляю

Рис. 7. «Разве это не здорово?»

Рис. 8. «Вот и я не представляю»

Рис. 9. Кадр из фильма «Доктор Зло и его команда»

Будучи мишенью для юмора, здоровый образ жизни может быть представлен как то, что мешает хорошо жить. В таких мемах юмористический эффект основан на логическом противоречии: нездоровый образ жизни представлен как такое положение вещей, которое доставляет удовольствие. Юмористический эффект порождается благодаря противоречию нашего знания о том, «как правильно», тому, что есть на самом деле (рис. 10, 11).

ПЕРЕЙДИТЕ С МЯСА НА ОВОЩИ, ОТКАЖИТЕСЬ ОТ АЛКОГОЛЯ, ПЕРЕСТАНЬТЕ ЕСТЬ ПОСЛЕ ШЕСТИ ВЕЧЕРА, И ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ВЫ ПОТЕРЯЕТЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ХОРОШИХ ДНЕЙ ЖИЗНИ

Рис. 10. «Перейдите с мяса на овощи»

РЕШИЛА ПЕРЕЙТИ НА ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ. ЧИСТИЛА МАНДАРИНКУ, А СОК КАК БРЫЗНЕТ МНЕ В ГЛАЗ! КОЛБАСА БЫ ТАКОГО НИКОГДА НЕ СДЕЛАЛА...

Рис. 11. «Колбаса бы такого никогда не сделала...»

Противостояние здоровому образу жизни связано, во-первых, с популярностью вредных привычек, которые являются частью повседневной жизни (например, употребление алкоголя), а во-вторых – с противостоянием официальной пропаганде, хотя она и направлена на продвижение социальной ценности. Поэтому пользователи либо комментируют пропаганду, либо создают тексты, являющиеся пародией на привычные призывы (рис. 12, 13):

ВСЕГО ЛИШЬ 26 ЛИТРОВ ПИВА ДОСТАТОЧНО ЧЕЛОВЕКУ ДЛЯ ПОКРЫТИЯ ДНЕВНОЙ ПОТРЕБНОСТИ В КАЛЬЦИЙ. ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ – ЭТО ТАК ПРОСТО.

Рис. 12. «Здоровое питание – это так просто»

**ГОСУДАРСТВО ХОЧЕТ, ЧТОБЫ МОЛОДЁЖЬ ВЕЛА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
ЛИТР СОКА – 70 РУБЛЕЙ
ЛИТР ПИВА – 50 РУБЛЕЙ
У МЕНЯ ВСЁ.**

Рис. 13. «У меня всё»

Интернет-мемы, посвященные нездоровому образу жизни, как правило, затрагивают две темы: питание и вредные привычки, причем зачастую эти две темы пересекаются (рис. 14):

Прекрасный, а главное
 работающий рецепт для борьбы
 с осенней хандрой: взять 1
 банан, 100 граммов шпината и 80
 граммов капусты...
 Выкинуть всё это нафиг!..
 И открыть бутылку вина.)))

Рис. 14. «Прекрасный рецепт»

Пристрастие к алкоголю наиболее часто становится темой юмористических комментариев, причем эта привычка не критикуется, а поддерживается пользователями сетей с помощью доброжелательного юмора (рис. 15).

Рис. 15. «Странно, что кажется невозможным выпить 8 стаканов воды в день, а вот 8 стаканов вина можно выпить за один прием пищи»

Невозможность достижения идеала, например, формирования привычек здорового образа жизни также становится мишенью юмористических мемов, которые оправдывают тех, кто не хочет придерживаться здорового образа жизни (рис. 16, 17).

Рис. 16. «Секрет и есть секрет»

– У тебя есть мечта?
 – Есть.
 – Какая?
 – Хочу похудеть.
 – Так похудей!
 – А как потом жить без мечты?

Рис. 17. «Как жить без мечты?»

Количество шуток, посвященных нездоровому образу жизни, резко возросло во время эпидемии коронавируса. Юмор стал естественной реакцией на резкое изменение образа жизни в условиях карантина. Распространение анекдотов и мемов, в которых затрагиваются темы употребления алкоголя или избыточного веса, позволяло снимать психологическое напряжение и одновременно объединяло людей в период самоизоляции (рис. 18, 19):

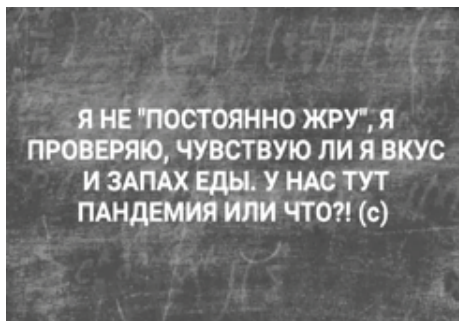

Рис. 18. «У нас тут пандемия или что?»

Рис. 19. «Алкоголь не спасает от коронавируса»

Отметим, что юмористический компонент дискурса ЗОЖ в виде интернет-мемов существует во многих культурах. Универсальной характеристикой такого юмора является то, что в мемах ценность ЗОЖ подвергается сомнению и оправдываются человеческие слабости. Самой популярной темой является употребление алкоголя (рис. 20).

Рис. 20. «Ни одна веселая история не начинается со стакана молока»

Представленные в данной работе мемы демонстрируют тенденцию к оспариванию социальной значимости здорового образа жизни, к его делегитимизации и параллельному детабуированию всего, что касается его противоположности – нездорового образа жизни.

Выводы

Интернет – основной контекст существования мемов, который позволяет не только распространять, но и трансформировать мемы в соответствии с текущей ситуацией. Анализ стратегий, используемых в институциональном и в бытовом дискурсах образа жизни, позволяет говорить о том, что в определенном смысле бытовой дискурс ЗОЖ противостоит институциональному, поскольку ценность ЗОЖ, пропагандируемая государством, в шутках и мемах

подвергается сомнению. Юмор становится не только оправданием распространенных вредных привычек, но в определенной степени и ответной реакцией на активную пропаганду привычек, связанных со здоровым образом жизни.

Шутки, посвященные (не)здоровому образу жизни, основаны на столкновении нормы и анти-нормы. Юмористический модус «отключает» другие эмоции и «отменяет» правильное морально-этическое отношение к нездоровому образу жизни и вредным привычкам.

Юмор используется как инструмент девальвации социальной ценности и одновременно оправдание человеческой слабости. Зачастую ироничное отношение к ЗОЖ выражается в шутках и мемах, в которых речь идет о чрезмерном употреблении пищи, пристрастии к алкоголю как о способах достижения счастья. Нездоровый образ жизни оправдывается трудностями современной жизни (стресс, пандемия и др.), а ЗОЖ представляется как нечто, не способствующее счастливой жизни, как отказ от привычных удовольствий и способов отдыха.

Литература

- Кузнецов 2022 – *Кузнецов И.С.* Мемы: Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. М.: Эксмо, 2022. 208 с.
- Семенова, Рубцова 2023 – *Семенова Н.В., Рубцова А.В.* «Суету навести охота!»: от мема к речевой практике // Русская речь. 2023. № 6. С. 52–62.
- Coulson 2001 – *Coulson S.* Semantic leaps. Frame-shifting and conceptual blending in meaning construction. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. XIII, 304 p.
- Dawkins 1976 – *Dawkins R.* The selfish gene. Oxford: Oxford University Press, 1976. 352 p.
- Encyclopedia of humor 2014 – *Encyclopedia of humor studies / ed. by S. Attardo.* Los Angeles; L.: SAGE, 2014. 986 p.
- Heinz 2018 – *Heinz S. et al.* Psychometric comparisons of benevolent and corrective humor across 22 countries. The virtue gap in humor goes international // *Frontiers in Psychology.* 2018. Vol. 9. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00092>.
- Koestler 1964 – *Koestler A.* The act of creation. L.: Hutchinson & Co., 1964. 751 p.
- Raskin 1985 – *Raskin V.* Semantic mechanisms of humor. Dordrecht: D. Riedel, 1985. 284 p.
- Ruch et al. 2018 – *Ruch W., Heinz S., Platt T., Wagner L., Proyer R.* Broadening humor. Comic styles differentially tap into temperament, character, and ability // *Frontiers in Psychology.* 2018. Vol. 9. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00006>.

References

- Attardo, S., ed. (2014), *Encyclopedia of humor studies*, SAGE, Los Angeles, USA, London, UK.
- Coulson, S. (2001), *Semantic leaps. Frame-shifting and conceptual blending in meaning construction*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Dawkins, R. (1976), *The selfish gene*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Heintz, S. et al. (2018), “Psychometric comparisons of benevolent and corrective humor across 22 countries. The virtue gap in humor goes international”, *Frontiers in Psychology*, vol. 9, pp. 1–19, DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00092>.
- Koestler, A. (1964), *The act of creation*, Hutchinson & Co, London, UK.
- Kuznetsov, I.S. (2022), *Мемы: Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир* [Memes. A scientific approach to the pop culture phenomenon which has conquered the world], Eksmo, Moscow, Russia.
- Raskin, V. (1985), *Semantic mechanisms of humor*, D. Riedel, Dordrecht, Netherlands.
- Ruch, W., Heintz, S., Platt, T., Wagner, L. and Proyer, R. (2018), “Broadening humor. Comic styles differentially tap into temperament, character, and ability”, *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9, pp. 1–18, DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00006>.
- Semenova, N.V., Rubtsova A.V. (2023), “‘Suetu navesti okhota!’ (I want to make a fuss): from the meme to everyday speech”, *Russkaya rech'*, no. 6, pp. 52–62.

Информация об авторе

Ксения М. Шилихина, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; 394018, Россия, Воронеж, Университетская пл., д. 1; shilikhina@rgph.vsu.ru

Information about the author

Ksenia I. Shilikhina, Dr. of Sci. (Philology), Voronezh State University, Voronezh, Russia; 1, Universitetskaya Sq., Voronezh, Russia, 394018; shilikhina@rgph.vsu.ru

Стилистическое измерение формальности
в политическом дискурсе
(на материале корпуса речей президентов США)

Евгений В. Насильников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nevad-vlsu@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию жанровой классификации и степени формальности речей президентов США. Основной целью исследования является выявление конвенциональных жанровых структур в политическом дискурсе и их устойчивости к стилистическим вариациям. В качестве гипотезы выдвигается предположение, что измерение формальности может служить надежным показателем для разграничения жанров внутри политического дискурса. Методология исследования основывается на частеречной разметке текстов с использованием инструмента “Stanford Part of Speech Tagger” и дальнейшей квантификации формальности согласно работам F.P. Heylighen и J.-M. Dewaele. Показатель формальности исчисляется на основе соотношения недейктических и дейктических категорий слов в тексте. Корпус исследования составляет 267 текстов, взятых из архива проекта “The American Presidency Project” Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, США. Из того же источника берется информация о конвенциональной жанровой принадлежности текстов. Результаты исследования демонстрируют значительное различие между жанрами “Remarks” и “Address”. Поскольку метод квантификации формальности позволяет эффективно оппонировать традиционным классификациям, основанным на тематико-содержательных критериях, анализ также выявил неэксплицированные жанровые инновации, например “Weekly Conversation” Джо Байдена. Глобальной тенденции к снижению/повышению формальности дискурса обнаружено не было. Полученные данные подтверждают наличие вариативности в президентском дискурсе и позволяют глубже понять границы жанров и их изменчивость.

Ключевые слова: президентский дискурс, речевой жанр, формальность, частеречная разметка, стилистическая вариативность

Для цитирования: Насильников Е.В. Стилистическое измерение формальности в политическом дискурсе (на материале корпуса речей президентов США) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 119–131. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-119-131

The stylistic dimension of formality in political discourse (based on the corpus of speeches by U.S. presidents)

Evgenii V. Nasilnikov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nevad-ulsu@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the study of genre classification and the degree of formality of U.S. presidential speeches. The main purpose of the study is to identify conventional genre structures in political discourse and their resilience to stylistic variations. As a hypothesis, it is suggested that the measurement of formality can serve as a reliable indicator for distinguishing genres within political discourse. The research methodology is based on the parts of speech markup of texts using the Stanford Part of Speech Tagger tool and further quantification of formality according to the works of F.P. Heylighen and J.-M. Dewaele. The formality index is calculated based on the ratio of non-deictic and deictic categories of words in the text. The corpus of the study consists of 267 texts taken from the archive of the project “The American Presidency Project” of the University of California at Santa Barbara, USA. Information on the conventional genre of texts is taken from the same source. The results of the study demonstrate a significant difference between the genres of “Remarks” and “Address”. Since the method of quantification of formality makes it possible to effectively oppose traditional classifications based on thematic and substantive criteria, the analysis also revealed unexpressed genre innovations, for example, Joe Biden’s “Weekly Conversation”. There was no global trend towards a decrease/increase in the formality of discourse. The data findings confirm the presence of variability in the presidential discourse and allow a deeper understanding of the boundaries of genres and their variability.

Keywords: presidential discourse, speech genre, formality, part-of-speech tagging, stylistic variability

For citation: Nasilnikov, E.V. (2024), “The stylistic dimension of formality in political discourse (based on the corpus of speeches by U.S. presidents)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 119–131, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-119-131

В так называемом обыденном языке мы распознаем политические выступления самого разного рода как «официальные», формальные случаи коммуникации [Wittgenstein 1953, p. 116]. Если верно, что президентству соответствует набор формальных коммуникативных ситуаций, то верно и то, что эти ситуации будут отражены в языке среди прочих семиотических систем – Э. Бенвенист отметил, что язык – это означающая деятельность по преимуществу [Mosès 2000, p. 509].

Если с системой дресс-кода или нормами этики в конкретной ситуации в культуре может успешно работать общая семиотика, то с перипетиями языка формальной политической коммуникации уже приходится работать лингвистическому дискурс-анализу [Зенкин 2003, с. 10]. В процессе разработки понятия формального дискурса и сопутствующих ему понятий формального регистра и языковых средств передачи формальности/неформальности появляются разногласия среди исследователей. Причиной разногласий можно считать попытку исследователей обосновать формальность через разные сферы дискурса (провести процедуру «граундинга») [Langacker 2008, p. 259]. Оценки формальности в целом обращены к научному дискурсу, но это не значит, что исследованные на таком материале параметры формальности неприменимы к политическому дискурсу. Некоторые особенности (приоритет пассивных конструкций, способы выражения авторской позиции без использования местоимений) действительно свойственны преимущественно научному дискурсу. Другие же, более общие параметры, которые указывают на «сложность/простоту» исследуемых материалов, позволяют сопоставить тексты на разных языках, из самых разных сфер деятельности [Heylighen, Dewaele 1999]. Квантификация этих параметров возможна и даже приоритетна в исследованиях. Один из основателей социолингвистики, У. Лабов, отмечал, что «квантификация стилистического измерения» (“quantification of the dimension of style”) является принципиальным вопросом, краеугольным камнем дисциплины [Labov 1972, p. 245]. Используемый в данном исследовании метод квантификации формальности, предложенный кибернетиком Ф.Р. Heylighen и лингвистом J.-M. Dewaele, концентрируется на эмпирике – на частоте употребления классов слов (“word classes”) в частеречном анализе [Heylighen, Dewaele 1999]. Ученые отметили, что количество слов определенных классов может коррелировать с восприятием носителями языка какой-либо речи в качестве формальной/неформальной. Используя подсчет параметра формальности, можно показать, как конвенциональная жанровая структура в политическом дискурсе способна к изменению, и указать, насколько формальные жанровые рамки «устойчи-

вы» к стилистической вариации в речи индивида, в нашем случае какого-либо президента США.

Методология исчисления параметра формальности

Мы пользуемся синтаксической аннотацией проекта по частеречной разметке “Stanford POS Tagger” и принимаем следующие обозначения, представленные в руководстве по использованию банка синтаксических деревьев “Penn Treebank Project” (табл. 1).

Таблица 1

List of tags with corresponding part of speech¹

CC	Coordinating conjunction
CD	Cardinal number
DT	Determiner
EX	Existential there
FW	Foreign word
IN	Preposition/subordinating conjunction
JJ	Adjective
JJR	Adjective, comparative
JJS	Adjective, superlative
LS	List item marker
MD	Modal verb
NN	Noun, singular/mass
NNS	Noun, plural
NNP	Proper noun, singular
NNPS	Proper noun, plural
PDT	Predeterminer
POS	Possessive ending
PRP	Personal pronoun
PRP\$	Possessive pronoun

¹ *Santorini B.* Part-of-speech tagging guidelines for the Penn Treebank project. 3rd revision. 2nd printing. 1990. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/docs/LDC99T42/tagguid1.pdf> (дата обращения 12.11.2024).

Окончание табл. 1

RB	Adverb
RBR	Adverb, comparative
RBS	Adverb, superlative
RP	Particle
SYM	Symbol
TO	to
UH	Interjection
VB	Verb, base form
VBD	Verb, past tense
VBG	Verb, gerund or present participle
VBN	Verb, past participle
VBP	Verb, non-3rd person singular present
VBZ	Verb, 3rd person singular present
WDT	Wh-determiner
WP	Possessive wh-pronoun
WP\$	Wh-pronoun
WRB	Wh-adverb

Перейдем к параметрам, согласно которым мы будем оценивать формальность исследуемых текстов. Параметру недейктивности соответствует недейктическая категория слов (*non-deictic category of words*) – существительное, прилагательное, предлог, артикль – чем больше этих «формальных» слов в тексте, тем более высоким будет показатель формальности. Параметру дейктивности соответствует дейктическая категория слов (*deictic category of words*) – местоимение, глагол, наречие, междометие – чем их больше, тем ниже показатель формальности, т. е. они более характерны для неформальной речи. Параметру нейтральности соответствует категория слов, не влияющих на показатель формальности – союз.

F. Heylighen и J.-M. Dewaele полагают, что эти параметры должны легко применяться к большим массивам языковых данных, не требуя специальных правил для учета тонкостей или исключений, связанных с конкретным языком или ситуацией [Heylighen, Dewaele 1999]. Конечно, это обобщение, которое нам придется разворачивать для работы с автоматической частеречной разметкой, в рамках которой различается 36 тегов для частей речи. Представим категории слов и соответствующие им теги в качестве множеств:

1. *Недейктическая категория слов* = {NN, NNS, NNP, NNPS, JJ, JJR, JJS, IN, DT, PDT}.

2. *Дейктическая категория слов* = {PRP, PRP\$, WP\$, WP, WRB, WDT, VB, VBD, VBG, VBN, VBP, VBZ, MD, RB, RBR, RBS, UH}.

3. *Нейтральная категория слов* = {CC, POS, SYM, RP, TO, EX, LS, CD}.

Перейдем к самому параметру формальности (F-score). Согласно формуле, мы складываем все частоты классов из недейктической категории слов, затем вычитаем все частоты классов из дейктической категории слов и нормализуем показатель к сотне (чтобы представлять данные на шкале от 0 до 100%). В данном исследовании усложненная формула будет выглядеть следующим образом:

$$F = (\text{NN} + \text{NNS} + \text{NNP} + \text{NNPS} + \text{JJ} + \text{JJR} + \text{JJS} + \text{IN} + \text{DT} + \text{PDT} - \text{PRP} - \text{PRP\$} - \text{WP\$} - \text{WP} - \text{WRB} - \text{WDT} - \text{VB} - \text{VBD} - \text{VBG} - \text{VBN} - \text{VBP} - \text{VBZ} - \text{MD} - \text{RB} - \text{RBR} - \text{RBS} - \text{UH} + 100)/2.$$

Итоговые значения параметра формальности

Представленная нами жанровая классификация базируется на конвенционально принятом разделении жанров и переосмысливается благодаря измерению параметра формальности. В этом заключается наш способ решения главного вопроса теории речевых жанров о таксономии: в основу классификации кладется конвенциональный критерий, а метод исследования скорее предполагает оппонирование классификациям, которые выделяются по тематико-содержательному критерию.

Согласно этим данным мы предполагаем, что различие жанров “Remarks” и “Address” действительно можно описать через измерение формальности. Стоит указать, что разница средних показателей между самым «формальным» поджанром “Address” – “Inaugural Address” – и жанром “Remarks” составляет 8%. Это достаточно большой разрыв для речей в рамках одного профессионального дискурса. Например, приблизительно такой же разрыв наблюдался между показателями для семейных журналов (58,2%) и научной литературы (65,7%) в исследовании Uit den Voogaert на материале нидерландского языка, а также между показателями для заготовленных устных речей (50%) и письменной речи (58%) в исследовании на материале английского языка [Uit den Voogaert 1975]. Как минимум, полученные данные доказывают вариативность президентского дискурса. Далее нам предстоит ответить на более глубокий вопрос о природе этой вариативности и границах жанров.

Таблица 2

Средний показатель F для исследуемых жанров
и среднее количество слов
(курсивом выделены «оппонирующие» жанры)

Жанр	F, %	Среднее количество слов
Weekly Conversations (Biden)	48,16	228
Remarks	54,05	2549
Address (other)	56,20	4783
Weekly presidential address	59,83	621
<i>Weekly democratic address</i>	60,41	688
Farewell address	60,65	4030
<i>Weekly republican address</i>	62,18	762
Inaugural address	62,38	2518

Разница между “Remarks” и “Address”

Президенты выбирают приоритетные жанры, меняют жанровые конвенции или даже отказываются от некоторых жанров (в пользу других, как мы покажем ниже), чтобы навязать жанровой системе новые границы, перестроить ее под свои нужды. Система жанров президентского дискурса достаточно сформирована, чтобы такие флуктуации не происходили постоянно и не вводили в заблуждение публику, других участников коммуникации. Более того, эта система заранее устойчива к изменениям, потому что в ней учреждены некоторые свободные жанры, такие как “Remarks” – жанр, который не конституируется предполагаемым адресатом, содержанием и контекстом.

Речевые акты президента обычно весьма точно отмечены в названиях речей – так выполняется функция номинации речевых интенций коммуниканта [Галлямова 2010, с. 16]. Многие речи президента носят названия, принятые в теории речевых актов – например, приказ (Order) и само обращение (Address). Акт обращения осуществляет аппеллятивную функцию, выражаясь в терминологии теории речевых актов. Обращение по сути является речевым актом, который вынесен в название: многие из таких текстов начинаются с грамматического обращения – независимого и интонационно обособленного компонента предложения².

² Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Эдиториал УРСС, 2004. С. 328.

У “Remarks” такой явной функции нет. Жанровое название “Remarks” может обозначать, например, что президенту принадлежит не первый коммуникативный ход – он отвечает на что-то и т. д.

В свою очередь, название “Address” – это отражение «стартового» речевого акта, которое не обязывает соблюдать какие-либо особые правила коммуникации, кроме соблюдения обращения к постоянному адресату – к Конгрессу, к нации и т. д. Поджанры с наиболее высоким показателем формальности дополнительно предполагают значительное ограничение по тематике выступления – инаугурация и прощание для “Inaugural address” и “Farewell address” соответственно.

Речи в жанре “Remarks” лишены ограничения по соблюдению постоянного адресата. Даже названия речей в этом жанре сильно зависят от конкретной ситуации – от вопросов журналистов, от текущей политической повестки дня и даже от непосредственного желания президента отвечать/не отвечать (некоторые вопросы приводятся в транскрипциях речей, несмотря на то что в реальной ситуации коммуникации они остались без внимания президента).

Анализ параметра F на материале поджанров “Farewell address” и “Inaugural address” можно считать исчерпывающим – на данный момент измерение формальности для них строго зафиксировано. На срок в 4 года они становятся «мертвыми жанрами». Анализ других поджанров в нашем исследовании сконцентрирован на президентствах XXI в. Можно предположить, что при увеличении количества анализируемых текстов показатели F будут выравниваться следующим образом: будет увеличиваться разрыв между жанрами “Remarks” и “Address”, а показатели поджанров “Address” будут сближаться. Однако, построив графики по принципу $x = \text{речь}$ (по временной оси), $y = \text{показатель F}$, мы обнаружили, что не существует универсальной и четко определенной тенденции к снижению формальности или ее повышению. Только в поджанре “Inaugural address” было обнаружено относительно стабильное снижение показателя формальности, начиная с инаугурационного обращения Ф.Д. Рузвельта в 1933 г.

По этим примерам мы можем понять, что классификационная конвенция работает успешно. Выделение двух экстремумов на шкале формальности действительно очевидно и доказательно. Снизу на шкале от 0 до 100% находятся наиболее неопределенные жанры, самые содержательно и формально свободные. Сверху же расположились самые детерминированные жанры, наиболее представительные речи.

Жанровая инновация: Weekly Conversation

Теперь обратим внимание на потенциальные инновации, которые вносятся президентами в рамках жанровой ограниченности. Мы стараемся найти структурные различия, не отраженные в конвенциональной таксономии.

Джо Байден, например, на посту президента (на момент создания данной работы) не выступает с речами в жанре “Weekly address”, в то время как корпус еженедельных обращений Д. Трампа насчитывает более 40 речей, Б. Обамы – более 200. Джо Байден изменил этот вектор, внося некоторую инновацию, как минимум, создав новое название – “Weekly Conversation” («Еженедельные беседы»; перевод наш. – *Е. Н.*). В большинстве случаев это видеофрагменты, созданные с применением монтажа и разных техник кинорежиссуры. Конечно, даже такое усложнение формата еженедельного обращения может быть подвержено анализу формальности, однако принцип конвенциональной идентификации жанра, который мы обозначили выше, не позволяет отнести эти выступления к корпусу текстов в жанре “Address” или “Remarks”.

«Еженедельные беседы» Джо Байдена выбиваются из жанровых ограничений обращений (“Addresses”) и «от обратного» демонстрируют, что определенная жанровая классификация президентской речи существует и что границы жанров устанавливаются преимущественно традицией, а не исходя из содержания речи. Более того, границы жанров президентской речи предполагают некоторую предсказуемость: «Еженедельные беседы» Джо Байдена представляются продолжением традиции, несмотря на почти полное изменение формата. Единственным общим звеном между ними и еженедельными обращениями предыдущих президентов является частота – выступление раз в неделю (что на данный момент не соблюдается). Вариативность жанров президентской речи и сложность их идентификации по любым параметрам доказываются как раз этим случаем.

Существует всего 13 «Еженедельных бесед» с непосредственным участием Джо Байдена. Средний показатель формальности для этих текстов составляет 48,16% – эта отметка находится ближе всего к показателям, которые выдают устные тексты, согласно исследованиям, предшествующим нашему. Так, по указанному выше исследованию Uit den Voogaert показатель формальности для устной речи человека с ученой степенью составляет 44%. На повышение показателя формальности по сравнению с обычной устной речью в случае «Еженедельных бесед», по всей видимости, повлияли факторы тематического ограничения и этикетных норм. Так или

иначе, следует обозначить смену вектора, которую принимает Джо Байден по сравнению с предшественниками на посту президента, когда отказывается от традиционной формы еженедельного обращения.

Также среднее количество слов, принадлежащих президенту в «Еженедельных беседах», меньше, чем в любом из анализируемых жанров. Даже относительно короткие еженедельные обращения президентов до Джо Байдена длиннее в среднем более чем в 2,5 раза. Это пример политической спекуляции на жанровых ограничениях. Тем более если учитывать, что «Еженедельные беседы» позиционируются (и воспринимаются в прессе) в качестве продолжения традиции еженедельных обращений³.

«Оппонирующие» жанры

Обращение “Weekly Democratic Address” или “Weekly Republican Address” произносит представитель Демократической либо Республиканской партии США в обратной зависимости от партийной принадлежности президента. Так, система жанров усложняется тем фактом, что существует то, что можно было бы назвать «оппонирующими жанрами» – жанрами ответных речей, повторяющих структуру оригинальных речей.

Речи “Weekly Democratic Address” и “Weekly Republican Address” в среднем длиннее, чем президентские еженедельные обращения, и более формальны. В сравнении с речами президентского дискурса эти обращения устроены сложнее, ведь они предполагают более развернутую дескрипцию, характеризующую автора речи. В случае с этими обращениями адресанты представляются по имени, называют свою должность.

Заключение

Теперь мы имеем представление о том, как инновация в президентском дискурсе меняет политический дискурс в целом. Новая разновидность “Address” – “Weekly Conversation” – не просто

³ Пресс-конференция пресс-секретаря Дж. Псаки и члена Совета экономических советников Дж. Бернштейна – 5 февраля 2021 г. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/02/05/press-briefing-by-press-secretary-jen-psaki-and-council-of-economic-advisers-member-jared-bernstein-february-5-2021> (дата обращения 31.01.2024).

радикально меняет жанровую конвенцию, но и ликвидирует симметричный ответ на еженедельное обращение. Собственно говоря, существует только 3 речи “Weekly Republican Address” за все время президентского правления Джо Байдена, все они датируются 2021 годом.

В существующей жанровой системе инновация организации речи (на примере “Weekly Conversation”), по всей видимости, независима от ее смыслового содержания. Проще говоря, субъект речи свободен от ее собственной воле устанавливать жанровые границы в данной системе жанров формальной речи. Его не сдерживают ни требования содержания, ни уже существующая традиция. Однако проследить изменения и дискурсивные стратегии, инициированные субъектом речи, возможно методами количественного анализа даже в случае постоянно пополняющегося корпуса текстов.

Так, компьютерный лингвист К.Д. Мэннинг утверждает, что, хотя точность автоматической частеречной разметки для отдельных токенов достигает 97% и потенциально может достигать результата близкого к 100%, точность разметки в предложении меньше, поскольку даже одна ошибка разметки может породить череду ошибок в синтаксическом анализе предложения [Manning 2011, p. 187].

Тем не менее Мэннинг полагает, что программы разметки явно превосходят производительность человека при выполнении задач [Manning 2011, p. 187]. Это значит, что при обработке массивных данных (а президенты США выступают с речами в жанре “Remarks” практически ежедневно) наиболее продуктивными являются именно автоматизированные средства лингвистического анализа, способные приводить нас к выводам о структурном стилистическом единстве речи или даже речевого жанра. Исчисление показателя формальности позволило нам продемонстрировать место нового, недостаточно исследованного и объясненного даже самими политическими акторами жанра в существующей системе жанров президентского дискурса.

Литература

- Галлямова 2010 – *Галлямова Н.Ш.* Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // *Язык и культура*. 2010. № 3 (11). С. 16–33.
- Зенкин 2003 – *Зенкин С.* Ролан Барт и семиологический проект // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003. С. 10–21.

- Heylighen, Dewaele 1999 – *Heylighen F., Dewaele J.-M.* Formality of language. Definition and measurement. URL: <http://pcp.vub.ac.be/Papers/Formality.html> (дата обращения 12.09.2024).
- Labov 1972 – *Labov W.* Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 372 p.
- Langacker 2008 – *Langacker R.W.* Cognitive grammar. A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.
- Manning 2011 – *Manning C.D.* Part-of-speech tagging from 97% to 100%. Is it time for some linguistics? // Computational linguistics and intelligent text processing. 12th International Conference, Tokyo, Japan, February 20–26 / ed. by A. Gelbukh. Tokyo, 2011. P. 171–189.
- Mosès 2000 – *Mosès S.* Émile Benveniste et la linguistique du dialogue // Revue de métaphysique et de morale. 2000. Vol. 32. No. 4. P. 509–525.
- Uit Den Boogaert 1975 – *Uit Den Boogaert P.C.* Woordfrekwenties in geschreven en gesproken Nederlands. Utrecht: Oosthoek, Scheltema & Holkema, 1975. 471 p.
- Wittgenstein 1953 – *Wittgenstein L.* Philosophical investigations. Oxford, 1953. X, 232 p.

References

- Gallyamova, N.Sh. (2010), “Speech act ‘promise, oath’ in the Russian linguistic picture of the world. Linguacultural, functional and pragmatic aspects”, *Yazyk i kultura*, vol. 11, no. 3, pp. 16–33.
- Zenkin, S. (2003), “Roland Barthes and the semiological project”, in Bart, R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The fashion system. Articles on the semiotics of culture], Izdatel'stvo Sabashnikovykh, Moscow, Russia, pp. 10–21.
- Heylighen, F. and Dewaele, J.-M. (1999), *Formality of language. Definition and measurement*, available at: <http://pcp.vub.ac.be/Papers/Formality.html> (Accessed 12 Sept. 2024).
- Labov, W. (1972), *Sociolinguistic patterns*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.
- Langacker, R.W. (2008), *Cognitive grammar. A basic introduction*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Manning, C.D. (2011), “Part-of-speech tagging from 97 to 100%. Is it time for some linguistics?”, in Gelbukh, A., ed., *Computational linguistics and intelligent text processing. 12th International Conference*, Tokyo, Japan, February 20–26, Tokyo, Japan, pp. 171–189.
- Mosès, S. (2000), “Émile Benveniste et la linguistique du dialogue”, *Revue de métaphysique et de morale*, vol. 32, no. 4, pp. 509–525.
- Uit Den Boogaert, P.C. (1975), *Woordfrekwenties in geschreven en gesproken Nederlands*, Oosthoek, Scheltema & Holkema, Utrecht, Netherlands.
- Wittgenstein, L. (1953), *Philosophical investigations*, Oxford, UK.

Информация об авторе

Евгений В. Насильников, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nevad-vlsu@yandex.ru

Information about the author

Evgenii V. Nasilnikov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nevad-vlsu@yandex.ru

УДК 81'1:32

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-132-142

Исследование фреймирования парламентской риторики методами машинного анализа

Антон А. Ниязов

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск, Россия, a.niyazov@g.nsu.ru*

Аннотация. Исследование политического дискурса, а также риторики политиков – область знаний, стоящая на стыке лингвистики и политологии. Наше исследование строится на базе критического дискурс-анализа, который реализован с помощью методов обработки естественных языков компьютерными программами, в частности искусственным интеллектом (с помощью создания словаря-конкорданса, использования методов дистрибутивной семантики, поиска слов-ассоциатов и частотных словарей). Цель работы заключается в выявлении особых для дискурса риторических конструктов, применяемых на практике депутатами Государственной думы для создания особой повестки. Исследование проводилось на материале стенограмм всех заседаний Государственной думы Российской Федерации VII и VIII созывов (с 2016 по 2022 г.). Актуальность исследования связана с попыткой использовать новейшие технологии в описании дискурса. Результаты исследования представлены в виде характеристики речевых конструктов, выявления отношения депутатов к наиболее значимым темам и обозначения ментальных конструктов, которые выражают депутаты Государственной думы.

Ключевые слова: парламентский дискурс, машинное обучение, политическая лингвистика

Для цитирования: Ниязов А.А. Исследование фреймирования парламентской риторики методами машинного анализа // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 132–142. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-132-142

© Ниязов А.А., 2024

Study of framing of parliamentary rhetoric using machine analysis methods

Anton A. Niyazov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,

a.niyazov@g.nsu.ru

Abstract. The study of political discourse, as well as the rhetoric of politicians, is a field of knowledge standing at the intersection of linguistics and political science. Our research is based on the critical discourse analysis, which is realized with the help of methods of natural language processing by computer programs, in particular by artificial intelligence (by creating a concordance dictionary, using the methods of distributive semantics, searching for word-associates and frequency dictionaries). The aim of the work is to identify the rhetorical constructs special for the discourse, used in practice by the State Duma deputies to create a special agenda. The study was conducted on the material of transcripts for all sessions of the State Duma of the Russian Federation of the 7th and 8th convocations (from 2016 to 2022). The relevance of the study is related to the attempt in applying the latest technologies in the description of discourse. The results of the study are presented in the form of describing the characterization of speech constructs, identifying the deputies' attitudes towards the topics and outlining the mental constructs expressed by the State Duma deputies.

Keywords: parliamentary discourse, machine learning, political linguistics

For citation: Niyazov, A.A. (2024), "Study of framing of parliamentary rhetoric using machine analysis methods", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 132–142, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-132-142

Введение

Изучение политического дискурса – широкая область науки, включающая в себя разнообразные подходы к созданию методологии исследований. Речевое поведение человека в политике представлено сложным, многогранным явлением, которое можно исследовать методами политической лингвистики, молодой области знаний, стоящей на стыке нескольких наук, в первую очередь лингвистики и политологии. Огромный вклад в изучение политической лингвистики в России внес А.П. Чудинов [Теория и методика 2016], занимающийся изучением дискурса политической лингвистики и метафорикой в политической коммуникации.

Значение его работ для лингвистического анализа основополагающее, поскольку в них очерчиваются границы политической лингвистики как науки. Авторы монографии «Теория и методика лингвистического анализа политического текста» А.П. Чудинов, Е.В. Дзюба, Н.Б. Руженцева, Н.Н. Кошкарлова, О.А. Солопова, О.Н. Кондратьева, И.С. Пирожкова, М.В. Никифорова описывают политическую речь с точки зрения методологии классической лингвистики [Теория и методика 2016]. В лингвистических науках изучение дискурса не заканчивалось только его общей характеристикой. Исследования в области стратегий [Руженцева 2018], метафоры [Поэтика и политика 1999], особенностей языка в целом [Паршина 2007; Караулов 2014] дают почву для внешнего анализа дискурса. Попытки проникнуть внутрь дискурса и понять, как именно ментальные конструкты выражаются в тексте, также были объектом исследования [Куокса 2021; Смиренский 2000]. Сейчас же техника и технологии, в частности искусственный интеллект и компьютерные мощности, позволяют использовать методы Natural Language Processing (NLP) – обработки текстов на естественном языке [Ниязов 2023, с. 31]. Такие исследования позволяют в первую очередь работать с большими массивами данных, тогда как при ручном анализе текстов некоторые задачи могут быть просто невыполнимыми.

Наше исследование базируется на материале текстов парламентского дискурса как отдельного вида политического дискурса и посвящено исследованию характеристики речевых особенностей депутатов Государственной думы. Эмпирическая база исследования включает в себя стенограммы всех заседаний Государственной думы Российской Федерации VII и VIII созывов (с 2016 по 2022 г.). Объем текстов составил 397 стенограмм заседаний (177 111 280 байт, что является аналогом около полумиллиона страниц текста). В связи с большим объемом эмпирической базы и были выбраны компьютерные методы обработки текста.

Концептуализация в политической речи

В речи политиков можно выделить ряд лингвистических механизмов. Используются языковые средства, чтобы сформулировать вопросы определенным образом и представить их аудитории. Тщательно подобранные изобразительно-выразительные средства являются мощными инструментами формирования ментальных репрезентаций. Так, например, нами были выявлены постоянно используемые в дискурсе когнитивные конструкты *историческая*

миссия, особый путь, великая Россия. Для проведения анализа была использована модель поиска частотных словосочетаний (модель adjective + noun). Эти словосочетания многократно встречались в дискурсе, что дает нам особое представление об отношении депутатов к стране как уникальной, занимающей особое место в мировой истории.

Если говорить об использовании особых речевых конструктов как способе подачи информации с целью повлиять на восприятие аудитории того или иного вопроса или события, то можно предположить, что он широко используется в политическом дискурсе для формирования общественного мнения. Например, большинство депутатов часто представляют политические протесты и оппозиционные группы в негативном свете, описывая их как угрозу стабильности и безопасности России. Протестующих называют *экстремистами* или *радикалами*, пытающимися дестабилизировать государство: *Скажите, что у вас другая позиция, это пожалуйста, но быть экстремистом, быть радикалом, – так нельзя!* При таком подходе государство изображается как защитник общественного блага.

Инструменты анализа объектов дискурса публичной речи

В качестве основных инструментов анализа дискурса были выбраны инструменты, созданные на языке программирования Python 3.0. Это инструменты составления поисковых запросов с возможностью привязки к таймлайну, словаря-конкорданса, а также слов-ассоциатов, которые вычленились искусственным интеллектом, обученным с помощью библиотеки Natasha¹.

Словарь-конкорданс – это сборник слов, фраз и выражений, встречающихся в каком-либо тексте, вместе с указанием мест, где они встречаются [Доминикан 2016, с. 85]. Такие словари обычно применяются для анализа текста и изучения его содержания, стиля и языковых особенностей. Они помогают исследователям быстро найти нужные слова и фразы в тексте и сделать выводы о том, как они используются автором. Словари-конкордансы доступны в печатном и электронном виде и часто применяются в лингвистике, литературоведении и других областях гуманитарных наук.

¹ Проект Natasha – набор Python-библиотек для обработки текстов на естественном русском языке. URL: <https://natasha.github.io> (дата обращения 30.11.2022).

Словарь-конкорданс был создан на базе программных мощностей PolyAnalyst.

Семантические ассоциаты – это слова, которые в рамках дискурса ассоциируются с определенными понятиями. В нашей работе мы обращаемся к современному компьютеризированному методу дистрибутивной семантики, которые используются для нахождения семантической близости между словами путем анализа контекста. Эти методы основаны на идее, что близкие слова встречаются в похожих контекстах, то есть имеют сходное лексическое окружение. В нашей работе мы использовали модель Word2Vec, созданную на базе нейронных сетей. Модель была обучена на собрании стенограмм заседаний Государственной думы.

Результаты использования инструментов анализа

Рассмотрим и прокомментируем некоторые примеры из словаря-конкорданса.

Лемма *держава* упоминается в стенограммах 255 раз. Самые частотные коллокации встречаются вместе с леммами *великий* (58), *мировой* (21), *ведущий* (15), *ядерный* (10), *спортивный* (8), *космический* (7). Во избежание употребления леммы применительно к другим странам контексты словаря-конкорданса «вручную» были проанализированы, что позволяет утверждать, что все эти определения должны характеризовать Россию как лидера по различным отраслям – «страна-форвард».

Идентичность и *идеология* связаны с леммами *национальный* и *государственный*, *законопроект*, *левый*. Интересно, что *идентичность* – вопрос государственной политики, а не личного самоопределения, определения собственного места в мире. *Патриот* и *патриотизм* же, в свою очередь, могут быть исключительно *настоящим* или *истинным*.

Насилие при этом связано исключительно с физическим аспектом: *домашний*, *сексуальный*, *семейный*, *физический*.

Особого внимания в речи депутатов удостоилась лемма *задача*, входящая в корпус 7054 раза, которая всегда занимает первостепенное место с леммами *важный* (324), *главный* (303), *основной* (238), *стратегический* (103), *ключевой* (85) и др. (в порядке убывания по частоте встречаемости в модели adjective + noun).

Лемма *защита* зачастую адресуется некоему субъекту, имея большую сочетаемость с существительным в родительном падеже: *адресный*, *безопасность*, *бизнес*, *государство*, *гражданин*, *данные*,

животное, жизнь, здоровье, имущество, инвалид, инвестиция, интерес, информация, леса, лицо, материнство, мир и др.

На основании анализа словаря-конкорданса можно описать закономерности использования тех или иных слов не только в риторике, но и в ментальных конструктах, которые выражаются с помощью устоявшихся сочетаний слов.

Другим важным инструментом в анализе дискурса стало составление семантических ассоциатов, которые мы вычленили благодаря другому программному продукту, который создали сами. Приведем таблицу некоторых семантических ассоциатов, выявленных в связи с тематикой дискурса.

Таблица

Слова-ассоциаты

Запрос	Слова-ассоциаты
Демократия	демократический, многопартийный, многопартийность, самодержавие, диктатура, господствовать, тоталитарный, единство, либерализм, торжество
Пенсия	пенсионер, старость, выплата, накопительный, взнос, заработок, индексация, тень, стаж, балл
Здравоохранение	финансы, наука, культура, просвещение, внебюджетный, оборона, информатизация, социальный, спорт, бюджетный
Бедность	нищета, рождаемость, безработица, среднемировой, алкоголизация, смертность, бедный, наркоманизация, относительный, инфляция
Безработица	заболеваемость, рождаемость, смертность, неуклонный, бедность, разрыв, неуклонно, ковид, предпенсионер, нищета
Нация	духовный, христианский, секта, полноправный, солидарность, антифашистский, устой, торжество, духовно-нравственный, православие
Православие	христианский, оплот, святыня, национализм, религия, величие, христианство, сплочение, могучий, народность
Идентичность	самосознание, государственность, достояние, святыня, величие, гордость, монгольский, цивилизация, мощь, народность
Народ	родина, многонациональный, воин, правопреемница, христианин, олимпиец, приумножение, братский, правитель, серб
Интернет	мессенджер, toг, информационно-телекоммуникационный, контент, фейковый, филиальный, кабельный, youtube, telegram, маршрутный

Особенно интересно проанализировать совпадающие семантические ассоциаты при разных запросах. *Народ – христианин, православный – христианин, нация – христианский, идентичность – святыня, православие – святыня.*

Реализация ментальных репрезентаций в риторике политиков

Для того чтобы выявить, как ментальные репрезентации реализуются в политической риторике, стоит сразу выделить ключевые темы. В своем исследовании мы рассмотрели аспекты:

- отношений России и зарубежья;
- внутренней политики;
- национальной политики;
- отношения к медиа;
- борьбы с коррупцией;
- социальной политики.

Эти темы выявлены на основании контент-анализа, проведенного с помощью системы мониторинга и анализа СМИ «Медialogия»² на начальном этапе нашего исследования. Изучение конкретных тем помогло создать более точные и четкие поисковые запросы.

При составлении словаря-конкорданса были выявлены интересные особенности в освещении фрейма *идентичности*. Лемма *миссия* встречалась в словосочетаниях с такими леммами, как *важный, исторический, миротворческий, социальный*. Приведем примеры употребления с прилагательным *исторический*: <...> *Это историческая миссия – накормить Россию своими продуктами, и мы близки к ее достижению* <...> *Россия играет высокоответственную объединительную роль на современном евразийском пространстве. Россия не имеет права от этого уклоняться и в будущем, поскольку именно она выполняет функцию гаранта, в этом ее историческая миссия* <...>. Подобная риторика, безусловно, влияет на усиление власти и авторитета правительства, а особый официальный исторический нарратив, важный для российской идентичности, подчеркивает статус России как *великой державы* и ее исторической борьбы с внешними угрозами.

Российская идентичность, по определению депутатов, тесно связана не только с языком, но и с религией: <...> *когда по России как по цивилизации, по русским в очередной раз наносятся удары –*

² Медialogия для PR: Руководство пользователя. URL: <https://www.mlg.ru/about/pdf/MLG-UserGuide-2020.pdf> (дата обращения 05.11.2022).

по Русской православной церкви, по русскому языку, – мы с вами должны понимать и отдавать себе отчет, что речь идет об уничтожении нашей идентичности <...>.

Хотя до сих пор в дискурсе встает вопрос о существовании российского или русского народа, о разнице этих понятий и различии между этносом или жителями государства: <...> *существует ли вообще этот русский народ у нас в государстве?* – ответить на этот вопрос однозначно депутатам не удастся.

Использование методов NLP позволяет создавать не только словари-конкордансы, но и словари частотности употребления словоформ. А можно, напротив, изучать тематическое разнообразие с помощью привязанного к датам поиска и вычислять степень семантической близости между лингвистическими единицами.

Так, например, лемма *акция* использовалась с леммами *всероссийский* (13), *массовый* (12), *несанкционированный* (11), *несогласованный* (9), *политический* (9), *привилегированный* (8), *протест* (7), *протестный* (7), *разовый* (6). В исследовании в ручном режиме были отсортированы омонимичные слова «акция» ‘действие’ и «акция» ‘ценная бумага’ для устранения ошибки трактовки значения леммы в контексте. *Акция* в контексте дискурса парламентской риторики достаточно часто изображается в виде несогласованного события (о чем свидетельствует количественный показатель употребления в негативном контексте), противопоставленного другим формам общественных собраний. Суммарно в дискурсе сочетание «всероссийская акция», использованное в контексте демонстрации грандиозных событий, встретилось только 13 раз, в то время как словосочетания со словами *несанкционированный*, *несогласованный*, *политический*, *протест*, *протестный* – 45 раз. Слова *митинг*, *акция*, *демонстрация* (<...> *после того, как лидеры протестного движения пообещали властям вывести на митинг до 10 тысяч человек <...> эта очередная враждебная акция <...>*), описывающие собрания, имеют характерный оттенок несогласованности, в отличие от слов *собрание*, *шествие*, *парад*. Довольно часто фрейм делегитимизации оппозиции и ее идей депутатами используется постоянно. Оппозиционеры предстают как непатриотичные или имеющие антироссийские настроения, их программа описывается как нереалистичная или наносящая ущерб национальным интересам.

Частотное исследование и кластеризация показали, что наиболее часто в речах депутатов встречаются слова *патриотизм*, *суверенитет*, *национальные интересы*, а также высказывания о *национальной идентичности*, *православии* и *самодержавии*.

Использование эмоционально-окрашенной лексики и выразительной риторики в выступлениях депутатов однозначно показы-

вает интенцию вызвать определенные чувства у аудитории, а также попытаться повлиять на ее мнение в рамках формирования фреймов (здесь и далее выводы о текущих фреймах сделаны на основании результатов исследования). Депутаты часто используют слова *Родина, патриоты, защита национальных интересов* (в контексте фрейма особого национального пути России) для того, чтобы попытаться пробудить у аудитории чувство гордости за свою страну и желание защищать ее интересы. Часто звучат призывы: *Объединимся, Вместе мы сильны, Нам нужно сплотиться* (в контексте фрейма создания сильного единого государства) для того, чтобы сплотить аудиторию вокруг общих целей и интересов. Депутаты используют слова и сочетания *несправедливость, борьба с коррупцией, защита прав*, чтобы вызвать у аудитории чувство возмущения несправедливостью и желание бороться за справедливость. Упоминание слов *угроза, опасность, риск* (которые строятся чаще всего вокруг фрейма отношений с западными странами) могут пробудить в аудитории чувство страха и беспокойства. Затем политики предлагают свои решения этих проблем, чтобы успокоить аудиторию и заручиться ее поддержкой.

Таким образом, депутаты Государственной думы используют эмоционально-окрашенную лексику и риторические приемы не только для того, чтобы постараться повлиять на аудиторию во время своих выступлений, но и для того, чтобы внести в контекст фреймов особую эмоциональную компоненту и окраску.

Заключение

Предпосылкой исследования послужила попытка создания комплексной методологии машинного анализа текстов политического дискурса. Поскольку парламентский дискурс включает в себя огромное количество текстов, ручные методы оказываются не в полной мере эффективными.

Анализ риторики депутатов выявил общие закономерности, частотность, вариативность и доминирующие речевые конструкторы, позволяющие охарактеризовать особенности выражения ментальных конструкторов политиков.

По итогам анализа массива текстов мы пришли к выводу, что метасообщение, которое депутаты вкладывают в текст, выражается в единстве высказываний депутатов по перспективным вопросам, касающимся основных государственных тем. Ввиду того что невозможно точно установить настоящие мотивы кандидатов, сложно сделать выводы о том, с чем связано единство высказываний по общегосударственным вопросам. Однако при этом были намечены их

ментальные границы, выявлено отношение по определенным темам и очерчены ментальные конструкторы, которые используют депутаты Государственной думы. В дальнейших исследованиях при анализе политических текстов очень важно учитывать весь контекст их создания, а понимание тех политических целей, которых пытаются достичь депутаты, поможет уточнить причины появления конкретных речевых выражений ментальных конструкторов политиков.

Литература

- Доминикан 2016 – *Доминикан А.И.* Конкорданс как инструмент для изучения значения слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2016. № 4. С. 85–89.
- Караулов 2014 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
- Куокса 2021 – *Куокса Л.* Риторические средства воздействия в российских предвыборных роликах при выборах в Государственную думу в 2016 г. Тампере: Ун-т Тампере, 2021. 96 с.
- Ниязов 2023 – *Ниязов А.А.* Технологии natural language processing как инструмент анализа парламентской риторики // Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2023: Журналистика. Новосибирск: НГУ, 2023. С. 31–32.
- Паршина 2007 – *Паршина О.Н.* Российская политическая речь: Теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
- Поэтика и политика 1999 – Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук / отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Алетейя, 1999. 350 с.
- Руженцева 2018 – *Руженцева Н.Б.* Политические и коммуникативные стратегии в печатных предвыборных материалах 2018 г. // Политическая лингвистика. 2018. № 2. С. 18–28.
- Смиренский 2000 – *Смиренский В.Б.* Слово в действии: интен-анализ политического дискурса / под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб., 2000. 316 с.
- Теория и методика 2016 – Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 303 с.

References

- Chudinov, A.P., ed. (2016), *Teoriya i metodika lingvisticeskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and methods of linguistic analysis of political text], Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Ekaterinburg, Russia.

- Dominikan, A.I. (2016), “Concordance as a tool for learning the meaning of a word”, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 4, pp. 85–89.
- Karaulov, Yu.N. (2007), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.
- Kuoksa, L. (2021), *Ritoricheskie sredstva vozdeistviya v rossiiskikh predvybornykh rolikakh pri vyborah v Gosudarstvennuyu dumu v 2016 g.* [Rhetorical means of influence in Russian election commercials during the 2016 State Duma elections], Universitet Tampere, Tampere, Finland.
- Niyazov, A.A. (2023), “Natural language processing technologies as a tool for analyzing parliamentary rhetoric”, in *Materialy 61-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii MNSK-2023. Zhurnalistika* [Proceedings of the 61st International scientific student conference MNSC-2023. Journalism], NGU, Novosibirsk, Russia.
- Parshina, O.N. (2007), *Rossiiskaya politicheskaya rech': Teoriya i praktika* [Russian political speech. Theory and practice], LKI, Moscow, Russia.
- Ruzhentseva, N.B. (2018), “Political and communication strategies in printed election materials 2018”, *Political Linguistics Journal*, no. 2, pp. 18–28.
- Shmatko, N.A., ed. (1999), *Poetika i politika. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk* [Poetics and politics. Almanac of the Russian-French center for sociology and philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences], Aleteya, Moscow, Russia.
- Smirenskii, V.B. (2000), *Slovo v deistvii: intent-analiz politicheskogo diskursa* [Word in action. Intent analysis of political discourse], Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Антон А. Ниязов, аспирант, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия; Россия 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; a.niyazov@g.nsu.ru

Information about the author

Anton A. Niyazov, postgraduate student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; 1, Pirogova St., Novosibirsk, Russia, 630090; a.niyazov@g.nsu.ru

Коммуникативные практики

УДК 81'23

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-143-152

Продуктивное слушание в коммуникативной культуре языковой личности

Наталья В. Максимова

*Новосибирский государственный театральный институт,
Новосибирск, Россия, maksimova1@mail.ru*

Аннотация. Продуктивное слушание предполагает ответную реакцию на исходное высказывание, которая может быть выражена различными способами, важнейший из которых – ответный вопрос. Сфера «ответа» имеет специфические речевые жанры; отнесенность речемыслительного произведения к категории инициальности или к категории ответственности составляет одну из его онтологических черт, а соответствующий параметр является наиболее существенным для квалификации коммуникативных действий. Система стратегий, положенная в основу типологии ответных вопросов, опирается на лингвистическую концепцию ответных стратегий ментатива. Умение задать ответный вопрос (в научном и учебном диалоге, в интервью, во время дискуссии и т. д.) означает определенный уровень владения коммуникативной культурой и предполагает ряд когнитивно-коммуникативных действий. Предлагаемая в статье типология вопросов связана с ответной сферой и базируется на ее интенционально-смысловых типах. Выделяются такие типы ответных вопросов, как толкование, переоформление, отрицание, вопрос-поддержка исходного тезиса, вопрос-развитие. В практическом плане ставится проблема малой изученности сферы ответных речевых жанров, неосвоенности умений активного слушания и постановки вопросов ответного типа на родном языке; выделяются шаги в технологии освоения ответных стратегий-вопросов.

Ключевые слова: коммуникативное взаимодействие, продуктивное слушание, сфера ответа, ответный вопрос, стратегии-вопросы, речевые жанры

Для цитирования: Максимова Н.В. Продуктивное слушание в коммуникативной культуре языковой личности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 143–152. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-143-152

© Максимова Н.В., 2024

Productive listening in the communicative culture of a language personality

Natalia V. Maksimova

*Novosibirsk State Theater Institute, Novosibirsk, Russia,
maksimova1@mail.ru*

Abstract. Productive listening involves a response to the initial utterance that can be expressed in various ways, the most important of which is a response question. The sphere of “response” has specific speech genres; the attribution of a speech-thought work to the category of initiality or to the category of response is one of its ontological features, and the corresponding parameter is the most significant for the qualification of communicative actions. The system of strategies underlying the typology of response questions is based on the linguistic concept of response strategies of the mentative. The ability to ask a response question (in a scientific and educational dialogue, in an interview, during a discussion, etc.) means a certain level of communicative culture and involves a number of cognitive and communicative actions. The typology of questions proposed in the article is related to the sphere of response and is based on its intentional and semantic types. There are such types of response questions as interpretation, reformulation, denial, question-support of the original thesis, question-development. In practical terms, the author raises an issue of understudy in the sphere of response speech genres, the lack of active listening skills and asking response questions in the native language. She also highlights steps in the technology of mastering response strategies-questions.

Keywords: communicative interaction, productive listening, sphere of response, response question, strategies-questions, speech genres

For citation: Maksimova, N.V. (2024), “Productive listening in the communicative culture of a language personality”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 143–152, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-143-152

Постановка проблемы

В структуре устной коммуникативной ситуации позиция отправителя, адресанта сообщения, изучена значительно подробнее, чем позиция адресата, рассматриваемого не только как получателя сообщения, но и в аспекте его потенциального ответа. По ответу адресата (непосредственному или отсроченному, эксплицитированному или имплицитному, прямому или косвенному) можно судить о качестве слушания и вообще о слушании как о смысловом, ин-

тенциональном процессе. Ответное речевое действие может свидетельствовать и о продуктивности-непродуктивности коммуникативного взаимодействия в целом.

В практике обучения языку, особенно родному, можно видеть ту же картину ослабленного внимания к ответной позиции. Если при обучении неродному языку аудирование занимает заметное место в силу трудностей декодирования устной иноязычной речи, то при обучении носителей родного языка этот вид речевой деятельности считается не столь актуальным. Проблема качества слушания недостаточно исследована по отношению к речевой деятельности на родном языке. Если ответное действие-чтение в последнее время изучается детально, многоаспектно, то слушание или некритически приравнивается к чтению, или вообще остается за кадром (исследовательским и методическим). Реальное положение дел, однако, говорит об актуальности данной проблемы. Так, например, студенты¹, слушая (на родном языке) друг друга или преподавателя, затрудняются задать точные, уместные, глубокие ответные вопросы по существу сказанного. В педагогической практике запрос на формирование культуры вопроса есть², в связи с чем не только в теоретическом, но и в практическом ключе актуальны исследования лингвистического, риторического и лингвометодического планов.

На приглушенность исследования «второй позиции» – позиции слушающего – указывается давно [Винокур 1993], при этом отмечается активная роль слушающего в акте общения. Если сравнить изученность ответной области и сферы «первых реплик», то, безусловно, ответные действия изучены намного слабее. Собственно, и данное различие почти не используется при типологизации коммуникативных действий, жанров, стратегий. Обозначенная проблема заостряется и при моделировании процессов общения, в том числе при исследовании динамики представлений о речевом акте в истории коммуникативистики [Матяш и др. 2011, с. 38–43].

Ответный вопрос в процессах слушания

Активное слушание можно определить как осмысленное восприятие исходного речемыслительного произведения, направленное на выделение его существенных компонентов. Например,

¹ Речь идет о студентах первого курса гуманитарной направленности обучения.

² См., например, опыт работы со студентами и научные труды В.Е. Карстелева (МГПУ).

в исходной реплике (первичный речевой жанр) ее существенными компонентами являются речевое намерение, актуальный смысл, ситуативный контекст. Во вторичных речевых жанрах важны концептуально значимые смыслы и в целом концепция развернутого речемыслительного произведения, жанрово-стилевые составляющие, традиции (научные, художественные, публицистические) изложения текста («школа», направление, контекст создания произведения), а также идиостиль автора, его речевая манера и другие индивидуально-авторские особенности текста.

Сфера «ответа» имеет специфические речевые жанры, в ней формируются стратегии общения, которых нет в сфере инициальных речевых жанров. Отнесенность речемыслительного произведения к категории инициальности или к категории ответственности составляет одну из его онтологических черт, а соответствующий параметр является наиболее существенным для квалификации коммуникативных действий. Это должна быть одна из заглавных характеристик при анализе взаимодействия.

Осмысление этой оппозиции находим в работах М.М. Бахтина, Н.Д. Арутюновой, А.Б. Пеньковского и других исследователей. Одна из работ Н.Д. Арутюновой, вошедшая позже в монографию [Арутюнова 1999], была посвящена введению понятий первой и второй реплик. Авторы, занимающиеся сферой ответа, отмечают сложную структуру референции ответных действий. Так, Бахтин прямо говорил об ее «удвоении». Действительно, появляется двойная сетка референциальных отсылок, образуется двуслойная референциальная основа высказывания: «...рядом с предметным смыслом появляется второй смысл – направленность на чужое слово. Нельзя вполне и существенно понять такое слово, учитывая только его прямое предметное значение» [Бахтин 1979, с. 227]. Статья А.Б. Пеньковского имеет значимый подзаголовок: «Ответные действия и языковые ответы». Автор фокусирует исследование на «режимах положительного ответа», более того – он задает когнитивную проблематику, говоря о «типах сознания субъекта ответного действия». В частности, интенционально-смысловую направленность высказывания в ментально-поведенческом плане он интерпретирует так: «Ответ – не следствие вызова, вызов – не причина ответа <...> Ответ <...> – интенция, инициатива. Отсюда – возникающая ответственность за ответ и не-ответ» [Пеньковский 1995, с. 130]. Ответность связывается с возможностью исследовать типы речевого поведения (инициальное высказывание, будучи фоновым, нейтральным в коммуникативном плане, в меньшей степени позволяет наблюдать план речевого поведения). Одной из характеристик речевого поведения является диалогич-

ность, поэтому не случайно, что ее изучение объединяется с исследованием ответственности. Репертуар коммуникативных стратегий в инициальной сфере и сфере ответа принципиально разный, что показано в работе [Максимова 2005] на примере анализа текстовых форм ментатива, где ответственность предопределяет композиционные особенности текстовых форм, особенности тема-рематической организации и макросвязочных компонентов. Эти три параметра описывают текстовые формы как способы реализации коммуникативных позиций ответного типа. Далее в статье сетка стратегий кладется в основу речевых шаблонов ответных реплик-вопросов.

Вопрос является одним из важнейших показателей активного слушания. В научном, учебном диалоге, в интервью и других медиажанрах, в межличностной коммуникации одним из маркеров продуктивного, вдумчивого слушания является ответный вопрос. В основу типологии ответных вопросов положим лингвистическую концепцию ответных стратегий ментатива [Максимова 2005]. В соответствии с этой концепцией под стратегией понимается характерная для данной языковой личности и регулярно воспроизводимая в ее речевом поведении соотносительность коммуникативной позиции (например, позиции толкования, отрицания и т. д.) и способов выражения этой позиции, сложившихся в данном языке. Отбор конкретных речевых способов, их комбинаций, индивидуальных реализаций составляет тактические ходы речевого поведения, конкретизирующие ту или иную стратегию.

В учебнике «Коммуникативно-структурный синтаксис» среди предложений по цели высказывания вопрос определяется как «диалогически сильная позиция»³. Действительно, из трех типов предложений по цели высказывания: вопросительного, повествовательного и побудительного – только вопросительная модель обладает потенциалом вызвать ответное речевое действие («заставить говорить» в ответ). Если в бытовом разговоре вопросом (особенно в жанре «первой реплики») ребенок владеет с первых лет речевой деятельности, то в учебном, научном диалоге задать точный, умный ответный вопрос – это некоторое искусство, восходящее к сократическому диалогу и требующее целого ряда умений. Чтобы умело откликнуться на сказанное и искусно задавать ответный вопрос, в учебной и научной сферах общения необходимо уметь соотносить исходное и ответное высказывания, сопоставляя их референции. Непросто бывает с помощью вопроса выстраивать новый рематиче-

³ См. эту трактовку в учебнике: *Ильенко С.Г.* Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 186.

ский шаг в диалоге – шаг, ведущий к новым смыслам. Кроме того, нужны умения, связанные с оценкой коммуникативной интенции собеседника и прогнозированием путей развития конвергентного общения с помощью ответного вопроса. Не говоря уже о таких логико-семантических действиях, как использование аргументации и контраргументации, выявление скрытой или недостающей информации и формулирование запроса на нее. Речь идет об анализе коммуникативной ситуации и владении метаречевыми действиями по отношению к общению в целом.

Типология ответных вопросов

Целесообразно выделять следующие типы ответных вопросов: вопрос-толкование, вопрос-переоформление, вопрос-отрицание, вопрос-применение, вопрос-развитие. Все они регулярно воспроизводятся в ответной коммуникативной позиции и выступают признаками продуктивности научного и учебного диалога. Прежде всего это вопрос, базирующийся на стратегии толкования. Позиция слушающего здесь связана с речевым запросом на пояснение непонятого (*Когда вы говорите о..., то вы имеете в виду то-то и то-то?*), на прояснение какого-либо тезиса или на уточнение его оснований (*Какие имеются основания для утверждения (аргументации) того-то?*), на проверку воспринятого (*Я правильно понимаю, что...?*) понимания. Толкование может быть представлено *Почему-репликами* и другими узнаваемыми формулами, которые распространены в научном, но слабо освоены в учебном диалоге⁴. В то же время целенаправленное обучение вопросной формуле толкования приводит к освоению ответного типа вопросов в сфере учебного общения, исследовательской деятельности и в целом к сокращению дефицитов в области коммуникативных умений.

Стратегия переоформления, выделенная первоначально для текста-ментатива, также весьма узнаваема по отношению к диалогу в различных сферах (научной, учебной, межличностной, публицистической). Построенные в ее интенционально-смысловом поле вопросы основываются на реструктурировании, перефразировании исходного тезиса собеседника (*Иначе говоря, это можно называть так-то?*). Такие вопросы преследует цель перевода на

⁴ Так, выпускники школ и студенты-первокурсники гуманитарных вузов испытывают затруднения в постановке вопроса-толкования. Хотя аналогичные разговорно-бытовые формулы (*то есть? в смысле? чего-чего? и др.*) ими освоены.

другой язык: язык метафор (*Если выразиться образно, то уместна ли будет такая-то метафора?*), язык схем. Это может быть смена понятийного языка предметной области (*В переводе на биологический язык (язык математики, музыки и т. п.) это звучит так-то?*). Изменение формы и перевод на какой-либо удобный для собеседников язык позволяет и лучше понять, и точнее выразить обсуждаемое содержание. В таком процессе ищется яркая, выразительная форма, укрупняющая, стабилизирующая исходный смысл⁵.

Стратегия применения в форме ответной реплики-вопроса реализуется с целью поддержать мнение собеседника. Содержательная поддержка собеседника требует не просто согласия, а построения ответной позиции внутри логики собеседника (*Как то, что вы излагаете, должно выглядеть применительно к...?*). Способы встраивания в чужую позицию и ее продвижения здесь разнообразны. Это перенесение исходного тезиса в новую ситуацию, т. е. применение к ней исходной идеи (*Если вы утверждаете то-то, то, вероятно, сюда подходит и то-то...?*), это расширение сферы оснований и доводов, подбор новых фактических и логических аргументов (*Насколько вот этот случай (аргумент) подходит для подтверждения вашей позиции?*), это проведение новых, нетривиальных параллелей, аналогий, сравнений и т. п.

Противоположная этому стратегия отрицания порождает и соответствующий ответный вопрос (*Разве то, что вы утверждаете, не противоречит тому-то, поскольку...?*). Его цель – выражение сомнения по отношению к позиции собеседника, ее отрицание. Это может быть в той или иной степени мягкое, прямое или косвенное возражение, направленное на исходный тезис оппонента (*Насколько верно сказать о том-то, ведь...?*). При стратегии отрицания в устном диалоге возникают риски, связанные с его дисгармонизацией. Одним из механизмов, ее страхующих, является аргументация, включенная в ответный вопрос. Анализ вопросительных конструкций ответного типа показывает, что, как правило, они двучастны: в первой части высказывается само сомнение, а во второй – аргументы к нему. Порядок может быть и обратным, но такая конструкция встречается реже. Отсутствие аргументации в ответном вопросе-отрицании нередко влечет ее дополнительное запрашивание у автора вопроса. Однако следует сделать оговорку: в тех случаях, когда вопрос-отрицание содержит отсылку к какому-то общеизвестному знанию о мире, аргументация бывает логически избыточна. Но рито-

⁵ В разговорной речи это такие формулы, как *Переведешь? А если коротко, то так? А если по-человечески сказать?* В этой сфере актуализируется задача упрощения, достижения ясности формы, ее краткости.

рически и в этих случаях аргументы привлекаются как страхующий возможную дисгармонию инструмент, как дополнительный знак выражения уважительного отношения к собеседнику, тезис которого подвергается отрицанию (аргументы, пояснения вопроса-отрицания привлекаются в таких случаях ситуативно, что требует специального анализа контекстов и более подробного описания).

Рассмотрим еще один важный ответный вопрос. Он относится к стратегии развития, цель которой – обнаружение противоречия и поиск компромисса, синтеза, согласования противоположных мнений. Коммуникант, задающий ответный вопрос-развитие, трансформирует противоречие в тезис, обладающий новым смыслом как для одной, так и для другой точки зрения (*Насколько возможен такой-то компромисс...?*). Их исходное понимание продвигается. Поэтому именно данный тип вопроса называем «развитие». Здесь с помощью вопроса намечается путь к новому пониманию, переход от разности и противоречивости позиций к нахождению неких точек схождения, пересечения, согласия (*Почему «или – или», может быть, «и – и»? Что связывает эти противоположные позиции? Какое понятие (положение) может стать объединяющим? Насколько возможно объединить эти точки зрения с помощью того-то...?*).

Типология вопросов, намеченная в работе, может быть связана не только с речевым актом вопроса, но и – в целом с ответной речевой реакцией собеседника. Эта реакция может быть выражена и повествовательно (в речевом акте рассуждения), и императивно. При этом способы выражения вопросов, их речевые шаблоны разные, а типы ответных стратегий те же. Сравнение побудительных, повествовательных и вопросительных стратегий этих шаблонов – отдельная исследовательская задача, важная и в теоретическом, и в методическом аспектах.

В заключение подчеркнем, что предлагаемая в статье типология вопросов (в отличие от других известных типологий, построенных на логико-грамматических основаниях) связана с ответной сферой и базируется на ее интенционально-смысловых типах. В практическом плане нужно указать на учебный диалог, в котором коммуникативная компетенция студентов может развиваться за счет освоения ответных стратегий-вопросов как знаков продуктивного слушания. Если кратко обобщить базирующуюся на этой основе образовательную технологию, то она складывается из следующих шагов: 1) формирование первичного представления об активном слушании и типах вопросов-стратегий: цель каждой стратегии, условия ее возникновения в общении; 2) актуальные наблюдения студентов за использованием вопросов-стратегий в живом общении (учебный диалог, научный диалог, интервью, вопросы

во время дискуссий, форумов, обсуждений, разговорно-бытовой диалог): домашние записи примеров и их обсуждение с преподавателем; 3) тренинг «Стратегии-вопросы в учебном диалоге»: от вопросов к письменному тексту до устных, ситуативных вопросов друг к другу, преподавателю; 4) диагностика активного слушания с помощью специальных заданий на постановку ответных вопросов в различных ситуациях, жанрах; 5) перенос владения вопросами-стратегиями в новые коммуникативные среды; 6) рефлексия овладения ответными вопросами в форме размышлений (*К какому типу ответного вопроса наиболее склонен я? Какой репертуар стратегий освоен (не освоен, частично освоен)? В каких ситуациях я могу применять и реально применяю вопросы-стратегии?* И т. п.) и постановка студентами индивидуальных речевых задач в области формирования продуктивного слушания. Освоение этих шагов и в целом типологии ответных вопросов ведет к формированию коммуникативной культуры аудирования как важнейшего вида речевой деятельности.

Литература

- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 318 с.
- Винокур 1993 – *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука. 171 с.
- Максимова 2005 – *Максимова Н.В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: РГГУ, 2005. 317 с.
- Матяш и др. 2011 – *Матяш О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В., Биби С., Зарицкая Ж.В.* Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
- Пеньковский 1995 – *Пеньковский А.Б.* Глагольное действие *sub specie adverbiorum*: 2. Ответные действия и языковые ответы // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 1995. С. 128–133.

References

- Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Bakhtin, M.M. (1979), *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Issues of Dostoevsky's poetics], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia.

- Maksimova, N.V. (2005), "*Chuzhaya rech'*" *kak kommunikativnaya strategiya* ["Foreign speech" as a communicative strategy], RGGU, Moscow, Russia.
- Matyash, O.I., Pogolsha, V.M., Kazarinova, N.V., Bibi, S. and Zaritskaya, J.V. (2011), *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal communication. Theory and life], Rech', Saint Petersburg, Russia.
- Penkovskii, A.B. (1995), "Verbal action sub specie adverbiorum: 2. Responses and language responses", in *Grammaticheskie kategorii i edimitsy: sintagmicheskii aspekt* [Grammatical categories and units. Syntagmatic aspect], VGPU, Vladimir, Russia, pp. 128–133.
- Vinokur, T.G. (1993), *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener. Variants of speech behavior], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья В. Максимова, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный театральный институт, Новосибирск, Россия; 630099, Россия, Новосибирск, Красный пр., д. 171/4; maksimova1@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Maksimova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State Theater Institute, Novosibirsk, Russia; 171/4, Krasny Av., Novosibirsk, Russia, 630099; maksimova1@mail.ru

Мультимодальные субституты профессиональных речений устных переводчиков

Елена В. Чистова

*Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского,
Москва, Россия, kovelena82@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается явление субституции с позиции его применения в исследованиях невербальной спонтанной коммуникации. Теоретическая значимость заключается в разработке методологии сбора и обработки материала для пополнения мультимодального корпуса в контексте категорий естественности/искусственности. Приводятся определения терминов «профессиональное речение» и «мультимодальный субститут». На примере профессиональной деятельности синхронных переводчиков автор представляет результаты апробирования метода экокognитивного моделирования естественной коммуникации. В статье приводится тематическая классификация профессиональных речений синхронистов, зафиксированных в реальных условиях выполнения перевода: вопрос-предложение, вопрос-подтверждение, императив при смене ролей, вопрос-пояснение, указание на ошибку, недопонимание, возмущение, согласие, подсказка. В каждой тематической рубрике представлены наиболее репрезентативные примеры профессиональных речений и их мультимодальные субституты в виде комплексов паравербальных и невербальных маркеров, заменяющих вербальные реплики при обращении к партнеру по кабине. Выясняется принадлежность субститутов и частотность их использования активными и пассивными синхронистами. Обсуждается пропорциональная зависимость использования просодо-семантем и кинемо-семантем от выполняемой в процессе перевода роли. Выявленные субституты предназначены для внедрения в системы автоматического синхронного перевода, разработки эмотиконов для удаленного синхронного перевода, а также в дидактических целях.

Ключевые слова: диалогическая лингвистика, невербальная коммуникация, мультимодальность, субституция, синхронный перевод

Для цитирования: Чистова Е.В. Мультимодальные субституты профессиональных речений устных переводчиков // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 153–164. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-153-164

© Чистова Е.В., 2024

Multimodal substitutes for interpreters' professional utterances

Elena V. Chistova

*Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow, Russia,
kovelena82@mail.ru*

Abstract. The paper considers the phenomenon of substitution from the perspective of its application in studies of nonverbal spontaneous communication. The theoretical significance lies in the development of the methodology for collecting and processing material to enrich the multimodal corpus in the context of naturalness/artificiality categories. Definitions of the terms “professional speech” and “multimodal substitute” are given. Using the example of the professional activity of synchronous interpreters the author presents the results of testing the method for eco-cognitive modeling of natural communication. The article provides the thematic classification of professional utterances of synchronous interpreters recorded in the real translation events: question-suggestion, question-confirmation, question-explanation, imperative when changing roles, indication of error, misunderstanding, indignation, consent, hint. Each thematic section presents the most representative examples of professional utterances and their multimodal substitutes in the form of the complexes of paraverbal and nonverbal markers that replace verbal cues when addressing partners in a booth. The author finds out the belonging of the substitutes and frequency of their use by active and passive synchronizers. She also discusses proportional dependence of the use of prosodo-semantemes and kinemo-semantemes on the role performed in the translation process. The identified substitutes are intended for implementation into automatic synchronous translation systems, the development of emoticons for remote synchronous translation as well as for didactic purposes.

Keywords: dialogic linguistics, nonverbal communication, multimodality, substitution, synchronous translation

For citation: Chistova, E.V. (2024), “Multimodal substitutes for interpreters' professional utterances”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. no. 12, pp. 153–164, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-153-164

Введение

Активное развитие речевых технологий в XXI веке дает новый импульс к исследованиям малоизученных аспектов диалогической коммуникации. Одним из таких является невербальная коммуни-

кация. Признание неестественности речи автоматических систем, что, по мнению пользователей, вызывает эффект раздражения, ставит задачу – приблизить человеко-машинную коммуникацию к более естественным формам [Kramer et al. 2020]. Одной из причин неестественности коммуникации с роботизированными системами является отсутствие паравербальных и невербальных эмотивно-эмоциональных средств общения, в значительной степени уточняющих вербальный контент. Взаимосвязь и взаимообусловленность вербальных, паравербальных и невербальных средств общения изучается в рамках мультимодальной лингвистики [Кибрик 2014; Янко 2021], одним из достижений которой является создание мультимодальных корпусов¹, в том числе корпусов диалогической спонтанной речи (например [Кибрик 2018; Sherstinova et al. 2022; Коротаяев, Литвиненко, Подлеская 2023] и др.).

Наличие подобных разработок обеспечивает возможность глубинного обучения роботизированных систем. Однако на текущий момент констатируется острый дефицит необходимого объема данных, особенно в части «просодо-семантических признаков реализации устно-речевого дискурса» (термин Р.К. Потаповой) [Потапова 2014, с. 9] в условиях усложненной коммуникации (шумы, помехи, изменение канала передачи информации и др.). Еще большей проблемой видится сбор аутентичного материала, фиксируемого в естественных условиях; многие корпуса формируются на данных постановочных экспериментов. Третьей проблемной зоной следует выделить недостаток методов извлечения процедурных знаний с целью верификации качественных параметров, необходимых для наполнения мультимодальных корпусов, прежде чем масштабировать их в нужном количестве.

Теоретическое обоснование

Перечисленные научные проблемы частично могут быть решены путем формирования мультимодального корпуса устных переводчиков, во-первых, потому, что их профессиональная деятельность чаще всего проходит в условиях усложненной коммуникации (помехи, акценты, дефекты речи, сенсорные сбои и др.); во-вторых, фиксируя их работу во время реального обеспечения перевода,

¹ *Киосе М.И.* Исследование экономии когнитивных ресурсов человека при интерпретации медиатекстов: разработка мультимодального корпуса окулографических реакций multicolor // Отчет о НИР № 22-28-01754. Российский научный фонд, 2022.

можно наиболее удачным образом приблизиться к естественному эксперименту и, в-третьих, на основе выработанных качественных параметров, апробированных на устных последовательных и синхронных переводчиках, становится возможным проводить масштабирование данных на другом материале, сбор которого дается гораздо сложнее.

Изучением невербального компонента в деятельности синхронных переводчиков активно занимаются ученые под руководством О.К. Ирисхановой [Ирисханова 2022], отдельным аспектам невербальных средств последовательных переводчиков в дидактическом аспекте посвящены работы Е.Ю. Мощанской². Однако в перечисленных трудах в большей степени внимание уделяется отдельным параметрам невербальных и паравербальных средств, а в меньшей – мультимодальной коммуникации.

Наиболее комплексно проблема разработки мультимодального корпуса на основе профессиональной коммуникации синхронных переводчиков решена в диссертационном исследовании Е.В. Чистовой [Чистова 2022, с. 337–349], где автор выделяет наиболее репрезентативные мультимодальные маркеры речедвигательной активности и психоэмоциональных состояний переводчиков в условиях их взаимодействия при повышенной когнитивной нагрузке (см. подробнее в [Колмогорова, Чистова 2023, с. 168]). Однако в плане просодо-семантем и кинемо-семантем (произносительных и двигательных инвариантов соответственно [Потапова 2014, с. 4]) созданный корпус еще может и должен пополняться, например, такой рубрикой, как «мультимодальные субституты профессиональных речений».

Цель данной статьи заключается в презентации тематической классификации мультимодальных субституты профессиональных речений устных переводчиков, что впоследствии может принять характер более универсальной типологии.

В научно-специальном значении под *субституцией* понимается «замещение одного другим, обычно функционально сходным» по свойствам, назначению, функциям³. В дескриптивной лингвистике

² Мощанская Е.Ю. Невербальный компонент общения в устном переводческом дискурсе: Учебное пособие. Пермь: Изд-во «Пермский национальный исследовательский политехн. ун-т», 2016. 123 с.

³ Толковый словарь Ожегова // Субституция. URL: <https://slovar.ozhegova.ru> (дата обращения 02.01.2024); Толковый словарь Ефремовой // Субституция. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения 02.01.2024); Толковый словарь Ушакова // Субституция. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/субституция> (дата обращения 02.01.2024).

субституция (лат. substitutio – подстановка) – это «основной метод определения тождества/различия языковых единиц, объединения их в классы (разряды), определения их функциональных свойств и т. п. путем взаимной замены их в данной совокупности контекстов»⁴.

Чаще всего исследователи обращаются к понятию *фонетической субституции*, под которой подразумевается «взаимное отношение вариантов в плане выражения; отношение между двумя элементами обозначающего (выражения), состоящее в том, что замена одного из них другим не вызывает соответствующего изменения в обозначаемых ими элементах содержания»⁵. В более узконаправленном формате данное понятие раскрывается в словаре Д.Э. Розенталя: *субституция* – это «замещение одного звука другим, чаще всего при заимствовании, когда в заимствующем языке нет соответствующего звука языка-источника»⁶.

В теории перевода под субститутом понимается «замена одной языковой единицы на другую»⁷. Наиболее подробно эта проблема освещена в работе А.В. Корячкиной, где исследовательница выделяет приемы замещения лингвистического высказывания паралингвистическим и, наоборот, прием аудиовизуального варьирования и др. применительно к аудиовизуальному переводу [Корячкина 2017, с. 14–18].

В настоящем исследовании *мультимодальным субститутом* мы называем замещение устного профессионально значимого вербального высказывания комплексом паравербальных и/или невербальных средств общения.

Под *профессиональными речениями* мы понимаем семантически завершенные устно-речевые паттерны, обозначающие высказывания различной модальности в определенной профессиональной сфере. При этом *речение* в данной работе подразумевает любое законченное высказывание.

⁴ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 605 с. // Субституция. URL: <https://studfile.net/preview/16742506/page:46/> (дата обращения 02.01.2024).

⁵ Там же.

⁶ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1627/субституция> (дата обращения 02.01.2024).

⁷ Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. URL: <https://gufo.me/dict/translatology/субституция> (дата обращения 02.01.2024).

Методы и материал исследования

При обработке данных использовался метод экокognитивного моделирования естественной коммуникации [Чистова 2022] и тематическая классификация. Материалом исследования послужил мультимодальный корпус синхронных переводчиков (видеозаписи в объеме 1863 минут), состоящий из размеченных в программе Elan 6.3. данных (релевантных для изучения заданного параметра в объеме 147 минут), зафиксированных в условиях реальных спортивных и бизнес-мероприятий в период 2019–2022 гг.

Результаты исследования

В ходе исследования разработана тематическая классификация мультимодальных субститутов профессиональных речений синхронных переводчиков, обращенных к партнерам по кабине. При этом активный синхронист (АС) – это тот, что непосредственно переводит, а пассивный синхронист (ПС) – тот, что ожидает своей очереди и помогает напарнику при необходимости. Результаты с наиболее репрезентативными примерами отражены в таблице.

Таблица

Мультимодальная субституция профессиональных речений синхронных переводчиков

Профессиональное речение	Мультимодальный субститут
<i>Вопрос-предложение при смене ролей</i>	
Давай теперь я? (ПС)	наклон головы вниз, указательный палец упирается в грудь, что сопровождается поднятием бровей (экологично, т. е. гармонично адаптировано к доступным партнеру модусам восприятия для эффективной передачи информации и экономичного расхода когнитивных ресурсов); выпрямление корпуса, движение указательным пальцем, имитирующее нажатие кнопки, незвуковая вербализация (проговаривание губами) реплики-предложения (не экологично)
Давай поменяемся? (ПС)	наклон головы в сторону партнера с одновременным поднятием бровей и жестом «прокрутка руками» (экологично)

Продолжение табл.

<i>Профессиональное речение</i>	<i>Мультимодальный субститут</i>
Переключаемся? (ПС)	наклон корпуса в сторону аппаратуры с одновременным касанием кнопки переключения каналов, взгляд на партнера с поднятыми бровями (экологично)
<i>Вопрос-подтверждение при смене ролей</i>	
Все, ты переводишь? (АС)	Взгляд искоса на партнера, легкий поворот головы на партнера
<i>Императив при смене ролей</i>	
Теперь ты вступай (начинай переводить) (АС)	наклон корпуса немного вперед, движение рукой в сторону партнера, легкий взмах кистью, улыбка (экологично)
Надо бы переключиться (АС)	серия множественных коротких незаполненных и заполненных пауз, хезитаций и репаратур, повышение кинетической интенсивности (экологичность варьируется)
<i>Вопрос-пояснение</i>	
Послушай, тебе шумит микрофон? (АС)	касание партнера кистью за руку/локоть, указательный жест на микрофон, прокрутка кистью, быстрый взгляд в сторону партнера (экологично)
<i>Указание на ошибку</i>	
Нет, не так (ПС)	резкий поворот головы, раскрытие глаз, качание головой, предупредительный жест рукой вниз ладонью, двигая кистью из стороны в сторону с едва заметной амплитудой (экологично)
Не совсем так (ПС)	корпус вперед, взгляд на партнера, скривленные губы, незвуковое проговаривание слов (экологично)
<i>Недопонимание</i>	
Что-то пока не понимаю (АС)	поворот головы и взгляд на партнера/менеджера, сведение бровей к носу, низкоамплитудные повороты головой, движение ладонью вверх со сгибанием пальцев, проговаривание губами, опускание глаз
Что это значит? (АС)	незаполненные хезитации, корпус и взгляд на партнера, снятие наушников и/или нажатие кнопки Mute

Окончание табл.

<i>Профессиональное речение</i>	<i>Мультимодальный субститут</i>
<i>Возмущение</i>	
Ну, что это такое! (ПС)	низкоамплитудные повороты головой, взмах рукой вверх, ухмылка
Как же невнятно говорит (АС)	поворот корпуса и взгляд на партнера/менеджера, низкоамплитудные повороты головой из стороны в сторону, скривить рот/губы
<i>Согласие</i>	
Да, так (ПС)	кивок с подъемом указательного пальца
Ну, точно! (ПС)	кивок со взмахом кисти
Да, ошибочка, сейчас исправлюсь (АС)	зажмуривание глаз, легкий поворот головы, кивок, заполненная хезитация «эм»
Сейчас отвечу на этот вопрос и поменяемся (АС)	нажатие кнопки Mute, поворот головы на партнера, усеченная вербальная реплика «Сейчас на этот ответу и...», кивок
<i>Подсказка</i>	
Вот так можно перевести (ПС)	размещение блокнота посередине между партнерами, подача корпуса вперед, поднятие кисти с ручкой вверх, написание подсказки, указательный жест ручкой (экологично)

Из таблицы видно, какие профессиональные речения чаще принадлежат активным синхронистам (императив при смене ролей, непонимание, пояснение, призыв о помощи и др.), а какие – пассивным (вопрос-предложение, указание на ошибку, подсказка и т. п.). По набору мультимодальных маркеров также заметна разница в коммуникативном наполнении активного и пассивного синхрониста в силу ограниченных сенсорных ресурсов подачи и восприятия информации. Так, активный синхронист больше использует просодо-семантемы, а пассивный кинемо-семантемы. Экологичность (адекватность выбора доступных модусов восприятия и каналов передачи информации) при коммуникации также варьируется в зависимости от опыта переводчиков и условий протекания переводческого процесса.

В таблице отражены наиболее универсальные и частотные профессиональные речения синхронистов и их относительно стандартизованные (по совокупности маркеров) мультимодаль-

ные субституты (78% случаев). Стоит отметить, что в каждом переводческом акте в различных парах синхронистов (опытных и начинающих, давно работающих вместе и впервые взаимодействующих), несмотря на более-менее универсальный набор маркеров, их последовательность и репрезентация носит окказиональный и высококонтекстный характер. В связи с этим мультимодальные субституты не поддаются точной фиксации, в большей степени важна экологичность их презентации. Так, кинемо-семантемы отличаются большей эксплицитностью относительно намерений говорящего, чем просодо-семантемы. Серия множественных пауз активного синхрониста, например, имплицитно может указывать на его когнитивный диссонанс, обусловленный терминологической лакуной, и не всегда правильно считается напарником, однако в совокупности с повышением кинетической активности, шансы быть понятым увеличиваются.

Таким образом, предложенная классификация носит условный характер и не претендует на полноту, всеохватность и всеобъемлемость. Однако мы убеждены, что представленный в таблице набор профессиональных речений синхронистов при максимально возможной унификации их мультимодальных субститутов достаточен для обеспечения качественной коммуникации между партнерами по кабине. Безусловно, этот список не конечен, но наш материал исследования показывает, что в остальных случаях мультимодальные субституты относятся в большей степени к межличностной коммуникации и в меньшей – связаны с профессиональной деятельностью. Подобные примеры не включались в классификацию.

Заключение

Представленная классификация может послужить основой для пополнения мультимодального корпуса синхронных переводчиков в части мультимодальных субститутов их профессиональных речений. Подобная корпусная рубрика предназначена для внедрения в автоматические системы синхронного перевода, создания специальных эмодиконов при удаленном синхронном переводе для оперативной связи с партнером, а также в качестве дидактического материала на практических занятиях по синхронному переводу. В теоретическом аспекте исследование полезно в части апробации метода экокognитивного моделирования для выявления мультимодальных субститутов речений в диалогической спонтанной коммуникации.

Литература

- Ирисханова 2022 – *Ирисханова О.К., Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В.* Полиmodalный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 17–31.
- Кибрик 2018 – *Кибрик А.А.* Русский мультимедийный дискурс. Ч. 2: Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 79–90.
- Кибрик 2014 – *Кибрик А.А., Кодзасов С.В., Архипов А.В., Федорова О.В.* Скрытые просодии русского слова // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб., 2014. С. 277–292.
- Колмогорова, Чистова 2023 – *Колмогорова А.В., Чистова Е.В.* Оцифровка мультимодальных маркеров диалогической коммуникации синхронных переводчиков // Культура и текст. 2023. № 3 (54). С. 160–172.
- Коротаев, Литвиненко, Подлеская 2023 – *Коротаев Н.А., Литвиненко А.О., Подлеская В.И.* «Вам и не снилось!»: прошлое, настоящее и будущее «Рассказов о сновидениях» // Язык как он есть: Сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика. М., 2023. С. 432–437.
- Корячкина 2017 – *Корячкина А.В.* Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 27 с.
- Потапова 2014 – *Потапова Р.К.* Функционально-речевая специфика просодии и семантики // Речевые технологии. 2014. № 1–2. С. 3–21.
- Чистова 2022 – *Чистова Е.В.* Экокогнитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации (на примере кейса синхронных переводчиков): Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск. 2022. 448 с.
- Янко 2021 – *Янко Т.Е.* Просодии дискурсивных жанров: концептуальный метод разработки корпуса // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 390–396.
- Kramer et al. 2020 – *Kramer L.L., ter Stal S., Mulder B.C. et al.* Developing embodied conversational agents for coaching people in a healthy lifestyle. Scoping review // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22. No. 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7055763/> (дата обращения 10.06.2024).
- Sherstinova et al. 2022 – *Sherstinova T., Petrova I., Mineeva O., Fedosova M.* Empirical studies of everyday professional, domestic and client-service communication for the development of voice assistants in Russian // Conference of Open Innovations Association, FRUCT. Proceeding of the 32nd Conference of Fruct Association. 2022. No. 32. P. 262–269.

References

- Chistova, E.V. (2022), *Ekokognitivnaya model' professional'noi multimodal'noi kommunikatsii (na primere keisa sinkhronnykh perevodchikov)* [Eco-cognitive model of professional multimodal communication (using the case of synchronous interpreters as an example)], D. Sc. Thesis (Philology), Krasnoyarsk, Russia.
- Iriskhanova, O.K., Kiöse, M.I., Leont'eva, A.V. and Agafonova, O.V. (2022), "Polymodal spatial deixis in speech and gestures. Coordinate systems in explanatory discourse", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 17–31.
- Kibrik, A.A. (2018), "Russian multichannel discourse. Part 2. Development of the research corpus and directions", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 39, no. 2, pp. 79–90.
- Kibrik, A.A., Kodzasov, S.V., Arkhipov, A.V. and Fedorova, O.V. (2014), "Hidden prosody of the Russian word", in *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memory of Alexander E. Kibrik], Saint Peterburg, Russia, pp. 277–292.
- Kolmogorova, A.V. and Chistova, E.V. (2023), "Digitization of multimodal markers of synchronous interpreters' dialogic communication", *Kul'tura i tekst*, vol. 54, no. 3, pp. 160–172.
- Korotaev, N.A., Litvinenko, A.O. and Podlesskaya, V.I. (2023), " 'You haven't even dreamt! The past, present and future of 'Stories of dreams' "] in *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* [The language as it is. Collected articles commemorating the 60th anniversary of Andrei Alexandrovich Kibrik], Saint Peterburg, Russia, pp. 432–437.
- Koryachkina, A.V. (2017), *Angloyazychnyi khudozhestvennyi kinodiskurs i potentsial ego interpretativno-kommunikativnogo perevoda* [English-language feature film discourse and the potential of its interpretative and communicative translation], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology) Saint Petersburg, Russia.
- Kramer, L.L., ter Stal, S., Mulder, B.C. et al. (2020), "Developing embodied conversational agents for coaching people in a healthy lifestyle. Scoping review", *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 2, available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7055763/> (Accessed 10 Jun. 2024).
- Potapova, R.K. (2014), "Functional-speech specifics of prosody and semantics", *Speech technology*, no. 1–2, pp. 3–21.
- Sherstinova, T., Petrova, I., Mineeva, O. and Fedosova, M. (2022), "Empirical studies of everyday professional, Russian and client-service communication for the development of voice assistants in Russian", Conference of Open Innovations Association FRUCT. Proceeding of the 32nd Conference of Fruct Association, no. 32, pp. 262–269.
- Yanko, T.E. (2021), "Prosody of discursive genres. Conceptual method of corpus development", *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 47, no. 4, pp. 390–396.

Информация об авторе

Елена В. Чистова, доктор филологических наук, доцент, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 1/2, корп. 1; kovelena82@mail.ru

Information about the author

Elena V. Chistova, Dr. of Sci. (Philology), Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. ½, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119049; kovelena82@mail.ru

Совместная трапеза как основа коммуникации в китайской культуре

Виталий Я. Парамонов

*Издательство «Жэньминь Хуабao», Пекин, КНР,
rgu@mail@mail.ru*

Аннотация. Для Китая характерно особое отношение к приему пищи. Традиции и обычаи, связанные с едой, являются для жителей этой страны базовыми семейными и социальными паттернами. Одним из таких базовых паттернов является коммуникативная функция совместной трапезы как основы для поддержания имеющихся и налаживания новых отношений. На эту традицию, сформировавшуюся на территории Китая много тысячелетий назад, влияли социально-культурные, природные, исторические и экономические факторы. В свою очередь, она сама создала соответствующие ментальные феномены у носителей китайской культуры, отражающиеся в их поведении. Стремительное развитие глобальных культурных и торгово-экономических связей ставит на повестку дня необходимость понимания иностранцами важности культурных отличий, особенностей культурных коннотаций, которые заключены в отношении китайцев к совместным застольям и сопутствующим им обсуждениям различных вопросов.

Китайская традиция интерпретируется на основе анализа древнейших знаков китайской письменности, которые сохранили в себе информацию о социокультурной составляющей совместного приема пищи, а также о его месте в картине мира древних китайцев.

Ключевые слова: семиотика совместной трапезы, китайский язык, культурные ценности, коммуникация, этимологический анализ иероглифики

Для цитирования: Парамонов В.Я. Совместная трапеза как основа коммуникации в китайской культуре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 165–182. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-165-182

Eating together as the basis of communication in Chinese culture

Vitalii Ya. Paramonov

*“Renmin Huabao” publishing house, Beijing, China,
pvy@mail@mail.ru*

Abstract. China is characterized by a special attitude to having a meal. Traditions and customs related to food are basic family and social patterns for the inhabitants of the country. Such a basic pattern is the communicative function of having a meal together as a basis for maintaining the existing and establishing new relationships. That tradition, which was formed on the territory of China many millennia ago, was influenced by socio-cultural, natural, historical, and economic factors. In turn, it itself created the corresponding mental phenomena in the bearers of Chinese culture, reflected in their behavior. The rapid development of global cultural, trade, and economic ties puts on the agenda the need for foreigners to understand cultural distinctions and particularities of cultural connotations, which concern the attitude of the Chinese people to the ritual of eating together and meanwhile discussing various issues.

In the article, the interpretation of Chinese tradition is based on analyzing the oldest signs of Chinese writing, which retained information about the socio-cultural component of sharing meals, as well as its place in the Old Chinese worldview.

Keywords: semiotics of shared meals, the Chinese language, cultural values, communication, etymological analysis of hieroglyphics

For citation: Paramonov, V.Ya. (2024), “Eating together as the basis of communication in Chinese culture”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 165–182, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-165-182

Введение

Место трапезы, а также межкультурной коммуникации в ходе совместной трапезы у различных народов затрагивались во многих работах. Одним из первых к ней обратился в 1910 г. Г. Зиммель, который отметил исключительную особенность разделения общей пищи: «То, что я мыслю, я могу сообщить другому; то, что я вижу, могут увидеть другие; то, что я говорю, могут услышать сотни, но то, что один ест, ни при каких обстоятельствах не мо-

жет есть другой... Социологическая структура трапезы возникает, когда она связывает исключительный эгоизм еды с коллективностью общественной жизни, с привычкой к общественности как с высшим и духовным порядком, что довольно редко случается» [Зиммель 2010]. Таким образом, появление совместной трапезы, добровольного разделения имеющейся пищи, становится возможно в обществе с достаточно высокой для этого социальной организацией.

Социальный контекст приема пищи рассматривали многие ученые. Французский культуролог и семиолог Р. Барт отмечал, что трапеза не является простым поглощением имеющихся продуктов питания, но является «системой коммуникации, собранием образов, сводом обычаев, ситуаций и поступков» [Барт 2003, с. 368]. Перемены в национальной кухне разных народов как свидетельство изменения и разрушения социальной и национальной идентичности в современном мире глобализации анализирует S. Ching Chan [Ching Chan 2010]. К семиотическому анализу связанных с трапезой понятий обращается Э.Г. Шестакова [Шестакова 2020], по мнению которой кулинарный медиатекст неразрывно связан с местными гастрономическими вкусами, национальными особенностями, самоидентификацией локальных сообществ и актуальными вопросами сохранения ценностных установок различных социальных групп.

Особое отношение к приему пищи и его восприятие как элемента многих ритуалов характерно практически для всех народов, о чем говорят многочисленные работы фольклористов, этнографов, антропологов. А.К. Байбурун отмечает: «Застолье представляет собой своеобразную паузу в течение обыденной жизни. Молчание или приличные разговоры за столом воспринимались именно как признак благочестивого, набожного поведения» [Байбурун, Топорков 1990, с. 144]. Китайцы, как и другие народы, совершают действия с едой в случае смерти родственников, во время свадеб, дней рождения и т. д. В.В. Богаевская отмечает, что «с древних времен китайцы признавали большую роль еды и напитков в регулировании социальных отношений, в выстраивании иерархии» [Богаевская 2021]. Однако это лишь формальное сходство с другими традициями. Семиотически же китайские трапезы имеют особый вес как часть социальных практик. Цель нашей работы – на основе анализа древнейших иероглифических обозначений трапезы, используемых по настоящее время, проследить преемственность сакрального отношения к приему пищи в китайской культуре от древности до наших дней. Материалом послужили данные из сборников-реестров древнейших памятников

письменности в стилях цзягувэнь¹ и цзиньвэнь², а также соответствующие словари и справочники³.

Переходя к китайской культуре приготовления и приема пищи, следует в первую очередь отметить богатство традиций и их древние корни. Например, Гао Чжаочэн отмечает: «Китайская культура потребления пищи всегда неотъемлемой составляющей философии и религии китайцев. На протяжении истории она подчинялась требованиям народных обычаев и нормам древних писаний» [Гао 2022]. Согласно принятой классификации, в Китае выделяют восемь кулинарных школ (пекинская, сучжюуская и др.). В столовых больших университетов Китая могут быть представлены все эти кухни, так как привычная пища важна для сохранения душевного и физического состояния тех, кто находится вдали от родного дома. Особое отношение китайцев к пище можно видеть в существовании в Пекине специального музея-ресторана «Китайский музей императорской кухни» (中国皇家菜博物馆), в котором посетителям рассказывают и о традициях китайской кухни, и предлагают различные блюда (в меню указы-

¹ 国学大师 [Реестр фрагментов с надписями в стиле цзягувэнь] // Sina.com. URL: <https://www.guoxuedashi.net/jgwhj/> (дата обращения 31.01.2024).

² 国学大师 [Реестр фрагментов с надписями в стиле цзиньвэнь] // Sina.com. URL: <https://www.guoxuedashi.net/yzjwjc/> (дата обращения 31.01.2024).

³ 古代汉语字典 北京: 商务印书馆国际有限公司 2014 [Словарь иероглифов древнекитайского языка]. Пекин: Commercial Press, 2014; 国学大师 [Сборник ресурсов о китайской иероглифической письменности] // Sina.com. URL: <http://www.guoxuedashi.com/> (дата обращения 28.11.2023); 古汉语常用字字典 / 陈涛主编 北京: 外语教学与研究出版社 2011 [Словарь наиболее употребительных иероглифов древнекитайского языка] / гл. ред. Чэнь Тао, Пекин: Преподавания и исследования иностранных языков, 2011; 象形字典 [Словарь иероглифов изобразительной категории]. URL: <https://www.vividict.com/> (дата обращения 31.01.2024); 许慎撰. 说文解字 天津市古籍书店1991 [Сюй Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков]. Тяньцзиньское книгоиздательство древней литературы, 1991; 孙运生. 学生现代汉语详解字典 出版社:北京: 中国大百科全书出版社 2016 [Сунь Юньшэн. Толковый словарь иероглифов современного китайского языка для студентов]. Пекин: Изд-во Большой китайской энциклопедии, 2016; 左民安. 细说汉字 1000个汉字的起源与演变 // 北京: 中信出版社 2015 [Цзо Миньань. Подробно о китайских иероглифах: Происхождение и эволюция 1000 китайских иероглифов]. Пекин: CITIC Group, 2015.

вается принадлежность блюда конкретной эпохе) с соответствующей эпохе сервировкой стола.

Неотъемлемой частью пищевых традиций Китая является традиционный круглый стол, позволяющий присутствующим почувствовать свое равенство, что «создает атмосферу единства, вежливости и общей заинтересованности» [Гао 2022]. О другой важной составляющей китайской сервировки – палочках для еды и ее семиотической значимости упоминает А.А. Якуничкина [Якуничкина 2019]: «Палочки, находящиеся вертикально в чаше – несут смерть, по мнению китайцев. Не бросайте палочки для еды, это считается неудачей». Различия в традициях приема пищи стали для китайцев существенным элементом противопоставления китайского и некитайского как «своего» и «чужого».

Хорошо известны совместные семейные праздничные застолья, необходимость появления родственников на которых предписана тысячелетней традицией. Эту же важную составляющую общения за праздничным столом с родственниками подчеркивает Ду Бикунь: «Среди новогодних традиций... самый ответственный момент встречи Чуньцзе... – единение семьи за обильной трапезой в новогоднюю ночь» [Ду 2023]. Этот самый главный для жителей Китая праздник, неотъемлемой частью которого является застольная беседа, впервые упоминается во времена правления императора У-ди (141–87 гг. до н. э.) [Ду 2023].

Важность еды в сознании китайцев отразилась в ряде устойчивых выражений. Так, пир, устроенный в 206 г. до н. э. в местечке Хунмэнь⁴ для обсуждения вопроса о власти в империи, организованный с умыслом убить полководца Лю Бана, стал основой для фразеологизма 鸿门宴 [hóngményàn] – «Хунмэньский пир». В китайском языке это крылатое выражение означает западню. До недавнего времени было распространено приветствие: 你吃了吗? [nǐ chīle ma?] – (досл.) «Ты уже ел?», которое соответствует русскому «Привет! Как у тебя дела?» В ответ обязательно надо сказать, что ты уже ел.

Другое очень известное устойчивое выражение: 民以食为天 [mín yǐ shí wéi tiān] – «народ считает пищу своим небом (божеством)», что означает «для народа пища – самое главное, это основа его существования»⁵.

⁴ 古典诗词 司马迁 史记 [Классическая поэзия. Сыма Цянь, Исторические записки]. URL: <https://www.rain8.com/gushici/4/139-2.html> (дата обращения 31.01.2024).

⁵ Большой китайско-русский словарь: онлайн-словарь. URL: <https://dabkrs.com> (дата обращения 17.03.2024).

Этимология знаков, связанных с пищей

Согласно гипотезе лингвистической относительности структура языка определяет мышление и способ познания реальности. Но прежде чем устояться в языке, обычаи и понятия формируются на основе реального опыта. Неудивительно для аграрного общества Древнего Китая, что значения, связанные с приемом пищи, отражены в огромном количестве иероглифов.

Для обращения к древним пластам китайской культуры перейдем к анализу иероглифов, которые впервые появились в наиболее древних стилях письма: в *гадательных надписях на костях и панцирях черепах* – цзягувэнь 甲骨文 [jiǎgǔwén] (XIV–XI вв. до н. э.)⁶ и в существовавшем несколько позже стиле цзиньвэнь – надписях на бронзовых сосудах 金文 [jīnwén] (далее – надписях на бронзе)⁷. Ниже будут рассмотрены иероглифы 即 [jí], 既 [jì], 有 [yǒu], 食 [shí] и 鄉(乡) [xiāng] (мы не прибегаем к реконструкции). Данные знаки сохранились от древности до наших дней. Они показывают непосредственную связь с пищей, а часть из них – с коммуникацией во время трапезы. Частотность их употребления для рассматриваемого периода относительно велика: 380 вхождений в реестр стиля цзягувэнь – для 即 [jí], 97 – для 既 [jì], 41 – для 食 [shí], 114 – для 鄉(乡) [xiāng], а также 157 вхождений в реестр стиля цзиньвэнь – для рассматриваемого начертания 有 [yǒu].

Рисунки знаков взяты из соответствующих реестров, верхняя строка указывает стиль – цзягувэнь (甲骨文) или цзиньвэнь (金文), а нижняя – номер в сборнике и/или название источника. Современные значения даются по Большому китайско-русскому словарю⁸.

⁶ 国学大师 [Реестр фрагментов с надписями в стиле цзягувэнь] // Sina.com. URL: <https://www.guoxuedashi.net/jgwhj/> (дата обращения 31.01.2024).

⁷ 国学大师 [Реестр фрагментов с надписями в стиле цзиньвэнь] // Sina.com. URL: <https://www.guoxuedashi.net/yzjwjc/> (дата обращения 31.01.2024).

⁸ Большой китайско-русский словарь: онлайн-словарь. URL: <https://dabkrs.com> (дата обращения 17.03.2024).

Рис. 1. Иероглиф 即 [jí] в надписях на костях
(фрагмент № 32228⁹)

Иероглиф 即 [jí] сейчас несет смысл «приблизиться к...», однако его древнее значение – «принимать участие в трапезе», «подходить к еде»¹⁰.

Знак состоит из начертаний наполненной едой чаши на высокой подножке с сидящим лицом к ней человеком с подогнутыми ногами (справа).

Рис. 2. Иероглиф 既 [jì] в надписях на костях (№ 151)

Иероглиф 既 [jì] – «уже». Древнее значение – «*поест совсем немного*»¹¹. Знак состоит из начертаний наполненной едой чаши на высокой подножке с сидящим рядом человеком, отвернувшимся от еды (справа).

⁹ Для краткости, приводя фрагменты надписей с данным иероглифом, мы будем указывать только номер этих фрагментов в соответствующем реестре – цзягувэнь или цзиньвэнь. Например, фрагмент № 32228 находится по адресу: <https://www.guoxuedashi.net/jgwhj/?bhfl=1&bh=32228>.

¹⁰ 许慎撰. 说文解字 天津市古籍书店1991 [Сюй Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков]. Тяньцзиньское книгоизд-во древней литературы, 1991.

¹¹ Ibid.

Рис. 3. Иероглиф 有 [yǒu]
в надписях на бронзовых сосудах (№ 267)

Иероглиф 有 [yǒu] – «иметь», «обладать», «есть». Знак состоит из трехпалой руки (вверху), держащей кусок мяса (внизу). В этом иероглифе отразилась особенность социальной стратификации древнекитайского общества – недоступность мяса простому народу. В языке это проявилось в виде выражения: 肉食者谋之 [ròu shí zhě móu zhī] – (досл.) «это задумано теми, кто питается мясом»¹², т. е. «задумано правителями», людьми, обладающими властью.

Рис. 4. Иероглиф 食 [shí] в надписях на костях (№ 1163)

Иероглиф 食 [shí] – практически не изменил значение, его основные как древние, так и современные значения совпадают: «есть», «пища», «еда»; «кормить»¹³.

Знак состоит из раскрытого рта («треугольник» сверху) и чаши на высокой подножке, наполненной едой.

¹² 古诗文网 曹刿论战 [Древняя поэзии и проза в сети: Цао Гуй рассказывает о войне]. URL: <https://so.gushiwen.cn/shiwen/0c4d9d86a850.aspx> (дата обращения 31.01.2024).

¹³ Словарь древнекитайских иероглифов / под ред. Т.Н. Никитиной, В.П. Зайцева. СПб.: Каро, 2009. 352 с.

*Этимология знаков,
связанных с совместной трапезой*

Из приведенных примеров видно, что тема пищи неоднократно отражалась в изображениях китайских письменных знаков. Перейдем к иероглифам, содержащим в себе тему *совместной* трапезы.

Рис. 5. Иероглиф 鄉 (乡) [xiāng] в надписях на костях (№ 23378) и на бронзовых сосудах (№ 11732)

Иероглиф 鄉 (乡) [xiāng] – «деревня», «село»; «родная деревня», «родина»; «округ в 12500 дворов»¹⁴.

В надписях на костях знак состоит из уже знакомой нам по прежним иероглифам наполненной едой чаши на высокой ножке, к которой добавляется рисунок сидящих по бокам людей, обращенных лицом друг к другу. В дальнейшем в истории иероглифа обнаруживается рисунок, в котором один из сидящих людей передает другому какой-то предмет (возможно, кусок чего-то съедобного). Мы предполагаем, что это акт невербальной коммуникации во время приема пищи. Знак, обозначающий коммуникацию, имеет сему «родная деревня», «родина», что перекликается с сохранившейся до наших дней современной традицией совместной трапезы родственников во время праздников.

Перейдем к анализу иероглифа 會 (会) [huì] – одного из самых древних и до сих пор часто используемых знаков китайской письменности: согласно таблице частотности «Большого китайско-русского словаря», он стоит на 35-м месте по частоте употребления¹⁵.

Иероглиф чрезвычайно многозначный, можно выделить следующие современные словарные значения:

¹⁴ Словарь древнекитайских иероглифов...

- 1) «встречать(ся)», «собираться»;
- 2) «собрание», «заседание»;
- 3) «общество», «союз»;
- 4) «ярмарка», «базар»;
- 5) «уметь», «мочь», «владеть»;
- 6) перед глаголом указывает на будущее время.

Согласно «Словарю древнекитайских иероглифов», основанному на текстах IV–I вв. до н. э., ранее этот знак имел такие значения:

- 1) «встретиться, собраться вместе» (с кем-нибудь);
- 2) «съезд, собрание князей»;
- 3) «случилось так, что...»; «как раз в это время...»¹⁶.

Можно утверждать, что основной смысл иероглифа практически не изменялся.

Впервые знак 會 [huì] встречается в надписях на гадательных костях – самом древнем известном нам варианте принятой в Китае системы письма. Знаменитый шведский Китаист Бернхард Карлгрэн (Bernhard Karlgren) интерпретировал 會 [huì] как собрание людей вокруг огня:

會 [huì] – meet together, meeting; society; inform; know, can (Fr. “savoir” in oppos. “pouvoir”); (a meeting;) a short while – [to 厶 meet (anc. Form of 集) round the fire (cf. 黑) and 日 chat]¹⁷.

Эта интерпретация вошла в китайские этимологические словари, однако она может быть подвергнута критике на основе введенных в научный оборот в 1980-е гг. относительно полных реестров надписей на гадательных костях.

Рис. 6. Иероглиф 會 [huì]
в надписях на костях (№ 1030)

¹⁵ Большой китайско-русский словарь: онлайн-словарь...

¹⁶ Словарь древнекитайских иероглифов...

¹⁷ Karlgren B. Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Taipei: Cheng-Wen publishing company, 1973.

Карлгрен предлагал рассматривать верхний элемент 亼 как одну из разнописей знака 集 [jí] – «собирать». Средняя часть интерпретируется как огонь (из-за сходства с современным написанием иероглифа 黑 [hēi] «черный»), а нижнюю часть – как 冂 [yuē] – «говорить». Однако сведения из доступных ныне надписей в стиле цзягувэнь¹⁸ исключают возможность интерпретации среднего элемента как 黑 [hēi], так как подобную форму он приобрел в более поздних надписях на бронзовых сосудах.

Рис. 7. Иероглиф 黑 [hēi] «черный» в надписях на костях (№ 31706)

Следовательно, в период, для которого фиксируются первые варианты начертания 會 [huì], знак 黑 [hēi] выглядел совершенно иначе.

Верхний элемент 亼 также не мог быть вариантом написания знака 集 [jí] – «собирать», так как имел начертание дерева и птицы/птиц, не только в стиле цзягувэнь, но и в более позднем цзинвэнь.

Рис. 8. Иероглиф 集 [jí] в надписях на костях (№ 6450)

¹⁸ 国学大师 [Реестр фрагментов с надписями в стиле цзягувэнь] // Sina.com. URL: <https://www.guoxuedashi.net/jgwhj/> (дата обращения 31.01.2024).

Данный знак является прекрасным примером эмблематического приема утращения, использованного для передачи понятия множественности [Федорова 2020, с. 67]. Его сокращенный вариант – написание \triangle – появляется не раньше I в. до н. э., т. е. примерно на 1500 лет позже рассматриваемого периода.

Из анализа древнейших знаков, содержащих похожую на \triangle графему (今 [jīn], 令 [lìng] и т. п.), можно предположить, что верхний элемент иероглифа 會 [huì] следует рассматривать как аналог части иероглифа 令 [lìng] «приказ».

Рис. 9. Иероглиф 令 [lìng] в надписях на костях (№ 14127)

Нижняя часть этого иероглифа интерпретируется как стоящий на коленях подданный (снизу), а верхняя – как раскрытый рот наделяющего властью человека, отдающего приказ. Находящийся в центре иероглифа 會 [huì] элемент следует рассматривать как рисунок, аналогичный средней части знака 曾 [céng] – «когда-то».

Рис. 10. Иероглиф 曾 [céng] в надписях на костях (№ 1012)

Его начертание отражало древний вариант популярной в Китае многоярусной пароварки 笼屉 [lóngtì] с поднимающейся над ней паром.

Рис. 11. Современные традиционные пароварки
笼屉 [lóngtì]¹⁹

Данное значение сохранилось в производном знаке 甗 [zèng] – «котел для приготовления пищи на пару».

Рис. 12. Древняя металлическая пароварка²⁰

¹⁹ Рисунок получен в свободном доступе в сети Интернет. URL: <http://www.wanxian.net/zonghe/201907/135066.html> (дата обращения 31.01.2024).

²⁰ Рисунок получен в свободном доступе в сети Интернет. URL: https://sucui.redocn.com/yishuwenhua_7531069.html (дата обращения 31.01.2024).

Если вернуться к анализируемому иероглифу 會(会) [huì], можно обнаружить, что в период более поздних надписей на бронзовых сосудах в его средней части появляются «ушки», подобные ручкам на котле (рис. 13).

Рис. 13. Иероглиф 會 [huì] в надписях на бронзе (№ 161)

Сопоставляя приведенные факты, можно с большой долей уверенности предполагать, что средняя часть иероглифа обозначала сосуд для приготовления еды с кусочками пищи в нем (в виде точек).

Рис. 14. Иероглиф 會 [huì] (слева) и 曾 [céng] (справа) в словаре «Объяснение простых и толкование сложных знаков» (создан в 121 г. н. э.)²¹

²¹ 许慎撰. 说文解字 天津市古籍书店1991 [Сюй Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков]. Тяньцзиньское книгоизд-во древней литературы, 1991.

Ко II в. иероглифы 會 [huì] и 曾 [céng] приобрели практически идентичное написание нижней части. Изогнутая вверх черта, присутствовавшая в то время в написании нижней части у 會 [huì] и 曾 [céng], полностью соответствует написанию иероглифа 曰 [yuē] «говорить», который интерпретируется как рисунок открытого рта с языком.

Рис. 15. Иероглиф 曰 [yuē] «говорить»
в словаре «Объяснение простых и толкование сложных знаков»
(создан в 121 г. н. э.)²²

Таким образом, можно видеть, что в иероглифе 會(會) [huì] нижний элемент в действительности являлся открытым ртом говорящего – 曰 [yuē], хотя в современном знаке после упрощения стала писаться графема «солнце» 日 [rì]. В центральной части находится рисунок сосуда, использовавшегося для приготовления пищи на пару, а верхний элемент является открытым ртом другого человека, возможно, находящегося выше по иерархии.

Из приведенного анализа следует, что рисунок иероглифа 會 [huì] является изображением собрания людей (вокруг сосуда с пищей), во время которого происходит обсуждение каких-то вопросов, это акт вербальной коммуникации во время трапезы, т. е. в письменных источниках эпохи, наиболее близкой ко времени создания иероглифической письменности (династия Шан 商代 1600–1046 гг. до н. э.), иероглиф 會(會) [huì], как и ныне, воспринимался носителями языка именно как встреча, собрание людей для обсуждения каких-либо вопросов, а его графическое представление передавало традиционный вид такого собрания: не просто встреча людей (например, у костра), а именно за трапезой.

²² Ibid.

Заключение

Проведенный в работе анализ исторических, этнографических и лингвистических данных свидетельствует о том, что в Китае совместное употребление пищи представляет собой универсальный очень важный ритуал, который помогал и помогает во время разделения пищи с присутствующими обмениваться информацией и укреплять социальные связи. Благодаря анализу наиболее древних знаков, удалось установить, что этой древней традиции не менее 3500 лет. Возможно, этой древностью и обусловлено почти сакральное отношение китайцев к еде, связанными с ней ритуалами и разговорами за столом. Знание этой особенности китайского менталитета чрезвычайно важно учитывать в процессе международных обменов и поездок в Китай.

Литература

- Байбурин, Топорков 1990 – *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.
- Барт 2003 – *Барт Р.* К психосоциологии современного питания // Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
- Богаевская 2021 – *Богаевская В.В.* Понятие ритуала в китайской кухне // Россия–Китай: история и культура: Сб. статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции, Казань, 11–13 ноября 2021 г. / Казан. (Приволж.) федер. ун-т, Ин-т междунар. отношений, Ин-т Конфуция; науч. ред. Р.Р. Хайрутдинов [и др.]. Казань, 2021. С. 23–28.
- Гао 2022 – *Гао Ч.* К исследованию культуры и традиций принятия пищи в России и Китае // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 3-1. С. 96–103. DOI:10.34670/AR.2022.51.45.014. EDN UEEMGJ.
- Ду 2023 – *Ду Б.* Новогодняя трапеза как объект нематериального культурного наследия Китая // Культура. Наука. Творчество: XVII Международная научно-практическая конференция, Минск, 11 мая 2023 г. Минск: Белорусский государственный ун-т культуры и искусств, 2023. С. 98–102. EDN ZAESDE.
- Зиммель 2010 – *Зиммель Г.* Социология трапезы // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 187–192.
- Федорова 2020 – *Федорова Л.Л.* Линейный и эмблематический принципы в письме и в языке / Российский государственный гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики. М.: РГГУ, 2020. 267 с.
- Шестакова 2020 – *Шестакова Э.Г.* Кулинарный медиатекст в контексте проблем медиалингвистики: постановка и обоснование основных задач // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 1. С. 118–141. DOI: 10.21638/spbu22.2020.110. EDN GJDMJD.

- Якуничкина 2019 – Якуничкина А.А. Особенности межкультурной коммуникации Китая и России при деловом общении // *ADVANCED SCIENCE: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: В 2 ч. Пенза, 23 мая 2019 г. / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Т. 1. Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.)*, 2019. С. 184–186. EDN AINJGS.
- Ching Chan 2010 – *Ching Chan S. Food, memories, and identities in Hong Kong // Identities global studies in culture and power. 2010. Vol. 17. No. 2–3. P. 204–227.*

References

- Barthes, R. (2003), “On a psychosociology of contemporary food consumption”, in Barthes, R., *Sistema mody: Stat'i po semiotike kul'tury* [The fashion system. Articles on semiotics of culture], Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, Moscow, Russia.
- Bayburin, A. and Toporkov, A. (1990), *U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki* [At the origins of etiquette. Ethnographic essays], Nauka, Leningrad, USSR.
- Bogaevskaya, V.V. (2021), “Ritual in chinese cuisines”, in *Rossiya – Kitai: istoriya i kul'tura: Sb. statei i dokladov uchastnikov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 11–13 noyabrya 2021 g.* [Russia – China. History and culture. Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference, Kazan, 11–13 November 2021], Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia, pp. 23–28.
- Ching Chan, S. (2010), “Food, memories, and identities in Hong Kong”, in *Identities global studies in culture and power*, vol. 17, no. 2–3, pp. 204–227.
- Du, B. (2023), “New year's meal as an object of China's intangible cultural heritage”, in *Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo: XVII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Minsk, 11 maya 2023 g.* [Culture. Science. Arts. 17th International Scientific and Practical Conference, Minsk, 11 May 2023], Belorusskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv, Minsk, Belarus, pp. 98–102.
- Fedorova, L.L. (2020), *Lineinyi i emblematicheskii printsipy v pis'me i v yazyke* [Linear and emblematic principles in writing and in language], RGGU, Moscow, Russia.
- Gao, Ch. (2022), “On the study of the eating culture and traditions in Russia and China”, *Culture and Civilization*, vol. 12, no. 3-1, pp. 96–103.
- Shestakova, E.G. (2020), “Culinary media text in the context the issues of media linguistics. Statement and substantiation of the main tasks”, *Media Linguistics*. vol. 7, no. 1, pp. 118–141.
- Simmel, G. (2010), “The sociology of the meal”, *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, no. 4, pp. 187–192.
- Yakunichkina, A.A. (2019), “Features of intercultural communication between China and Russia in business communication”, in *ADVANCED SCIENCE: Sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 23 maya 2019 g.* [ADVANCED SCIENCE. Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Penza, 23 May 2019], Nauka i prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.), Penza, Russia, vol. 1, pp. 184–186.

Информация об авторе

Виталий Я. Парамонов, Издательство «Жэньминь Хуабao», Пекин, КНР; 100048, КНР, Пекин, р-н Хайдянь, ул. Чэгунчжуансилу, д. 33; pvy@mail@mail.ru

Information about the author

Vitalii Ya. Paramonov, “Renmin Huabao” publishing house, Beijing, China; 33, Chegongzhuang Xilu, Haidian District, Beijing, China, 100048; pvy@mail@mail.ru

Эпистолярный диалог М. Цветаевой и Р.М. Рильке
как взаимное эмоциональное воздействие
и как творческая предыстория
поэмы М. Цветаевой «Новогоднее»

Виолетта М. Хаимова

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Московская международная академия, Москва, Россия,
vm@inyaz-mil.ru*

Аннотация. Статья посвящена эпистолярному диалогу М. Цветаевой и Р.М. Рильке 1926 г., в котором отразилось эмоциональное воздействие поэтов друг на друга, родственность мироощущения, созвучие в мыслях и образах. Он важен также и как творческая лаборатория, в которой вызревают те образы понятий «поэт» и «поэтический язык», которые отразятся в поэме Цветаевой «Новогоднее».

Ключевые слова: М. Цветаева, Р.М. Рильке, эпистолярный диалог, эмоциональное воздействие, поэт, поэтический язык

Для цитирования: Хаимова В.М. Эпистолярный диалог М. Цветаевой и Р.М. Рильке как взаимное эмоциональное воздействие и как творческая предыстория поэмы М. Цветаевой «Новогоднее» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 183–195. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-183-195

The epistolary dialogue
between M. Tsvetaeva and R.M. Rilke
as a mutual emotional impact and as a creative prehistory
to M. Tsvetaeva's poem "Novogodnee"

Violetta M. Khaimova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow International Academy, Moscow, Russia, vm@inyaz-mil.ru*

Abstract. The article deals with the epistolary dialogue between Tsvetaeva and Rilke which took place in 1926 and reflected an emotional impact of the poets on each other, harmony of their thoughts and images. The dialogue was

also important as a creative laboratory where the images of the concepts of “poet” and “poetic language” could mature and be reflected in Tsvetaeva’s poem “Novogodnee”.

Keywords: M. Tsvetaeva, R.M. Rilke, epistolary dialogue, emotional impact, poet, poetic language

For citation: Khaimova, V.M. (2024), “The epistolary dialogue between M. Tsvetaeva and R.M. Rilke as a mutual emotional impact and as a creative prehistory to M. Tsvetaeva’s poem ‘Novogodnee’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 183–195, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-183-195

Целью исследования является выявить особенности диалога в письмах между М. Цветаевой и Р.М. Рильке как формы самовыражения поэтов и их взаимного эмоционального воздействия, а также пути совместного поиска ключевых образов и понятий поэзии. В анализе материал текстов писем дополняется последним актом переписки – поэмой «Новогоднее», написанной после кончины Р.М. Рильке, которая стала не только органичным продолжением переписки, но и конечным ее аккордом.

Переписка Р.М. Рильке и М. Цветаевой является частью переписки Р.М. Рильке, Б. Пастернака и М. Цветаевой, которая началась в 1926 г. 10 писем Цветаевой к Рильке и еще одно, «посмертное», были открыты в начале 1977 г. (Цветаева наложила 50-летний запрет на их публикацию). Письма написаны по-немецки. Они появились в печати в 1990 г. под ред. К. Азадовского¹. Вслед за тем было опубликовано дополненное издание писем².

М. Цветаева обязана знакомству с Р.М. Рильке Б. Пастернаку, переписка с которым началась у нее летом 1922 г., когда Цветаева, уехав из России, жила в Берлине. Потрясенный цветаевскими стихами из сборника «Вёрсты» (М., 1922), Б. Пастернак пишет ей восторженное письмо. В свою очередь, Б. Пастернак заочно познакомился с Рильке через своего отца, Л.О. Пастернака, который был знаком с Рильке и поздравил его в декабре 1925 г. с 50-летием. В поздравительном письме Л.О. Пастернак упомянул

¹ Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева: Письма 1926 года / подгот. текстов, сост., предисл., пер., коммент. К.М. Азадовского, Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. М.: Книга, 1990. 255 с.

² Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / вступ. ст., сост., подгот. текстов, пер. и примеч. К.М. Азадовского. СПб.: Акрополь, 1992. 383 с., ил.

о своем сыне – горячем поклоннике поэзии Рильке, Рильке уже был знаком со стихами Б. Пастернака и лестно отозвался о них в ответном письме. Узнав об этом, Б. Пастернак 12 апреля 1926 г. пишет Р.М. Рильке единственное, столь же восторженное письмо, в котором говорит о Марине Цветаевой, поэте большого таланта, и сообщает ее парижский адрес в надежде, что через Цветаеву можно будет вести переписку, так как со Швейцарией, где в это время находился Рильке, у России сообщения не было³.

Активная переписка Цветаевой и Рильке продолжалась с 3 мая до 19 августа 1926 г. Рильке ответил не на все письма Цветаевой (без ответа остались письма от 22 августа и от 7 ноября). К. Азадовский в комментариях отметил, что причиной могла стать «цветаевская безудержность и чрезмерность, ее нежелание считаться с обстоятельствами и условностями, стремление быть для Рильке “единственной Россией...”» [Азадовский 1992, с. 32]. Возможно, это связано с тем, что, хотя Рильке в письме от 10 мая дает Цветаевой понять о своем нездоровье: «...я и сам теперь с ним (т. е. с человеком-Рильке. – В. Х.) в разладе, с его телом...» [Азадовский 1992, с. 59], Цветаева, скорее всего, не осознавала серьезность этого «разлада». Рильке скончался 29 декабря 1926 г.

К. Азадовский назвал письма Цветаевой к Рильке «явлением особого рода». «К ним не приложимо традиционное наименование “эпистолярная проза”». Они являют собой «необычный и нетрадиционный жанр, который правильнее назвать эпистолярной лирикой» [Азадовский 1992, с. 31]. Переписку Цветаевой и Рильке, ее стиль и характер К. Азадовский именует «эпистолярным диалогом» [Азадовский 1992]. Мы также будем называть эту переписку эпистолярным диалогом.

Диалог – одна из форм речевой коммуникации – восходит к греческому *dialogos* («беседа, разговор двоих или более лиц; буквально – речь через»). По мысли Л.В. Щербы, «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге»⁴. Участники диалога вступают в общение, в результате чего возникает «сотворчество понимания» [Бахтин 1979, с. 346]. Речевое взаимодействие «предполагает рассмотрение языковых фактов в структуре общения, понимаемого как взаимодействие, воздействие, сообщение и самовыражение»⁵. В случае с эпистолярным диалогом можно отметить, что в письмах,

³ Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева: Письма 1926 года...

⁴ Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие. СПб., 1915. Т. 1. С. 3.

⁵ Федорова Л.Л. Теория речевой коммуникации и грамматика диалога // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии:

вероятно, заложен некий порождающий мысли, чувства, образы механизм, который черпает свою силу в потребности передать эмоцию, мысль. Диалог в переписке поэтов становится главным механизмом смысло- и текстопорождения. Потенциал письма возрастает, когда пера касаются такие крупнейшие лирические поэты XX в., как Рильке и Цветаева.

В первом же своем письме, от 3 мая, Рильке присылает Цветаевой «Дуинские элегии» и «Сонеты к Орфею». «Элегии» сопровождаются стихами:

Касаемся друг друга. Чем? Крылами.
Издаюла свое ведем родство.
Поэт *один*. И тот, кто *нес* его,
Встречается с *несущим* временами⁶.

В этих строках начинает звучать и далее получает развитие важнейшая для поэтов тема – поэтического начала и воплощения его в каждом отдельном поэте. Здесь «сокрыт, собственно, образ Всадника...»: «двуединство поэзии и “несущей” ее природы», по словам К. Азадовского [Азадовский 1992, с. 24]. Попробуем дать свое понимание: начало, несущее поэта, – сама поэтическая стихия, явленная всякий раз в поэте. Эти строки Рильке отсылают к единственному письму Б. Пастернака к Рильке, в котором Пастернак просит Рильке прислать «Дуинские элегии» М. Цветаевой. На свой же вопрос «зачем?» он отвечает: «Может быть, для поэта, который вечно составляет содержание поэзии и в разные времена именуется по-разному»⁷.

Цветаева в письме от 13 мая созвучна Рильке: «Райнер, Райнер, ты сказал мне это, не зная меня, как слепой (зрячий!) – наугад» (66).

И Рильке, и Цветаева испытали сильнейшее потрясение от «родственности голоса», о чем они пишут друг другу. Рильке в письме от 10 мая, отвечая на письмо Цветаевой от 9–10 мая⁸, пишет:

Научно-методические материалы / В.И. Тюпа и др. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. С. 105.

⁶ Небесная арка... С. 23. В дальнейшем ссылки приводятся в тексте по этому изданию с указанием в скобках страницы.

⁷ Письма 1926 года... С. 64.

⁸ См. комментарии К. Азадовского: «Датируя письмо 9–10 мая, т. е. днем предполагаемого получения его в Швейцарии, Цветаева как бы стремилась преодолеть отделяющее ее от Рильке пространство и время, всецело приблизиться к нему» [Азадовский 1992, с. 243–244].

«Что сказать: все мои слова (будто они уже присутствовали в твоём письме, как бы до выхода на сцену), все мои слова разом рвутся к тебе...» (58). В письмах поэты мыслят и чувствуют в унисон, они «вживаются», по выражению Рильке, в письма друг друга. В каждом письме – мощный импульс воздействия и взаимовлияния. Рильке: «Каждый раз, когда я пишу тебе, я хочу писать, как ты, *высказать себя по-твоему*, при помощи твоих невозмутимых и все же таких волнующих средств» (письмо от 28 июля) (96).

Для Цветаевой и Рильке пространство письма – это особое духовное пространство, где они обретают свой собственный голос, это пространство разреженное, оно как бы лишено материальности. В первом же письме Цветаевой творится образ-миф Рильке-духа: «Вы – воплощенная пятая стихия: сама поэзия», «Вы – то, из чего рождается поэзия», «Речь идет не о человеке-Рильке, а о духе Рильке, который еще больше поэта...» (52). Цветаева пытается определить явление Рильке, соотнеся его с современностью, но тут же раздвигает эти рамки: «Ваше имя не рифмуется с современностью, оно из прошлого или из будущего, *издалека*» (здесь и далее курсив М. Цветаевой. – В. Х), «Вы должны... охватить себя во всю даль и ширь» (52). Рильке в сознании Цветаевой обретает и пространственную выраженность: «Рильке – моему самому любимому на земле и *после* земли (*над* землей!)»⁹.

По мысли Цветаевой, поэт – это «человек сути вещей»¹⁰: «Вы возвращаете словам их *изначальный* смысл, вещам же – их *изначальные* слова (ценности)» (53). Цветаева характеризует Рильке «как чисто-человеческое (божественное явление)» (54). Рильке, таким образом, предстает в своей и человеческой, и поэтической сущности, и Цветаева пытается объединить их, и это граничит с драматизмом, так как этот конфликт присутствует и в себе самой: «телесное»–«духовное». Этот образ, выражающий нераздельность человеческого и поэтического, был явлен Рильке. Образ оказался созвучен и Цветаевой: «...и человека Рильке, который еще больше поэта... ибо он несет поэта (рыцарь и конь: ВСАДНИК), я люблю неотделимо от поэта» (письмо от 13 мая) (67).

В письме Рильке от 17 мая начинает звучать важнейшая «звездная» тема, которая получит развитие и в «Элегии для Марины», и в последующих письмах обоих поэтов, и в поэме «Новогоднее».

⁹ Строки Цветаевой на подаренной Рильке книге «Психея. Романтика» [Азадовский 1992, с. 248].

¹⁰ *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 296.

Важнейшей темой их эпистолярного диалога становится тема языка. В письме от 17 мая Рильке пишет о «затрудненности» ее немецкого, но одновременно отмечает, что Цветаевой удастся и в немецком языке выразить себя: «Какой ты обладаешь силой... что и в этом языке способна достигать своей цели, быть точной и оставаться собой. *Твоя* поступь, напоминающая о ступенях, твой голос, *Ты*. Твоя легкость, твоя спокойная, твоя щедрая тяжесть» (74).

При этом Рильке признается в «переоценке своих сил» относительно знания русского языка (прежде всего это касается книг Цветаевой), хотя здесь же отмечает, что русские письма он читает свободно. При этом Рильке делает важное замечание: «...и часто какое-нибудь из них видится мне в *таком* свете, при котором все языки – *один* язык (а этот, твой, русский, и без того очень близок ко *всеобщему!*) – не потому ли я и переоценил свои силы?..» (74). Важнейшую тему этого письма, тему «всеобщего» языка, Цветаева развивает в письме от 6 июля. Стараясь постичь упомянутый Рильке «один» язык, объединяющий поэтов, Цветаева неизбежно переосмысливает словосочетание «родной язык»: «Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь то французский или немецкий – неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелагать» (92), – пишет она. Таким образом, «родной» несет двойкий смысл: общепринятый («Для поэта нет родного языка») и переосмысленный («Поэзия – уже перевод. С родного языка на чужой...»), т. е. контекст актуализирует значение «родного» языка как наиболее приближенного к поэтическому творческому началу. В связи с этим Цветаева пишет о «над-национальности» поэта: «Для того и становишься поэтом (если им вообще можно *стать*, если им не *являешься* отродясь!), чтобы не быть французом, русским, и т. д., чтобы быть – всем» (92), и понятие «родной язык» несет смысл вторичности, а «родной» означает «всеобщий»: «Ибо немецкий ближе всех к родному. Ближе русского, по-моему. Еще ближе» (93).

На письмо Рильке от 17 мая Цветаева ответила только 3 июня письмом о любви и об «отказе», ибо поняла письмо Рильке по-своему, как намек на желание одиночества, так необходимого для творчества. Отсюда мотив письма «не быть – Умереть!». Здесь звучит характерный для творчества Цветаевой мотив дробящей сущности жизни. Цветаева пишет, что «до жизни человек – *все* и *всегда*, живя жизнь он – *кое-что* и *теперь*» (76). Цветаева пишет, что любовь «раздробилась на дни и письма, часы и строки <...> Перемещение из Всегда в Теперь. Отсюда – терзание, счет дней, обесцененность каждого часа, час – лишь ступень к письму <...> Чего я от тебя хотела? Ничего. Скорее уж – возле тебя. Быть может, просто – к тебе.

Без письма – без тебя, с письмом – без тебя, с тобой – без тебя. В тебя. Не *быть* – Умереть! Такова я. Такова любовь – во времени. Неблагодарная, сама себя уничтожающая...» (77). «Не *быть* – в данном контексте может быть прочитано как «раствориться в любимом, обезличиться»¹¹.

В ответном письме от 8 июня Рильке присылает Цветаевой «Элегию для Марины», которая вписывает все явления в единое мирозданье, в котором «все смирено, все постоянно в космическом целом. И наша внезапная гибель / Святого числа не уменьшит. Мы падаем в первоисточник / И, в нем исцелясь, встаем (пер. З. Миркиной)» (86).

«Элегией», таким образом, Рильке отвечает Цветаевой на мотив «отказа», мотив «не быть – Умереть»: «Любящие – вне смерти» (87); мотив дробящей сущности жизни: «Там, в мировой сердцеvine, там, где ты любишь, / Нет преходящих мгновений» (87).

Венчает «Элегию» мотив «полноты бытия», к которой «приведет лишь одиноко прочерченный путь», где «каждый восполниться должен сам, дорастая, как месяц ущербный, до полнолуния» (87).

Цветаева в письме от 14 июня цитирует слова и строки «Элегии» и в том числе пишет следующее: «И все равно это зовется лишь так: я люблю тебя» (91). В самой структуре – некая полемичность высказывания¹².

Вслед за письмом от 14 июня Цветаева пишет письмо от 6 июля, где развивает тему «всеобщего» языка. Письмо, полное эмоционального растворения в адресате! Письмо с многочисленными

¹¹ См. примеч. К. Азадовского: «За этими суждениями Цветаевой о любви как “самоуничтожении” в другом человеке кроется, с одной стороны, романтическое представление о тождественности любви и смерти, с другой – характерно цветаевское стремление отрешиться от “жизни”, уйти от “самой себя”, перевоплотиться – через любовь! – в “душу”, “не быть”... Впрочем, понятия “быть” и “не-быть” подвижны в рассуждениях Цветаевой, как “жизнь” и “смерть”, “бытие” и “небытие”. Так в “Повести о Сонечке” (1938) обыграно: “Сонечкино *любить* было – быть: *небыть* в другом: сбиться...”» [Азадовский 1992, с. 265].

¹² См. примеч. К. Азадовского: «Эти слова – возражение Рильке, завершившего “Элегию” строчками о том, что полнота бытия (*Vollsein*) достижима лишь на путях одинокого существования. Такой же “одинокой”, по Рильке, должна быть и любовь – неразделенная, “интранзитивная”. Цветаева же, со своей стороны, утверждала (см. ее письмо к Рильке от 3 июня), что любовь – самоуничтожение, полное растворение себя в другом, “слияние душ”, возможное лишь вне “жизни”» [Азадовский 1992, с. 277].

отсылками к стихам Рильке и других поэтов. В ответном письме от 28 июля Рильке развивает мотив «звезды», который становится лейтмотивом письма: «Как отражение звезды твоя речь, Марина, когда оно появляется на поверхности воды и, искаженное, встревоженное водою, жизнью воды, струями ее ночи, ускользает и возникает снова, но уже на большей глубине, как бы сроднившись с этим зеркальным миром, и так после каждого исчезновения: все глубже в волнах! (Ты – большая звезда!)» (96). Звезда приобретает символическое звучание: «поэт, вознесенный к звездам! <...> Наконец-то “слава”! – превыше табличек с названием улицы» (97).

В ответ Цветаева шлет 2 августа страстное письмо, но «страстное» по-цветаевски: страсть в нем одухотворенная: «Я звук иной, чем страсть» (101). Цветаева пишет в нем о «совместном сне»¹³. 14 августа Цветаева пишет Рильке, не дождавшись ответа на письмо от 2 августа, которое он получил позже обычного. В письме – надежда на встречу – зимой, осенью или весной. Письмо Рильке от 19 августа – ответ на письмо Цветаевой от 2 августа.

Важнейшая тема письма – тема «гнезда» – ответ на «совместный сон» из письма Цветаевой. Рильке пишет: «Если я менее уверен в том, что нам дано соединиться друг с другом, стать словно два слоя, два нежно прилегающих пласта, две половинки одного гнезда (...как будет гнездо по-русски (забыл!), гнездо для сна, где обитает большая птица, хищная птица Духа... если я менее (чем ты) уверен... (быть может, из-за той необычной и неотступной тяжести, которую я испытываю...), так что я жду теперь не самих вещей, когда они ко мне просятся, а какой-то особенной и верной помощи от них, соизмеримой поддержки?»). В ответном письме от 22 августа Цветаева продолжает настаивать на встрече: «Райнер, вполне серьезно: если ты в самом деле, глазами, хочешь меня видеть, *ты* должен действовать <...> Теперь это в твоих руках. Можешь, если хочешь... разъять их. Я все равно буду любить тебя – ни больше, ни меньше» (198), и добавляет, что «Nest – по-русски – гнездó (в единственном числе – рифм не имеет). Множественное число: гнезда (с мягким е, ё, почти о – в произношении). Рифма: звезды» (109). Она в этом письме

¹³ См. примеч. К. Азадовского: «Такого же рода лирические излияния можно найти и в стихах, и в прозаических произведениях Цветаевой. См., например, заключительную строку ее стихотворения “Мировое началось во мгле кочевье...” (1917): “И мне хочется к тебе на грудь – спать” <...> Слово “спать” в этих откровенных признаниях выступает у Цветаевой как производное от романтически понятого “сна”, то есть не столько в значении “Schlaf” (состояние сна), сколько в значении “Traum” (сновидение)» [Азадовский 1992, с. 286].

находит очень точные слова для явления Рильке: «Я радуюсь тебе так, словно ты – целая и *всецело* новая страна» (109). Письмо остается без ответа. 7 ноября Цветаева отправляет открытку из Беллеву под Парижем: «Дорогой Райнер! Здесь я живу. – Ты меня еще любишь?» (111).

Рильке скончался 29 декабря 1926 г. Его смерть была полной неожиданностью для Цветаевой. 31 декабря она пишет Рильке «посмертное» письмо¹⁴. В нем она продолжает диалог с ним: «Год кончается твоей смертью? Конец? Начало! <...> Милый, раз ты умер – значит, нет никакой смерти (или никакой жизни!) <...> Райнер, а как же гнездо для сна? Ты ведь теперь знаешь по-русски и знаешь, что Nest – *гнездо*, и многое другое <...> Сегодня в полночь я чокнусь с тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!) <...> С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!» (113–114).

Важнейшей особенностью эпистолярного диалога является то, что, оборвавшись по причине смерти Рильке, он продолжается Цветаевой в ее поэме-письме «Новогоднее», которая теснейшим образом связана с перепиской поэтов еще и общностью поэтических образов. «Новогоднее» продолжает исповедальность писем, даже усиливает ее, делает предельной, ибо речь идет об утрате человеческой и духовной.

Поэма «Новогоднее» была дописана 7 февраля 1927 г. на сороковой день со дня ухода Рильке. В ее организации присутствуют все черты письма: «Цветаева заканчивает “Новогоднее” так же, как заканчиваются все письма – адресом и именем адресата»¹⁵. В письме к Е.А. Черносвитовой, секретарю Рильке в 1926 г., Цветаева также называет поэму «письмом»: «Ваше письмо застаёт меня в полном (и трудном) разгаре моего письма – к нему, невозможного, потому что нужно сказать все. Этим письмом с 31 декабря – *живу*... Это письмо, похоже, никогда не кончу, потому что когда “новости” изнутри... Еще останавливает меня его открытость (письма). Открытое письмо от меня – ему <...> Письмо, которое будут читать все, кроме него!» (117).

Поэма-письмо «Новогоднее» – уникальная поэтическая попытка Цветаевой последовать за духом Рильке по ту сторону бытия. В поэме отразились мотивы эпистолярного диалога, «Элегии для

¹⁴ См. примеч. К. Азадовского: «Это написанное по-немецки письмо Цветаева вложила в конверт с письмом к Б.Л. Пастернаку от 1 января 1927 г. Оригинальный текст не обнаружен» (294).

¹⁵ *Бродский И.* Об одном стихотворении // Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1997. С. 77–155.

Марины», «посмертного» письма Цветаевой к Рильке. Поэму пронизывает и мироощущение Рильке с его идеей всеединства.

Стремление Цветаевой постичь явление смерти – и трудность этого постижения – выразилось в усложненных синтаксических конструкциях.

В «Новогоднем» Цветаева продолжает развивать важнейшую тему писем – тему «всеобщего» языка. Цветаева создает образ «все-язычности», который соприроден «всеобщности» языка Рильке. Далее Цветаева выстраивает некую иерархию, когда пишет об «ангельском»: «(пусть русского родней немецкий / Мне, – всех ангельский родней!)» (127), т. е. «ангельский» лишен языковых различий и в наибольшей степени способен выразить сокровенное душевное состояние. Он, таким образом, становится синонимичен «родному» в расширительном значении.

Цветаева в «Новогоднем» поэтически «достраивает» образ поэта Рильке, который только после смерти обретает свою абсолютную законченность. Тема целостности, волновавшая Рильке в жизни и в творчестве и отразившаяся в переписке поэтов, продолжает развитие в поэме и становится одной из важнейших. Тема целостности, до воплощения смыкается с темой «того света», также отраженной в диалоге. «Тот свет» получает в контексте поэмы иное значение. Это пространство духа, где осуществляется иное бытие. «Тот свет» – необходимое условие до воплощения, слияния со своей изначальной сущностью: «Настоятельно, всенепременно / Первое видение вселенной / (Подразумевается поэта / В одной) и последнее – планеты, / Раз только тебе и данной в – целом! / Не поэта с прахом, духа с телом / (Обособить – оскорбить обоих) / А тебя – с тобой, / тебя – с тобою ж, / Быть Зевесовым не значит – лучшим – / Кастора – тебя с тобой – Поллуксом, / Мрамора – тебя с тобою – травкой, / Не разлуку и не встречу – ставку / Очну: и встречу и разлуку / Первую» (128)¹⁶.

Цветаева пытается осознать это мыслимое потустороннее пространство и обитание в нем Рильке-духа. Она определяет это

¹⁶ См. примеч. К. Азадовского: «Кастор и Поллукс (Полидевк) – в античной мифологии неразлучные братья, сыновья Леды. По смерти Кастора Поллукс, сын Зевса, поделился с братом своим бессмертием, после чего они поочередно пребывают: один на Олимпе, другой – в Аиде. Цветаева использует этот образ как символ неразделенности смерти и бессмертия, реального и идеального. Согласно Цветаевой, умерший и живой Рильке, его тело и дух столь же двуедины, как Кастор и Поллукс, как надгробный мрамор и могильная трава, как разлука и встреча, как небывшее и бывшее» [Азадовский 1992, с. 311].

пространство как «третье» – не жизнь и не смерть. Тема бессмертия утверждается ею самим стихом, его рифмами: «Что мне делать в новогоднем шуме / С этой внутреннею рифмой: Райнер умер. / Если ты, такое око смерклось, / Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть. / Значит – тмится, допойму при встрече! – Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье, / Новое» (129).

В своем исследовании И. Шевеленко отмечает: «Существование некой целостности, объемлющей, включающей в себя разьединенные и противопоставленные земным сознанием понятия жизни и смерти, выводится Цветаевой из онтологии поэтического языка, которому дано открывать “третье, новое”, воссоединяя слова в рифменном созвучии» [Шевеленко 2002, с. 345]. Цветаева начинает рифмовать имя Рильке со все большим количеством слов: «С незастроеннейшей из окраин – / С новым местом, Райнер, светом, Райнер! / С доказуемости мысом крайним – С новым окном, Райнер, слухом, Райнер!» (130), таким образом расширяя присутствие Рильке в мыслимом пространстве: «С новым звуком, Эхо! / С новым эхом, Звук!» (130).

Смерть как явление переосмысливается: оно обозначается уже не многоточием, а «целым рядом новых рифм», «значений и созвучий новых» (131).

Заключительные строки поэмы: «В небе Лестница, по ней с Дарами...¹⁷ / С новым рукоположеньем, Райнер!» (131) окончательно утверждают Рильке в мыслимом духовном пространстве: бессмертия.

Итак, проведенный анализ эпистолярного диалога между Цветаевой и Рильке 1926 г., включающего и «Элегию для Марины» Рильке, и «посмертное» письмо Цветаевой, выявил его исповедальность, эмоциональное воздействие поэтов друг на друга, чуткость к образам, мотивам их поэзии, которые развиваются от письма к письму. Поэты пытаются определить суть таких понятий, как «поэтический язык», «поэт».

На наш взгляд, значимость эпистолярного диалога выразилась в одном из писем, где Цветаева говорит об особенностях своего творчества: «Глубоко погрузить в себя и через много дней или лет – однажды – внезапно – возратить фонтаном, перестрадав, просветлев: глуть, ставшая высью» (89). «Глутью, ставшей высью» явилась поэма «Новогоднее», которая является неотъемлемым звеном эпистолярного диалога: оборвавшись по причине

¹⁷ «Дары – то есть хлеб, вино, свечи и т. п., приготовляемые особым образом для богослужения, приносятся мирянами в церковь на сорокодневное поминовение усопшего (сорокоустие)» [Азадовский 1992, с. 313].

смерти Рильке, диалог продолжается Цветаевой в поэме-письме «Новогоднее», адресат которого – дух Рильке. В поэме получают поэтическое воплощение такие мотивы переписки, как мотив «всеобщего языка», целостности, довыполненности, жизни и смерти, «того света», гнезда и звезд. В поэме-письме «Новогоднее» Цветаева поэтически «добраивает» образ поэта Рильке, который только после смерти обретает свою абсолютную законченность. По мысли И. Бродского: «Помимо конкретного, умершего Рильке, в стихотворении (т. е. в «Новогоднем». – В. Х.) возникает образ (или идея) “абсолютного Рильке”, переставшего быть телом в пространстве, ставшего душой – в вечности»¹⁸.

Литература

- Азадовский 1992 – *Азадовский К.М.* Орфей и Психея // Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / вступ. ст., сост., подгот. текстов, пер. и примеч. К.М. Азадовского. СПб.: Акрополь, 1992. 383 с.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Из записей 1970–1971 гг. // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 361–370.
- Шевеленко 2002 – *Шевеленко И.* Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.

References

- Azadovskii, K. (1992), “Orpheus and Psyche”, in Azadovskii, K., ed., *Nebesnaya arka: Marina Tsvetaeva i Rainer Maria Ril'ke* [Heavenly arch. Marina Tsvetaeva and Rainer Maria Rilke], Akropol', Saint Petersburg, Russia.
- Bakhtin, M. (1979), “From the recordings of 1970–1971”, in *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creative work], Iskusstvo, Moscow, USSR, pp. 361–370.
- Shevelenko, I. (2002), *Literaturnyi put' Tsvetaevoi: Ideologiya – poetika – identichnost' avtora v kontekste epokhi* [Tsvetaeva's literary path. Ideology – poetics – author's identity in the context of the era], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

¹⁸ Бродский И. Указ. соч. С. 85–86.

Информация об авторе

Виолетта М. Хаимова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;

Московская международная академия, Москва, Россия; 129075, Москва, ул. Новомосковская, д. 15А, стр. 1; vm@inyaz-mil.ru

Information about the author

Violetta M. Khaimova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Moscow International Academy, Moscow, Russia; bldg. 15A, bld. 1, Novomoskovskaya St., Moscow, Russia, 129075; vm@inyaz-mil.ru

УДК 81'28(430+436)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-196-206

Сопоставление ценности *Glaube* в немецкой и австрийской лингвокультурах

Анна И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, *chloпова_anna@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является сопоставительный анализ содержания ценности *Glaube* в немецкой и австрийской лингвокультурах. Лингвисты полагают, что содержание ценности возможно установить на основе данных лексикографических источников ввиду того, что наше мышление и речь непосредственным образом связаны между собой. Однако определить различия в содержании ценности двух разных лингвокультур, носители которых говорят на одном языке, представляется довольно сложным. Для установления содержания ценности *Glaube* в немецкой и австрийской лингвокультурах, а также для сопоставления полученных данных автор обращается к результатам свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями обеих лингвокультур в 2023 г. Полученные данные количественно и качественно сопоставимы. На существующие отличия между немецкой и австрийской лингвокультурой указывают дополнительно выделенные интегративные признаки. Важным является также выделение большого количества отрицательных реакций, которые могут свидетельствовать о семантической трансформации ценности *Glaube*.

Ключевые слова: ценность, *Glaube*, свободный ассоциативный эксперимент, эмоционально-оценочные реакции, австрийская лингвокультура, немецкая лингвокультура

Для цитирования: Хлопова А.И. Сопоставление ценности *Glaube* в немецкой и австрийской лингвокультурах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 196–206. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-196-206

© Хлопова А.И., 2024

Comparison of *Glaube* value in German and Austrian linguocultures

Anna I. Khlopova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
chlopova_anna@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is a comparative analysis of the value *Glaube* in German and Austrian linguistic cultures. Linguists believe that the content of a value can be established on the basis of data from lexicographic sources due to the fact that our thinking and speech are directly related to each other. However it seems rather difficult to determine the differences in the value content of two different linguistic cultures whose natives speak the same language, it seems quite difficult to establish differences in the content of the value of each of the linguistic cultures. To establish the content of the *Glaube* value in the German and Austrian linguistic cultures, as well as to compare the data obtained, the author turns to the results of a free associative experiment conducted with speakers of both linguistic cultures in 2023. The data obtained are quantitatively and qualitatively comparable. The existing differences between German and Austrian linguistic culture are indicated by the additionally identified integrative features. It is also important to highlight a large number of negative reactions, which may indicate a semantic transformation of the *Glaube* value.

Keywords: value, *Glaube*, free associative experiment, emotional-evaluative reactions, Austrian linguistic culture, German linguistic culture

For citation: Khlopova, A.I. (2024), "Comparison of *Glaube* value in German and Austrian linguocultures", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 196–206, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-196-206

1. Вступление

Специалисты в различных научных областях обращаются сегодня все чаще к исследованию морально-этических ценностей, так как именно они являются основой для любого индивида и общества в целом. Однако, несмотря на большое количество исследований феномена ценностей, невозможно дать точное определение этому понятию.

Исследуя базовые ценности, американский антрополог К. Клакхон отмечает важную характеристику ценностей: они могут быть как осознаваемые, так и неосознаваемые, однако всегда определяют выбор индивида [Kluckhohn 1951, p. 395]. По сути, ценности – это

абстрактные категории, которые, однако, могут влиять на поведение человека, так как реализуются в конкретных поведенческих моделях.

В своем исследовании мы обращаемся к сопоставлению содержания ценности *Glaube* в немецкой и австрийской лингвокультурах. Вера – ценность экзистенциальная. Она является «обобщенным показателем направленности интересов индивида, его духовных потребностей» [Омельчук 2006, с. 92]. Модели поведения индивида являются следствием его внутренней активности и непосредственным образом связаны с личностной верой, на которую, в свою очередь, влияют убеждения, привязанности и нравственные принципы, формирующиеся в лингвокультуре.

На основе данных лексикографических источников возможно установить содержание лексемы, репрезентирующей одноименную базовую ценность. Однако если речь идет о двух разных лингвокультурах (в нашем случае – немецкой и австрийской), носители которых говорят на одном языке, установить различия в содержании ценности каждой из лингвокультур таким образом представляется довольно сложным.

В немецкой лингвокультуре отношение к вере всегда было непростым, что связано, в первую очередь, с историческими событиями. Наиболее значимой для немецкого общества религией является христианство. В VIII–IX вв. вся территория Германии была полностью католической. Однако после Реформации многие жители Германии перешли в протестантскую веру и стали лютеранами или кальвинистами. Согласно данным Центра исследования мировоззрения в Германии (Forschungsgruppe Weltanschauungen in Deutschland), на сегодняшний день около 26% населения Германии – католики (Юг Германии), 23,7% – евангелисты (Север Германии), 1,9% – православные, 3,6% проповедают ислам, 2,9% – другие религии, а 41,9% населения Германии отрицают религию как таковую. Для австрийской лингвокультуры вера является одним из концептов-универсалий [Чукшис, Мальгин 2012]. Вера служит основой для формирования национальной идентичности австрийского народа. Она основана на принципах католической религии, которая играет значительную роль в жизни австрийского народа и отражается в различных традициях и обычаях. Становление именно католицизма в качестве основной религии связано с приходом к власти династии Габсбургов, которые правили более 600 лет. Согласно переписи населения, число католиков в 2023 г. составило 68,5%.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: рассмотреть содержание лексемы *Glaube*, номинирующей одноименную ценность, на основе данных лексикографических источников, смоделировать ассоциативное поле *Glaube*

на основе данных ассоциативного эксперимента и сопоставить полученные результаты. Научная новизна заключается в применении психолингвистических методов для сопоставления ценности *Glaube* в двух разных лингвокультурах, носители которых говорят на одном языке. Теоретическая значимость – экспериментальное выявление содержания базовой ценности, а также определение системообразующего элемента изменения значения слова. Практическая значимость заключается в возможности применения используемой методики определения различий в содержании ценностей в вузовском преподавании этнопсихолингвистики, социолингвистики, переводоведения.

2. Содержание лексемы *Glaube* на основе данных лексикографических источников

Проанализировав данные лексикографических источников для установления инварианта лексемы *Glaube*, номинирующей одноименную базовую ценность, следует отметить, что определения, представленные в толковых словарях, сходны.

В толковом словаре немецкого языка 1976 г.¹ издания слово *Glaube* представлено как многозначное. В первом значении *Glaube* – это *das auf einer inneren Überzeugung beruhende Fürwahrhalten von Dingen, Erscheinungen, die objektiv nicht bewiesen sind, Vertrauen* («основанная на внутреннем убеждении вера в какую-либо вещь, явление, которые не имеют объективного подтверждения, доверие»), во втором – *Bekanntnis, Konfession* («исповедание, конфессия»). В словаре подчеркивается именно феномен внутреннего убеждения, которое не может быть доказано или опровергнуто. В толковом словаре немецкого языка Wahrig² лексема *Glaube* хотя и представлена в одном значении, однако в определении подчеркивается та же характеристика исследуемого слова, что и в толковом словаре 1976 г. Сходные признаки можно выделить при анализе дефиниций, указанных в толковом словаре немецкого языка Duden³. При этом в определении подчеркивается сильная эмоциональная окрашенность исследуемого понятия. Определения, представленные

¹ Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976. URL: <https://www.dwds.de/wb/Glaube#etymwb-1> (дата обращения 31.01.2024).

² Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh / München: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH. 1986. 1493 S.

³ DUDEN. Universalwörterbuch. URL: <https://www.duden.de/recht-schreibung/Glaube> (дата обращения 31.01.2024).

ные в толковых словарях, сходны. Во всех указанных значениях следует подчеркнуть внутреннее убеждение индивида в чем-либо. При этом исследуемое понятие является глубоко эмоциональным.

3. Анализ экспериментальных данных

Как было отмечено выше, данные лексикографических источников не могут показать различия исследуемых понятий в разных лингвокультурах, представители которых говорят на одном языке. Для выявления этих различий мы считаем целесообразным обратиться к данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями разных лингвокультур. По экстралингвистическим причинам эксперимент проводился в форме гугл-анкет. Респонденты должны были указать, являются ли они носителями одной или другой лингвокультуры, а также дать первую пришедшую на ум реакцию на указанное в анкете слово-стимул. В ходе эксперимента было получено 600 немецких реакций и 256 австрийских реакций. Для равноценного сравнения методом случайной выборки из всех имеющихся анкет было отобрано по 200 анкет. Все реакции на слово-стимул *Glaube* были распределены в соответствии с моделью В.А. Пищальниковой [Пищальникова 2019], выделены дополнительные признаки. Эта модель строится на динамическом соотношении признаков ассоциирования, выделяемых в следующих группах реакций: понятийные, реакции-представления, культурно обусловленные, эмоционально-оценочные, операциональные. Понятия отображают ядерные семантические признаки слов, реакции-представления – характер индивидуального включения слова в ассоциативно-вербальную сеть, культурно обусловленные реакции определяются значимостью для индивида определенного культурного смысла реалии, обозначенной словом-стимулом, эмоционально-оценочные реакции фиксируют субъективное отношение индивида к предмету ассоциирования, операциональные реакции связаны с воспроизведением устойчивых языковых форм. По результатам эксперимента культурно-обусловленных и операциональных реакций обнаружить не удалось.

4.1. Реакции немецких респондентов.

Понятия: *Religion (религия)* 55; *Gott (Бог)* 24; *Kirche (церковь)* 10; *Jesus (Иисус)* 4 – 93 реакции.

Наибольшее количество представленных реакций можно объединить признаком 'вера как религиозное понятие' (46,5%). Такой признак, хотя и является наиболее значимым в количественном плане, труден для интерпретации. С одной стороны, реакции могут

свидетельствовать о вере в Бога, в церковь, представлять веру как понятие религиозное и глубоко эмоциональное. С другой стороны, реакции, объединенные вышеуказанным признаком, можно однозначно отнести к понятиям: респонденты дают реакцию, поясняющую понятие, но не содержащую личностного смысла. В обыденном сознании *vera* и *religia* являются синонимичными понятиями. Реакция *Gott (Бог)* является по отношению к исследуемому понятию синтаксическим примитивом. Однако такой вывод возможен только после личной беседы с респондентами.

Представления: поскольку реакции, относящиеся к представлениям, разнообразны, мы считаем возможным распределить их в соответствии с дополнительно выделенными признаками:

- вера как поддержка: *Hoffnung (надежда)* 10; *Halt (поддержка)* 3; *Lebensretter (спаситель жизни)* 2; *gibt Hoffnung (дает надежду)*; *innere Stärkung (внутреннее укрепление)*; *Kraft (сила)*; *Stütze (поддержка)* – 19 реакций.

Согласно 9,5% реакций, вера воспринимается как понятие глубоко личностное. Вера дает индивиду надежду на лучшее будущее, дает силы двигаться вперед, является своеобразным ориентиром. Вполне естественно, что такая поддержка является условной и абстрактной, но индивид хочет и должен во что-то верить;

- значимость веры: *wichtig (важный)* 3; *Freiheit (свобода)* 2; *Ruhe (спокойствие)* 2; *Vertrauen (доверие)* 2; *Familie (семья)*; *Liebe (любовь)*; *wertvoll (ценный)*; *Wert (ценность)* – 13 реакций;
- вера как жизненный ориентир: *an das Ziel glauben (верить в цель)*; *an sich selbst (в себя)*; *an mich selbst (в меня самого)*; *an mich (в меня)*; *Orientierung (ориентир)* – 5 реакций;
- вера как поиск смысла жизни: *Sinn (смысл)* 2; *Antwort (ответ)*; *erklären (объяснять)* – 4 реакции.

Незначительное количество респондентов (6,5%) воспринимают веру как значимое понятие, как базовую ценность. Такое утверждение можно обосновать данными ассоциативного эксперимента: ассоциативные поля ценностей пересекаются между собой и составляют единое значимое поле для индивида [Хлопова 2023]. «Именно вера проявляет идеалы, которые имеют первостепенную ценность для человека» [Омельчук 2006, с. 92]. Пяти респондентам вера представляется как своеобразный ориентир в жизни. В данном случае вера не воспринимается как понятие религиозное. Это вера в собственные силы, в себя.

Признак 'вера как поиск смысла жизни' также представлен незначительным количеством реакций, однако он указывает

на важность исследуемого понятия для респондентов и подтверждает экзистенциальный характер веры, отмеченный выше;

- вера как нечто индивидуальное: *individuell (индивидуально)* 6; *privat (личный)* 2; *persönlich (лично)* – 9 реакций.

4,5% представляют веру как понятие индивидуальное, внутреннее, значимое для респондентов. В то же время респонденты не нацелены делиться с окружающими своим восприятием веры, сохраняют это чувство внутри себя;

- различные конфессии: *Christentum (Христианство)*; *Diversität (разнообразие)*; *Islam (ислам)*; *unterschiedlich (различная)*; *verschieden (разная)*; *vielseitig (разносторонний)* – 6 реакций;
- вера как причина и повод военных и социальных конфликтов: *Krieg (война)* 2; *Krieg und Tod (война и смерть)*; *Terrorismus (терроризм)* – 4 реакции.

Интегративный признак ‘различные конфессии’ объединяет в себе разнообразные вероисповедания, указанные респондентами. Следует отметить, что вера воспринимается в данном случае как понятие религиозное.

При этом разнообразие религий ведет к неизбежной борьбе за ту религию, которую верующие считают истинной. Вера становится причиной убийства и смерти, что заведомо несет в себе негативную коннотацию;

- вера как антоним знания: *Nichtwissen (незнание)*; *Rückschritt (регресс)* – 2 реакции.

Единичные реакции указывают на то, что вера не может быть объяснена объективными фактами и рациональным сознанием индивида. Однако такие реакции свидетельствуют также о неинформированности, наивности и невежестве верующих.

Эмоционально-оценочные реакции: *nein (нет)* 15; *unwichtig (неважно)* 5; *dumm (глупый)* 3; *ja (да)* 2; *keinen Glauben (нет веры)* 2; *schwierig (сложно)* 2; *anstrengend (напряженно)*; *habe ich nicht (у меня нет)*; *Illusion (иллюзия)*; *immer weniger (все меньше)*; *ist nicht wichtig (не важна)*; *kein Interesse (не интересно)*; *nebensächlich (второстепенна)*; *Nein danke (нет, спасибо)*; *neutral (нейтрально)*; *unnötig (не нужна)*; *Unsinn (бред)*; *Zweifel (сомнение)* – 41 реакция.

Значительное количество реакций являются эмоционально-оценочными. При этом большинство эмоционально-оценочных реакций отрицательные (19,5 из 20,5% отмеченных). Такие реакции указывают на неприятие веры в качестве ценности, свидетельствуют о незначимости ее для респондентов. Выделенные реакции свидетельствуют о разочарованности респондентов в вере, восприятии ее как иллюзии и сомнениях в ее наличии.

4.2. *Реакции австрийских респондентов.* Проанализируем реакции, полученные от носителей австрийской лингвокультуры. Для релевантного сравнения распределим их в соответствии с теми же признаками, которые были выделены при анализе реакций носителей немецкой лингвокультуры.

Понятия: *Religion (религия)* 61; *Gott (Бог)* 50; *Kirche (церковь)* 22; *Gebet (молитва)* – 134 реакции.

Наибольшее количество реакций (67% от общего количества) репрезентируют веру как понятие религиозное, что также было отмечено при анализе реакций немецких респондентов.

Представления:

– вера как поддержка: *Hoffnung (надежда)* 33; *Innere Stärkung (внутренний стержень)* – 34 реакции.

Значительное количество реакций свидетельствует о важности веры для австрийских респондентов. Она гарантирует им надежду (16,5% реакций) и является своеобразным внутренним стержнем. Отметим, что реакции, объединенные интегративным признаком ‘вера как поддержка’, хотя и представлены большим количеством реакций, являются менее разнообразными. Однообразие реакций может указывать на сходство в восприятии ценности респондентами;

– вера как нечто индивидуальное: *individuell (индивидуально)* 5; *Innenleben (внутренняя жизнь)* – 6 реакций;

– вера как жизненный ориентир: *an sich selbst (в себя)*; *Licht bei Dunkelheit (свет в темноте)*; *selbst (сам)* – 3 реакции;

– вера как поиск смысла жизни: *Erklärungsmodell (модель познания)*; *Sinn (смысл)* – 2 реакции.

Выделенные признаки ‘вера как нечто индивидуальное’, ‘вера как жизненный ориентир’, ‘вера как поиск смысла жизни’ количественно и качественно сопоставимы с реакциями немецких респондентов;

– значимость веры: *Vertrauen (доверие)* 2 – 2 реакции.

Следует отметить, что, несмотря на то что интегративный признак ‘значимость веры’ выделен в ассоциативном эксперименте, в количественном плане он представлен всего двумя реакциями. Однако выделенные выше реакции, свидетельствующие о важности исследуемого понятия для респондентов, не позволяют нам утверждать, что *Glaube* не имеет значимости для представителей австрийской лингвокультуры;

– вера как нечто консервативное: *Tradition (традиция)* 5; *konservativ (консервативный)* – 6 реакций;

– связь с космосом: *Universum (вселенная)* 2 – 2 реакции.

Выделенные дополнительно признаки ‘вера как нечто консервативное’ и ‘связь с космосом’ хотя и представлены единичными реакциями, однако указывают на определенную характеристику: респонденты считают веру традицией, существующей в обществе.

Эмоционально-оценочные реакции: *nein* (нет) 4; *Illusion* (иллюзия) 2; *Humbig* (обман); *schwach* (слабый); *schwierig* (сложный); *unwichtig* (неважный); *Verwirrung* (путаница) – 11 реакций.

В эксперименте с носителями австрийской лингвокультуры можно выделить незначительное количество эмоционально-оценочных реакций (5,5%). Однако качественно такие реакции сходны. Все эмоционально-оценочные реакции австрийских респондентов являются отрицательными. Они указывают на нежелание признавать веру в качестве значимого понятия, вера воспринимается как обман и иллюзия, которую навязывают индивиду.

5. Заключение

Полученные реакции немецких и австрийских респондентов количественно и качественно сопоставимы. Отличие заключается в выделении дополнительных признаков при анализе реакций немецких респондентов (‘различные конфессии’, ‘вера как причина и повод военных и социальных конфликтов’) и в выделении дополнительных признаков при анализе реакций австрийских респондентов (‘вера как нечто консервативное’, ‘связь с космосом’), что указывает, на наш взгляд, на существующие отличия между немецкой и австрийской лингвокультурой. Известно, что ввиду экстралингвистических факторов Германия подвержена потокам миграции, что отмечено в реакциях респондентов, связанных с разнообразием конфессий, и вследствие этого возможным конфликтам на основе веры. Восприятие веры как традиции характерно для носителей австрийской лингвокультуры, которые известны соблюдением традиций и обычаев, а также поддержанием национальной идентичности. Австрийцам свойственно бережно хранить традиции, гордиться своей национальной самобытностью⁴.

Значительным представляется отличие в количестве эмоционально-оценочных реакций. Однако реакции, относящиеся к указанному признаку, являются преимущественно отрицательно окрашенными, что может свидетельствовать о негативной тен-

⁴ Основные концепты австрийского ментального мира // Новый Венский журнал. 2019. № 8. URL: <https://nwm.at/images/pdf/14444.pdf> (дата обращения 31.01.2024).

денции для исследуемых лингвокультур. Следует отметить, что лексикографические источники не могут зафиксировать такую тенденцию. Большое количество отрицательных реакций свидетельствует о динамике ценности *Glaube* в немецкой и австрийской лингвокультурах, которая обрела в немецкой лингвокультуре значительный размах.

Литература

- Омельчук 2006 – *Омельчук Р.К.* Вера как экзистенциальная ценность // Известия Иркутской государственной экономической академии. Философия и методология. 2006. № 3 (48). С. 91–93.
- Пищальникова 2019 – Ассоциативный эксперимент: Теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / ред. В.А. Пищальникова. М.: Р-Валент. 2019. 199 с.
- Хлопова 2023 – *Хлопова А.И.* Сопоставление базовой ценности «родина» в немецкой и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 321–327.
- Чукшис, Малыгин 2012 – *Чукшис В.А., Малыгин В.Т.* Австрийские диалектизмы как средство создания речевого портрета героя художественного произведения // Известия ВГПУ. Вопросы германистики. 2012. № 2 (66). С. 119–122.
- Kluckhohn 1951 – *Kluckhohn C.* Values and value orientations in the theory of action // *Toward a general theory of action* / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951. P. 388–433.

References

- Chukshis, V.A. and Malygin, V.T. (2012), “Austrian dialectisms as a means of creating a speech portrait of a hero of a work of art”, *Izvestiya VGPU. Voprosy germanistiki*, vol. 66, no. 2, pp. 119–122.
- Khlopova, A.I. (2023), “Comparison of the basic value ‘Homeland’ in German and Russian linguistic cultures”, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 16, no. 1, pp. 321–327.
- Kluckhohn, C. (1951), “Values and value orientations in the theory of action”, in Parsons, T. and Shils, E., eds., *Toward a general theory of action*, Cambridge, UK, pp. 388–433.
- Omél'chuk, R.K. (2006), “Faith as an existential value”, *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. Filosofiya i metodologiya*, vol. 48, no. 3, pp. 91–93.
- Pishchal'nikova, V.A., ed. (2019), *Assotsiativnyi eksperiment: Teoreticheskie i prikladnye perspektivy psikholingvistiki* [Association experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics], R-Valent, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна И. Хлопова, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; chloпова_anna@mail.ru

Information about the author

Anna I. Khloпова, Cand. of Sci. (Philology), State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034; chloпова_anna@mail.ru

Хроника

УДК 81'1(063)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-207-221

Всероссийская научная конференция
Института лингвистики РГГУ
«Язык и методы его описания-2023.
Аспекты коммуникативной деятельности
и проблемы их лингвистического описания:
теория, практика, преподавание»

Светлана И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, P_Sveta@hotmail.com*

Аннотация. Настоящая хроника представляет собой обзор конференции «Язык и методы его описания-2023. Аспекты коммуникативной деятельности и проблемы их лингвистического описания: теория, практика, преподавание», состоявшейся 3–4 октября на базе кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета. На конференции обсуждались теоретические и практические вопросы коммуникативной лингвистики, а также проблемы вузовского преподавания сопряженных с ней дисциплин. Доклады были посвящены стратегиям диалога, механизмам речевого воздействия, многочисленным разновидностям коммуникативных практик и другим проблемам, связанным с коммуникативной деятельностью человека.

Ключевые слова: лингвистические конференции, коммуникативная лингвистика, лингвистические методы, преподавание, диалог

Для цитирования: Переверзева С.И. Всероссийская научная конференция Института лингвистики РГГУ «Язык и методы его описания-2023. Аспекты коммуникативной деятельности и проблемы их лингвистического описания: теория, практика, преподавание» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 207–221. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-207-221

© Переверзева С.И., 2024

The all-Russian scientific conference
of the Institute of Linguistics, RSUH,
“Language and methods of its description-2023.
Aspects of the communication activity
and issues of their linguistic description.
Theory, practice, teaching”

Svetlana I. Pereverzeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

P_Sveta@hotmail.com

Abstract. The chronicle is an overview of the conference “Language and methods of its description-2023. Aspects of the communication activity and issues of their linguistic description: theory, practice, teaching”, which took place on October, 3–4, at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities. The conference discussed theoretical and practical issues of communicative linguistics, as well as issues of university teaching in related disciplines. The topics of the talks included the dialogue strategies, mechanisms of speech influence, communicative practices and other issues related to human communication.

Keywords: linguistic conferences, communicative linguistics, linguistic methods, teaching, dialogue

For citation: Pereverzeva, S.I. (2024), “The all-Russian scientific conference of the Institute of Linguistics, RSUH, ‘Language and methods of its description-2023. Aspects of the communication activity and issues of their linguistic description. Theory, practice, teaching’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 207–221, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-207-221

3–4 октября 2023 г. в Институте лингвистики РГГУ состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Язык и методы его описания-2023. Аспекты коммуникативной деятельности и проблемы их лингвистического описания: теория, практика, преподавание», организованная кафедрой теоретической и прикладной лингвистики. Это третья конференция в цикле «Язык и методы его описания»¹; в ней приняли участие более

¹ Первая конференция «Язык и методы его описания» состоялась в 2021 г.; о ней см. обзор [Кульпина 2021]. Вторая одноименная конференция прошла в 2022 г. и была посвящена памяти А.Н. Барулина. Статьи по ее итогам см. [Вестник 2024].

50 докладчиков из ведущих московских вузов и академических институтов – представителей различных городов России (Санкт-Петербург, Новосибирск, Барнаул, Омск, Воронеж, Саратов, Калининград, Мурманск, Тверь, Владимир) и зарубежья (Беларусь, Казахстан, Китай).

В задачи конференции входило обсуждение следующего круга вопросов: коммуникация как действие и как деятельность, диалогические стратегии; механизмы речевого воздействия и манипуляции, в том числе в медиатекстах, в поликодовой и мультимедийной коммуникации; различные коммуникативные практики: деловая коммуникация, юридический дискурс, парламентская риторика, фольклорные диалоги, диалоги в художественных текстах, эпистолярные диалоги, моделирование диалога с эмоциональным роботом-компаньоном; функционирование номинативных и фразеологических единиц в разных коммуникативных жанрах; экспериментальные исследования проблем понимания текста на материале поэтической речи, высказываний, содержащих скалярные импликатуры, поликодовых текстов; стратегии коммуникации преподавателя и студента.

Пленарное заседание 3 октября открыла Вера Ивановна Заботкина докладом «Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиатекстах». На материале английских примеров было показано, что фрейм «манипулятивное воздействие» тесно связан с фреймами «событие», «контроль», «истина – ложь», «доверие» и «доверчивость». Эта тема была продолжена в секционных докладах Елены Леонидовны Боярской «Манипуляция: искусство убеждения или принуждения», где обсуждались структура манипулятивного акта и его отличия от речевого акта убеждения, и Олеси Борисовны Нестеровой «Речевое воздействие и формирование общественного мнения в англоязычных СМИ на примере “зеленой” повестки», в котором были отмечены основные методы воздействия: намеренное освещение проблем экологии как сенсационных и внушение страха перед угрозой неминуемой катастрофы, что приводит к радикализации движения «зеленых».

Доклад Елены Петровны Буториной «Коллоквиализация делового дискурса в социальных медиа» был посвящен влиянию социальных медиа на коммуникативную тональность современного делового дискурса в интернет-общении. В коммуникации между брендом (отправителем сообщения) и потребителем (получателем сообщения) нередко участвует социальная онлайн-платформа (посредник), которая определяет тематику и стиль сообщения, близкие целевой аудитории, что приводит к стиранию границ между

публичной и приватной информацией, а также к персонализации и коллоквиализации дискурса.

Владимир Михайлович Алпатов в докладе «Мягкая сила в языке и не только в нем» на примере криминальной истории Филиппа Лиса (Будейко) показал, как идеология, выраженная при помощи языка, и идеология, выраженная в языке, воздействуют на сознание и подсознание адресата межличностной коммуникации. Другие примеры «мягкой силы» связаны с использованием англицизмов в рекламе, русской и японской, которая ориентируется на «американский образ жизни»; так, в японской автомобильной рекламе противопоставление автомобилей вчерашнего и завтрашнего дня проявляется в использовании японского слова для *вчера* (*kinoo*), но американизма для *завтра* (*tomorrow*).

Елена Георгиевна Борисова в докладе «Речевое действие в системах лингвистических описаний» рассмотрела языковые метки, маркирующие характер речевого акта передачи информации от говорящего к слушающему. К ним относятся, в частности, усилительные частицы (*же, ведь, да, ну, таки, и* и др.). В докладе обсуждались некоторые ограничения на употребления таких частиц при первичных и глагольных междометиях.

Людмила Львовна Федорова в докладе «Коммуникация и общение: стратегии поддержания диалога» описала близкие по значению термины *коммуникация, общение* и *диалог* на материале толковых словарей и НКРЯ. Внимание было обращено на трактовку термина *диалог*, который обычно понимают как ‘беседу двоих’; однако греческая приставка *dia-* соответствует значениям предлога *через* или приставки *раз-* (ср. *разговор*) и указывает лишь на очередность высказываний, разделенность речи. Докладчица отметила, что для трактовки понятия коммуникации основным признаком является информативность, понятия общения – взаимонаправленность, понятия диалога – очередность.

Практическому вопросу: как языковые корпуса помогают составителям современных толковых словарей – был посвящен доклад Нины Борисовны Мечковской «Национальный корпус и частотный словарь: шаги навстречу лингвисту и учителю». Она отметила, что в англоязычной учебной лексикографии (например, в словарях Macmillan 2007 и Collins 2011²) используются корпусные данные о частотности лексем и коллокаций (лексемы подробно ранжируются по частотности), тогда как в русскоязычных академических

² Macmillan English dictionary for advanced learners. 2nd edition. Oxford: Macmillan Education, 2007. 1748 p.; Collins English Dictionary. 11th edition. HarperCollins, Glasgow, 2011. 1899 p.

словарях такой информации часто не хватает. Так, ни БТС 2000, ни БАС 2014³ не позволяют узнать, как правильно вводится объект лексемы *рефлексия* (*рефлексия над чем? о чем?*), при этом Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) показывает, что оба варианта приемлемы, хотя вариант с *над* более частотен.

Максим Анисимович Кронгауз в докладе «Преподавание как коммуникация: лайфхаки и их философия» поделился некоторыми преподавательскими «лайфхаками», помогающими удержать внимание слушателей при коммуникации онлайн. Один из них – так называемая афтерпати-конференция, на которой студенты могут высказать собственное мнение о тех явлениях, которые они наблюдают в современном русском языке. Преподаватель в этой дискуссии – не экзаменатор, проверяющий, хорошо ли усвоен материал, а скорее модератор и эксперт, комментирующий разные точки зрения. Методы преподавания активно обсуждались в дискуссии.

Доклад Ксении Михайловны Шилихиной «Юмор и ирония в дискурсе здорового образа жизни» вызвал живой отклик аудитории. В нем анализировались анекдоты и интернет-мемы, посвященные здоровым и нездоровым привычкам, на русском, английском и других языках. Анализ показал, что юмор и ирония становятся реакцией на чересчур активную пропаганду здоровых привычек. Нездоровый образ жизни оправдывается трудностями современной жизни (стресс, пандемия и др.), а ЗОЖ представляется как нечто, отнюдь не способствующее счастью (ср.: *Перейдите с мяса на овощи, откажитесь от алкоголя, перестаньте есть после шести часов вечера, и за 2 недели вы потеряете 14 дней хорошей жизни*).

Секционные заседания проводились по трем основным направлениям – «Теория», «Практика» и «Преподавание».

Секция 1 «Теория» началась с доклада Надежды Николаевны Шпильной «Условия реализации интенции *поделиться* в русской диалогической речи». В институциональном формате коммуникации интенция *поделиться* обусловлена информативным модусом (уведомление сотрудников о важных событиях) или фатическим модусом (поздравление с праздниками). В лично-ориентированном диалоге, по данным опроса студентов АлтГПУ («Продолжите фразу *Я бы репостнул(а) эту запись, потому что...*»), поделиться чаще всего хотят записью, которая попадает в зону (а) эмотивной рефлексии (*интересна; поднимает настроение; зацепила*); (б) диалогической модальности (*я тоже так считаю; провокационное со-*

³ Большой академический словарь русского языка. Т. 23: Расплыв – Розниться. М.: Наука, 2014. 734 с.; Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2000. 1535 с.

общение); (в) референтной оптимальности (*актуальная информация; запись имеет социальное значение*); (г) когнитивной гармонии (*цельная информация; пост красиво оформлен*).

Елена Валерьевна Маркасова в докладе «“Я + адъективный предикат” в тисках исторических обстоятельств (циклы колебаний самопрезентации в России XIX–XX вв.)» представила результаты корпусного исследования таких фреймов, как *Я живой, Я добрый, Я бедный* и др. Докладчица отметила циклические колебания в частотности языковых выражений самопрезентации и предположила, что потребность в автохарактеристике усиливается в периоды реформ и сокращается в периоды социальных потрясений; таким образом, общественно-политические обстоятельства оказываются связаны с поиском характеристик «Я».

В докладе Юлии Михайловны Кувшинской «Предложения с союзом *потому что* как независимые высказывания в современном устном дискурсе» на материале Устного подкорпуса НКРЯ рассматривались дискурсивные условия употребления предложений с *потому что* как самостоятельных высказываний в устной коммуникации. Было показано, что в ряде контекстов такие высказывания используются для развития темы в качестве пояснительной вставки: *потому что* не столько выражает причинную связь, сколько указывает на имплицитные суждения и актуализует модальные смыслы.

Ольга Юрьевна Крючкова выступила с докладом «Современная коммуникация на диалекте как форма синтезирования элементов разных социально-функциональных подсистем русского языка» и рассмотрела некоторые особенности речи современных грамотных носителей диалекта. Для них характерен синтез черт устного диалектного общения и проникающих в него элементов книжно-письменных дискурсов (ср. *мотофон* ‘магнитофон’, *гипноз* в значении ‘ясновидение’), а также сочетание свободной, функционально не обусловленной вариативности с элементами функциональной дифференциации языковых средств, развитием метаязыковой рефлексии.

Валентина Юрьевна Апресян в докладе «Иерархия скалярных импликатур в русском языке» представила результаты экспериментального исследования скалярных импликатур, которые возникают, когда более слабое высказывание (*Пришли некоторые студенты*) влечет ложность более сильного утверждения (*Пришли все студенты*). Было выяснено, что скалярные выражения образуют иерархию относительно обязательности возникающих импликатур: предположительно малые числа и неопределенные кванторы порождают более сильные импликатуры (*Я увидел*

пять студентов -> 'студентов было не больше пяти'; *Некоторые студенты решили задачу* -> 'задачу решили не все студенты'), а фазовые глаголы и совершенный вид – значительно более слабые (*Я начал одеваться* -> 'я не закончил одеваться'; *Я открыл окно* -> 'окно открыто').

Артемий Александрович Котов в докладе «Формальное описание языка в проекте эмоционального робота-компаньона Ф-2» рассказал о когнитивной архитектуре, обеспечивающей коммуникацию робота-компаньона с человеком. Входящая фраза в ее семантическом представлении сопоставляется с имеющимися в базе данных сценариями, которые запускают эмоциональную либо рациональную реакцию робота. В результате конкуренции негативных и позитивных эмоциональных сценариев могут порождаться иронические высказывания, создающие «коммуникативный эффект сознания» робота.

Доклад Валерия Александровича Шульгинова «Деконструкция конфликта: параметры описания скрытой речевой агрессии» обобщал результаты исследования (на материале сообщений феминистических и веганских сообществ социальной сети «ВКонтакте»), которые могут использоваться для автоматической классификации высказывания как вежливого или невежливого. Противопоставляется явная агрессия (сопровожаемая инвективой) и скрытая агрессия (без инвективы); отмечены признаки скрытой агрессии.

Татьяна Владимировна Скулачева и Александр Эдмундович Костюк в докладе «Механизмы речевого воздействия: стихотворный текст» рассмотрели приемы, используемые в стихе для частичного подавления логического и критического мышления и интенсификации образного. Так, в стихах русских и французских авторов, по сравнению с прозой, преобладают сочинительные связи; для мелодической структуры стихотворной строки не характерен падающий граничный тон; в стихе наиболее информативные слова равномерно распределяются по всей строке, а не оказываются в конце синтагмы, как в прозе. Эта тематика в прикладном аспекте была продолжена на секционном заседании в докладе «Восприятие стиха и прозы: экспериментальное исследование (русский, английский, немецкий, турецкий, корейский)», подготовленном Т.В. Скулачевой с группой соавторов (Н.А. Слюсарь, А.Э. Костюк и А.А. Липина). Авторы показали, что в стихе читатели не замечают те ошибки, которые с легкостью находят в максимально близком к нему прозаическом пересказе. Примечательно, что частичное подавление логического и критического мышления при восприятии стихотворного текста не зависит ни от морфологического строя языка (флективный, агглютинативный), ни от системы стихосло-

жения (силлабика, тоника, силлабо-тоника, свободный стих), ни от культурной традиции. Причина, как предполагают авторы, в том, что стих и проза обрабатываются мозгом по-разному.

Секцию 2 «Практика» открыл доклад Елены Владиславовны Александровой «Аудиовизуальное произведение как поликодовое единство: функциональный аспект». В нем были проанализированы аудиальные и визуальные, вербальные и невербальные элементы семиотической системы кинофильма. Было показано, что для людей со зрительными и слуховыми ограничениями используются различные средства создания медиадоступности – тифлокомментирование и аудиодескрипция (для незрячих) или субтитрирование (для неслышащих), что дает возможность реконструировать аудиовизуальную информацию, но лишь отчасти.

В докладе Елены Николаевны Геккиной «Коммуникативные аспекты требования в юридическом дискурсе» рассматривались юридические трактовки понятия *требование* в составе акта вымогательства: это сложный речевой акт, включающий в себя сообщение о желании получить нечто, сопровождаемое угрозой, тогда как в бытовом русском языке *требование* описывается формулой ‘вы сделаете это’.

Доклад Ирины Михайловны Дорониной «Медиавиктимизация адресата в СМИ: к определению метаязыка коммуникативной практики» был посвящен публикациям в прессе, внушающим адресату, что он является жертвой преступления. Было предложено рабочее определение медиавиктимизации («производство виктимогенного контента») и медиавиктимизатора («издание, производящее виктимогенный контент»).

Ирина Владимировна Фуфаева выступила с докладом «Диалогические клише, включающие приятельское обращение, *старик*». Такое обращение характерно для коммуникации мужчин, принадлежащих к творческой интеллигенции, и сейчас кажется устаревающим (обнаруживаются в речи журналистов 1970 г. р. и старше). Прагматическое содержание этого обращения – искренность, предельное доверие и близость между говорящим и адресатом.

В докладе Елены Викторовны Чисовой «Мультимодальная коммуникация синхронных переводчиков на примере когнитивного события “смена ролей”» рассматривалось жестовое взаимодействие активного и пассивного синхронистов при переключении ролей в процессе перевода. Жесты, используемые при этом синхронистами, могут быть окказиональными или универсальными; они также могут быть контрадикторными (не соотноситься с произносимыми синхронистом словами).

4 октября состоялась секция 3 «Теория и практика», тематически объединившая две предыдущие.

Ольга Анатольевна Казакевич в докладе «Диалогическая речь в фольклорных текстах на малых языках Сибири» подчеркнула необходимость различать такие фольклорные жанры, как диалоги и повествования. Докладчица привела примеры сибирских сказок, целиком построенных на диалогах персонажей (эвенкийская сказка о состязании лисы и налима), и сказок, содержащих короткий вопрос и развернутый ответный монолог (селькупская сказка, в которой кузнец спрашивает мальчика «Почему ты плачешь?», а тот рассказывает, как проиграл в карты черту). Диалоги характеризуются особым набором грамматических форм (вокатив, показатели 1 и 2 л.) и интонационным оформлением.

Доклады Виталия Яковлевича Парамонова «Совместная трапеза как основа коммуникации в китайской культуре» и Татьяны Сергеевны Хрипли «Синергетический эффект воздействия вербальных и визуальных кодов в социальной рекламе КНР» были объединены китайской тематикой. В первом обсуждалось возникновение китайской традиции публичных обсуждений, сопровождаемых обязательной трапезой, что нашло свое отражение в иероглифике. Во втором докладе рассматривалась социальная реклама Китая, которая ориентируется на синтез традиционных китайских ценностей, основных ценностей социализма и политики «китайской мечты». Было отмечено, что в социальной рекламе вербальный компонент чаще доминирует над визуальным, чем наоборот.

Елена Михайловна Позднякова в докладе «Параметры реализации манипулятивных стратегий: когнитивный аспект» показала, что манипуляция зиждется на том уровне внимания и доверия к отправителю сообщения, который в данный момент характерен для адресата. Были проанализированы две пары ключевых для манипулятивной коммуникации фреймов: «агэнс – экспериенцер» и «диктум – доверие».

Елена Анатольевна Иванова в совместном с Сергеем Иосифовичем Гиндиным докладе «Коммуникативная проблематика в Системе долговременного ухода» рассказала об многоуровневом устройстве Системы долговременного ухода, работающей в России с 2017 г., и выделила ряд ключевых навыков, которым нужно обучать помощников на дому для поддержания помогающей коммуникации с пожилыми людьми, инвалидами и их родственниками. Это, в частности, умение информировать собеседника (рассказывать ему о происходящем, согласовывать необходимые действия по уходу), вести с ним диалог (задавать вопросы о его предпочтениях) и работать с его монологом (внимательно слушать рассказ собеседника о себе).

Лина Васильевна Разумова в докладе «Устная речь как маркер идентичности (на материале французского языка в Квебеке)» показала, что языковая ситуация в Квебеке в исторической перспективе представляет собой осложненную франко-английским двуязычием франко-квебекскую диглоссию, в которой противопоставлены книжная и не книжная языковые формы. В рамках диглосной и двуязычной языковой ситуации квебекский вариант французского языка характеризуется двойной миноризацией, двойным социальным обесцениванием.

В докладе Антона Алексеевича Ниязова «Исследование фреймворкинга парламентской риторики методами машинного анализа» при помощи критического дискурс-анализа и методов обработки естественных языков компьютерными программами были выявлены особые риторические конструкты, применяемые депутатами Государственной думы для формирования повестки, и ассоциативные связи между наиболее частотными понятиями. Так, лексемы *митинг*, *акция* и *демонстрация* имеют характерный оттенок несогласованности, что отличает их от лексем *собрание*, *шествие*, *парад*.

Следующие четыре доклада были посвящены фразеологии.

В докладе Анастасии Дмитриевны Козеренко и Григория Ефимовича Крейдлина «Фразеологические соматизмы со словом *язык*: на границе речи и молчания» обсуждались значения и употребления устойчивых выражений, находящихся на границе речи и молчания, – *слова не идут с языка*, *слова не сходят с языка*, *вертеться на языке*: в частности, первая из этих единиц всегда обозначает молчание, а вторая может обозначать и молчание, и речь.

Анатолий Николаевич Баранов и Дмитрий Олегович Добровольский в докладе «Динамика русской фразеологической системы как динамика дискурсивных практик (XIX–XXI вв.)» на материале НКРЯ показали, что некоторые выражения со временем приобретают статус фразеологизмов-конструкций и, осваиваясь носителями языка как дискурсивные практики, постепенно повышают свою активность (ср. *тот еще X*), другие выражения со временем постепенно снижают свою частотность (*Где уж нам P!*), а третьи (*Вот тебе и P!*) сохраняют стабильность в употреблении.

Мария Львовна Ковшова представила доклад «“Сто проц”, или окказиональная деривация фразеологизмов в современной коммуникации», где на примере идиомы *на (все) сто процентов* были рассмотрены способы структурно-семантической окказиональной трансформации и деривации фразеологизмов. Единица *сто проц* возникла в разговорной речи в результате сокращения нечислового компонента фразеологизма, сращения оставшихся компонентов

и усечения, причем порядок этих операций мог быть разным (*сто процентов* > *стопроцентов* > *стопроц* – или: *сто процентов* > *сто проц(.)* > *стопроц(.)*).

В докладе Павла Сергеевича Дронова «Вариантность идиом и фразеосхем (на материале устной и письменной коммуникации)» исследовались проявления вариантности у идиом и у фразеосхем (синтаксических фразеологизмов, фразеологизмов-конструкций) на разных языковых уровнях. Автор указал на необходимость разграничивать варьирование в широком смысле (существование единиц, имеющих семантическое сходство с данной идиомой) и вариантность (трансформации или модификации фразеологической единицы).

Татьяна Евгеньевна Петрова в докладе «Оценка успешности восприятия и понимания поликодового текста» представила обзор психолингвистических исследований поликодового текста, недавно проводившихся в Институте когнитивных исследований СПбГУ. Механизмы чтения поликодового текста изучались с помощью методики регистрации движений глаз; успешность понимания и интерпретации текста оценивалась с помощью традиционных поведенческих методик. Результаты исследований позволили построить иерархию типов поликодового текста по сложности восприятия: письменный текст (воспринимается легко) > инфографика > полимодальный текст > аудиотекст (воспринимается с наибольшим трудом).

Секция 4 «Практика и преподавание» началась с выступления Григория Ефимовича Крейдлина и Георгия Борисовича Шабата. В докладе «Проблемы номинации в повседневных и научных текстах» соавторы проанализировали различные способы номинации в устных и письменных текстах повседневного русского языка и языка математики. Были сопоставлены проблемы номинации, возникающие при описании объектов внеязыковой действительности, и близкие к ним проблемы соотнесения математических объектов с их языковыми описаниями. К проблемам первого типа относится «расшифровка» нулевых кванторных слов в русском языке, к проблемам второго типа – вопрос о том, когда нулевому кванторному слову соответствует в языке математики квантор общности, а когда – квантор существования.

Елена Владиславовна Александрова и Наталия Федоровна Крюкова в докладе «Восприятие иноязычных фразеологических единиц в процессе изучения: взаимосвязь между идиомой и образом», проанализировав рейтинг сложности английских фразеологических единиц, составленный на основе опроса студентов – носителей русского или немецкого языка, предложили

использовать в разрабатываемом ими учебном фразеологическом словаре визуальные опоры, соединяющие в себе как буквальные, так и переносные значения идиом.

В выступлении Наталии Викторовны Максимовой был представлен совместный с Ильей Владимировичем Кузнецовым доклад «Стратегии активного слушания в коммуникативной культуре студента». Технология обучения студентов коммуникативным стратегиям диалога опирается на лингвистическую концепцию ответных стратегий ментатива, включающую пять типов ответных вопросов: толкование (*Что ты имеешь в виду, когда говоришь о том-то?*), переоформление (*Иначе говоря, это можно назвать так-то?*), развитие (*Что связывает эти позиции?*), отрицание (*Разве это не противоречит тому-то?*) и применение (*Не подойдет ли сюда такой-то пример?*).

Кетеван Тамазовна Гадилия в докладе «Коммуникативная практика устного перевода Библии: особенности метода» осветила основные аспекты устного смыслового перевода письменного текста. Одно из его преимуществ – естественность (письменный переводчик скорее попадет под влияние оригинального текста, чем устный), возможность эмоционального вживания в текст. Докладчица обратила внимание на эффективный, хотя и времязатратный метод устного перевода, предложенный М. Ледерером и Д. Селескевичем, но не оцененный в полной мере научным сообществом.

Светлана Игоревна Переверзева в докладе «Вопросительные предложения как инструмент речевого воздействия в текстах Telegram-каналов СМИ» на материале сообщений 17 Telegram-каналов русскоязычных СМИ показала, что вводные слова неуверенности (*видимо, наверное, возможно* и др.) встречаются в разных типах вопросов с неодинаковой частотой: для *возможно* и *может* наиболее характерны гипотезы, для *может быть* – побуждения, для *видимо* – манипулятивные высказывания; кроме того, разные каналы «предпочитают» разные типы вопросов с вводными словами: «Московский комсомолец» чаще других использует гипотезы, «Взгляд» и «Комсомольская правда» – побуждения, «Царьград» и «Russia Today» – абсурдные гипотезы, риторические вопросы и упреки.

Ирина Всеволодовна Высоцкая выступила с докладом «Пунктуационный знак “точка” как механизм воздействия на адресата личного сообщения», вызвавшим активное обсуждение. Проведя анкетирование студентов, она обнаружила, что пренебрежение точкой в личном сообщении может объясняться желанием пишущего расположить к себе собеседника и маркировать неофициальность общения. Точка осознается прежде всего как разделительный знак,

в то время как функция завершения предложения представляется избыточной: пустое пространство конца строки поглощает знак. Кроме того, в условиях интернет-коммуникации конечная точка выполняет функцию сигнала завершения общения.

Отправным обстоятельством доклада Софьи Юльены Семеновой «О филолого-педагогическом наследии Эразма Роттердамского» послужило то, что в книге Дж. Лайонза «Введение в лингвистику» упоминается синтаксическое сочинение Эразма 1513 г., опирающееся на грамматику Доната, однако ни самого труда Эразма, ни ссылок на него в других историко-лингвистических работах докладчице обнаружить не удалось. Предметом доклада стали известные трактаты «Об изобилии слов и предметов» (1511 г.) и «О способе обучения» (1512 г.). Во втором трактате Эразм рекомендует читателю в числе античных источников грамматику Доната, поэтому нельзя исключать, что Дж. Лайонз имел в виду именно этот трактат.

Анна Игоревна Хлопова в докладе «Базовые ценности в аспекте межкультурной коммуникации: GLAUBE/VERA в немецкой лингвокультуре», проанализировав толкования лексемы Glaube в немецких словарях, ее сочетаемость, а также данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями немецкой и австрийской лингвокультуры в 2023 г., показала, что ценность веры воспринимается представителями обеих лингвокультур скорее поверхностно и формально. Весьма частотными оказываются отрицательные эмоциональные реакции (*нет, спасибо; иллюзия; ошибка; бред сивой кобылы*). У немецких респондентов чаще, чем у австрийских, встречаются реакции, свидетельствующие об их взгляде на веру как на причину вооруженных конфликтов.

Михаил Васильевич Метелев в докладе «Широкосзначность английских существительных в коммуникативной практике: проблемы и решения» рассмотрел проблему широкосзначности абстрактных имен существительных современного английского языка и показал, что их использование в речи характеризуется субъективностью восприятия, а также вариабельностью значения и интерпретации в зависимости от культурной принадлежности коммуникантов. Для составления словарных толкований таких существительных полезно описать их когнитивный инвариант (так, когнитивный инвариант для *exposure* – ‘внешнее воздействие’).

Следующие два доклада касались лингвистических сюжетов, связанных с литературой. Валентина Васильевна Высоцкая в докладе «Лингвистические особенности ведения диалога в романе “Рудин”» проанализировала особенности художественного представления пропагандистского диалога, переходящего в монолог,

на примере речевой деятельности Рудина в одноименном романе И.С. Тургенева. В ситуациях, когда предполагается активное участие в коммуникации обеих сторон, герой оказывается неспособен к речевому взаимодействию, что приводит к коммуникативной неудаче.

В докладе Виолетты Михайловны Хаимовой «Эпистолярный диалог М. Цветаевой и Р.М. Рильке как взаимное эмоциональное воздействие и как творческая предыстория поэмы “Новогоднее”» был затронут лингвистический аспект переписки двух поэтов, предшествовавшей созданию поэмы «Новогоднее». Так, сочетание *родной язык* в одном из писем М. Цветаевой неоднозначно, ср. *Поэзия – уже перевод. С родного языка на чужой и Для поэта нет родного языка*. Этот доклад вызвал у участников конференции эмоциональный отклик.

Татьяна Вадимовна Базжина в заключительном докладе «Коммуникативные потери и обретения» призвала участников конференции вместе искать ответ на острые вопросы: «Что делать, чтобы мы снова начали слышать друг друга? Как лингвисты могут противостоять потоку “хейта”, который сейчас транслируется не только социальными сетями, но и государственными СМИ?». Участники в зале, в частности магистранты, активно предлагали разные решения – от адресного обучения навыкам критического слушания до создания социальных пространств, в которых могли бы формироваться нормы доброжелательного кооперативного общения.

Проведенная Институтом лингвистики конференция подтвердила высокий научный уровень коммуникативной лингвистики, дала возможность широкого обсуждения теоретических и практических проблем, а также вопросов методики преподавания. Конференция способствовала формированию и укреплению научных связей между представителями различных лингвистических направлений. Статьи по докладам участников конференции, отобранные редколлекцией, и тематически связанная с ней статья Евгения Вадимовича Насильникова «Стилистическое измерение формальности в политическом дискурсе (на материале корпуса речей президентов США)» опубликованы в настоящем номере «Вестника РГГУ».

Литература

Вестник 2024 – Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5 (Московский лингвистический журнал. Т. 26) / отв. за вып. Я.Г. Тестелец.

Кульпина 2021 – *Кульпина В.Г.* Обзор межвузовской научной конференции «Язык и методы его описания», РГГУ, 28 января 2021 г., кафедра теоретической и прикладной лингвистики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 255–263.

References

- Kulpina, V.G. (2021), “The review of the interuniversity conference ‘Language and methods of its description’, Russian State University for the Humanities, 28 January 2021, Department of theoretical and applied linguistics”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 255–263.
- Testelefs, Ya.G., ed. (2024), *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5 (Moscow Journal of Linguistics, vol. 26).

Информация об авторе

Светлана И. Переверзева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; P_Sveta@hotmail.com

Information about the author

Svetlana I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; P_Sveta@hotmail.com

Рецензия

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-222-228

Рецензия на книгу:
Федорова Л.Л. Свет в окошке: слово как образ.
М.: РГГУ, 2022. 431 с.

Павел С. Дронов
Институт языкознания, РАН, Москва, Россия,
dronov@iling-ran.ru

Аннотация. Вышедшая монография Людмилы Львовны Федоровой посвящена лексической и фразеологической семантике, стереотипам и национально-культурной специфике языкового образа. Разнообразные языковые и культурные сюжеты, представленные в книге, объединены общей идеей языка как образа мира, анализа культурных стереотипов. Автор развивает идеи когнитивной теории метафоры, когнитивной этнолингвистики.

Ключевые слова: этнолингвистика, лексика, фразеология, культурная специфика, языковая картина мира

Для цитирования: Дронов П.С. [Рец.]: Федорова Л.Л. Свет в окошке: слово как образ. М.: РГГУ, 2022. 431 с. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 222–228. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-222-228

Book review:
Fedorova L.L. Svet v okoshke: slovo kak obraz
[Light in the window. The word as an image].
M.: RGGU, 2022. 431 p.

Pavel S. Dronov
Institute of linguistics, RAS, Moscow, Russia,
dronov@iling-ran.ru

Abstract. The monograph by Lyudmila Lvovna Fedorova deals with lexical and phraseological semantics, stereotypes and national-cultural specific nature of the linguistic image. The various linguistic and cultural subjects presented

© Дронов П.С., 2024

in the book are united by the general idea of language as an image of the world, analysis of cultural stereotypes. The author develops the ideas of the cognitive theory of metaphor, cognitive ethnolinguistics.

Keywords: ethnolinguistics, vocabulary, phraseology, cultural specific nature, linguistic worldview

For citation: Dronov, P.S. (2024), “[review of]: Fedorova L.L. Svet v okoshke: slovo kak obraz [Light in the window. The word as an image]. M.: RGGU, 2022. 431 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 222–228, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-222-228

Монография Людмилы Львовны Федоровой «Свет в окошке» посвящена семантике, стереотипам и национально-культурной специфике языкового образа. Своеобразие единиц различных языков рассматривается в сопоставлении. На разнообразном и разноязычном материале автор развивает семантические идеи А.Б. Пеньковского, Н.Д. Арутюновой, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, постулаты когнитивной этнолингвистики Е. Бартминьского.

Языковые и культурные сюжеты, представленные в книге, объединены общей идеей языка как образа мира, анализа культурных стереотипов, культурной специфики лексики и фразеологии. Некоторые главы основаны на докладах, прочитанных автором на российских и международных конференциях (например, конференции проблемной группы «Логический анализ языка» и серия конференций «Эмоциональная сфера человека в синхронии и диахронии» в Институте языкознания РАН, фразеологический семинар под руководством В.М. Мокиенко). Другие главы публикуются впервые.

Монография Л.Л. Федоровой состоит из введения и шести разделов. Раздел I «Ключевые ценности в метафорах и образах» посвящен образам дома, семьи, души, чести и др. Темы пяти глав раздела часто пересекаются и проникают друг в друга: если в первой главе исследуется дом как источник метафор, а во второй – поэтические метафоры на основе души, то в третьей мы увидим, среди прочего, анализ метафор дома и души в идиомах и поговорках, посвященных семье (ср. рус. *Семья вместе, и душа на месте*, макед. *Плаче куќа за куќница* ‘Плачет дом по хозяйке’). В данном разделе также представлен анализ лексикографических описаний «женского начала» – всех возможных семантических полей, связанных со словом *женщина* – в русском, французском, испанском и ацтекском языках.

Раздел II озаглавлен «Имя как образ и символ». В его пяти главах рассматриваются культурные аспекты различных номинаций – традиционных обращений (*лапочка, голубчик*), наименований различных животных (ср. различные коннотации рус. *малиновка* и англ. *robin*). В этом разделе автор также обращается к теме души: первая глава раздела посвящена армянским словам со значением ‘душа’, ‘дух’ и употреблению русского заимствования *դիմի* <dux> ‘дух’ и его косвенной формы *դիմիւն* <dux'ov> в разговорном армянском языке (особенно – в лозунгах и песнях, возникших в 2018 г. во время прихода к власти Н.В. Пашиняна). Вторая глава также посвящена номинации *душенька*.

Раздел III «Фольклорные сюжеты, мотивы, образы» посвящен различным фольклорным образам и жанрам, их эволюции в современном обществе. В первой из пяти глав предлагается глубокая и детальная классификация такого вида паремий, как народные приметы (с. 168–177). Автор, развивая идеи Е.Г. Павловой, делит их на приметы-прогнозы и приметы-правила. Прогнозы делятся на природные и суеверные, а суеверные – на позитивные и негативные. Приметы-правила (*Не сей пшеницу прежде дубового листа; Не играй ножом – ссора будет*) делятся на рациональные и магические, т. е. основанные на магическом мышлении. Они могут быть как предписаниями, так и запретами.

Вторая глава посвящена анализу фольклорных мотивов в речевых формулах – идиомах-комментариях *Тихий ангел пролетел...* и *Дурак родился* ‘о возникшей долгой паузе в разговоре’. Изучаются денотативные, экспрессивные, оценочные компоненты их значения, языковая игра на основе внутренней формы (ср. модификацию двойной актуализации, при которой меняется и денотативный компонент: *Тут вдруг на несколько минут воцаряется молчание. Тихий ли ангел пролетел или донельзя возмущенный* (В. Аксенов) – о скандальной ситуации, общем замешательстве. Анализ данной идиомы и представлений о дураке, глупости плавно переходит в третью главу – «Русский, французский и польский дурак: сопоставление концептов». Концепт дурак изучается на примере паремий и идиом, выявляются параллели в трех языках, а также *differentia specifica*: например, в польских лексикографических источниках, кроме глупости и отсутствия ума, среди характеристик дурака и простака указано неумение извлекать выгоду. Отдельно рассматриваются сдвиги в семантике и прагматике, возникающие в языке молодого поколения.

Четвертая глава посвящена небылицам-импоссибилиям – жанру, построенному на абсурде и алогизме в языке и тексте. Своеобразным «перекидным мостиком» к ней от предыдущей главы яв-

ляется разбор небылиц как маркеров поведения дурака на примере «Гаргантюа и Пантагрюэля» и его переводов на русский (Н.М. Любимов) и польский (Т. Бой-Желеньский). В четвертой главе небылица исследуется и как жанр, и как прием моделирования абсурда («небывалое в мире, нелепое в поведении» – с. 225) в фольклоре и современной литературе, а также в дискурсе СМИ.

Наконец, последняя глава данного раздела посвящена истории и семантическим изменениям слова *тролля*, его своеобразной «эволюции» от фольклорных и сказочных образов до интернет-коммуникации¹. Исходное значение в скандинавских языках, наподобие норвежского, – ‘сказочное существо’ (производные слова так или иначе связаны или с характером тролля, или с его сверхъестественной природой: норв. *trollet* ‘нехороший, скверный’ <о ребенке>, *trolldom* ‘волшебство, колдовство’); в английском языке исходное значение *troll* ‘ловить рыбу на блесну’. Л.Л. Федорова указывает: «Языки обменялись своими “троллями”, добавив их в словарь. При этом английский тролль удачно вошел в полисемичную структуру норвежского тролля, в котором уже развилось переносное значение ‘зловредный человек’; в итоге этот образ дополнился новыми сферами деятельности, сохранив свой нрав. <...> В русском языке оба “тролля” заимствованы <...> Однако расцвет интернет-культуры утвердил и новый английский образ, который развивается не только благодаря калькам, но и выстраивая собственное словообразовательное гнездо, метафоры и фразеологию» (с. 239).

Раздел IV «Авторские предпочтения: образы и краски» посвящен идиостилю И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского. В первых двух главах Л.Л. Федорова рассматривает использование ими диминутивов, а во второй – употребление ими цветообозначений («Живописная палитра прозы Тургенева и Достоевского»). Отмечается, что, если Тургенев использует диминутивы преимущественно для передачи объективной оценки малого размера, выделения деталей в образе персонажа или предмета, то у Достоевского диминутив передает субъективную оценочность, создающую эмоциональное напряжение текста. Цветообозначения у двух авторов также используются совершенно по-разному: Достоевский описывает внешность, состояния и чувства героев в скупых по цвету зарисовках, тогда как для Тургенева цвет, наблюдение за игрой цвета, светотенью – это и языковое средство, и объект повествования.

Третья глава посвящена предикатам эмоционального состояния на материале глаголов, описывающих состояние человека, понав-

¹ Эта глава написана в соавторстве с Н.Д. Бохановой, специалистом по норвежскому языку.

шего в неловкое положение, в прозе Достоевского; в число рассматриваемых глаголов входит *стусеваться*, который, как известно, был введен в оборот самим писателем. Одновременно с анализом употребления русских глаголов автор изучает отражение соответствующих эмоций в английских переводах Достоевского. Глава во многом перекликается с работами А.А. Зализняк, Е.Р. Иоанесян о семантических переходах, Д.О. Добровольского о параллельных текстах и переводах Достоевского на немецкий язык.

Раздел V озаглавлен «Грамматические средства образности и оценки». Первая глава посвящена особому виду русских устойчивых сравнений – сравнениям с экспрессивным суперлативом (*тише воды, ниже травы, слаще меда, выше крыши, проще пареной репы*). В отличие от других устойчивых сравнений, складывающихся на основе уподобительных отношений, экспрессивный суперлатив основан на образе запредельного превосходства признака в выбранном эталоне. Обращает на себя внимание нетривиальная трактовка образной составляющей идиомы *тише воды, ниже травы*: *тише* понимается не как обозначение звука, а как медленное течение, которое, наряду с образом склоненной травы дает образ смиренного поведения. Во второй главе, «Маленькие комедии сложных слов» (в заглавии содержится отсылка к метафоре Л. Теньера: «Глагол – это маленькая драма»), исследуются композиты с глагольной основой – и часто с нарочито абсурдной образной составляющей (рус. *держиморда*, фр. *garde-fou* ‘перила’, букв. «берегись-дурак», болг. *нехранимайко* ‘лентяй’, букв. «не-корми-мать»). Следующие главы посвящены метафорическим значениям аффиксов – префикса *до-* в третьей главе и аффиксов-интенсификаторов *пре-* и *-оньк-/-еньк-* в четвертой.

Последний раздел, «Язык как образ мира», состоит из трех статей о языковой картине мира. В первой главе подробно рассматриваются языковые образы Италии в русском языке и России в итальянском, взаимное «отражение» в языке; автор показывает, что итальянские заимствования в русской лексике воспринимаются как «свое» и общее для европейской культуры, тогда как в итальянском значительная часть заимствований продолжает оставаться экзотизмами.

Вторая глава, «Оценки и ценности в языке ацтеков», посвящена формам вежливости и уничижительности в классическом науатле – языке международного общения в Мезоамерике XIV–XVI вв. Ср. гонорифик *-tzin: in amihijotzin in amotlatoltzin* ‘Ваши речи’ (букв. «ваше драгоценное дыхание, ваше драгоценное слово»). Исследуются коммуникативные стратегии, отражение общественных отношений (в том числе в номинациях, таких как «наш уважаемый

младший брат» – обращение одного мужчины к другому, равному по статусу) и ценностей. Особое внимание уделено ацтекским биномам – парным номинациям, находящимся на стыке лексики и фразеологии (*in cozcatl in quetzalli* ‘ребенок’, букв. «ожерелье из нефрита, перо кецаля» – ср. коми *ныр-вом* ‘лицо’, букв. «нос-рот», удмурт. *ымныр* ‘лицо’, букв. «рот-нос»).

Завершает раздел VI глава «Резьянские славяне – из тени в свет», которая представляет собой грамматический очерк резьянского языка – малого литературного южнославянского языка (микроязыка в терминологии А.Д. Дуличенко), на котором говорят жители долины реки Резия на севере Италии. В нем подробно рассматриваются языковые особенности, вызванные романским и германским влиянием, а также образом жизни резьянцев: в частности, жизнь в гористой местности привела к появлению в языке сложных предложных конструкций, указывающих на начальную и конечную точки движения: *tet ghore-w wäs* ‘идти (вверх) в деревню’, *tet do-h njamú* ‘идти (вниз) к нему’ (ср. рус. *из-за*, *из-под* и *по-над*; заметим, что в резьянском, по-видимому, большая часть предлогов относится к сложным).

Монография Л.Л. Федоровой охватывает весьма широкий круг тем, направлений и языков, свидетельствуя о широте интересов и глубине знаний автора – от лексической семантики до грамматики конструкций и «малого синтаксиса», от армянского до резьянского. В то же время от главы к главе, от языка к языку повторяются своего рода лейтмотивы: ценности «дом», «семья», «дети», «ум/глупость», «честь». Рассказывая о культурной специфике, автор указывает на параллели и универсалии, на то, что объединяет всех людей.

Отдельной похвалы заслуживает авторский стиль: не выходя за научно-академические рамки, автор пишет просто о сложном и нетривиальном, и монография читается как научно-популярная работа; заметим, что это характерно и для других книг автора, например учебных пособий «История и теория письма» (М.: Наука, 2015), «Семиотика. Курс лекций для магистрантов и аспирантов» (М.: РГГУ, 2019), монографии «Линейный и эмблематический принцип в письме и языке» (М.: РГГУ, 2020).

Книгу Л.Л. Федоровой «Свет в окошке: слово как образ» можно рекомендовать более широкому кругу читателей.

Информация об авторе

Павел С. Дронов, кандидат филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; dronov@iling-ran.ru

Information about the author

Pavel S. Dronov, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009; dronov@iling-ran.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 12
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 10 раз в год

Подписано в печать 20.02.2025
Выход в свет 27.02.2025
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 12,5. Усл. печ. л. 14,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2103

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru